

Наше новейшее средневековье, или Военные преступники Всея Руси

В России есть два типа современных военных преступников — чьи деяния связаны со второй чеченской войной, начавшейся в августе 1999 года. Как раз тогда ж Владимир Путин был назначен президентом Ельциным премьер-министром страны. Война длилась все время первого президентского срока Путина и не прекратилась до сих пор.

Дела о военных преступлениях имеют одну сходную черту — все они идеологические. Как говорится, «закон отдыхает». Те, кто осужден, получили свои приговоры не в соответствии с юридической процедурой, основанной на законах, а следуя порывам идеологических ветров, которые дули из Кремля на момент их осуждения.

Итак, первый тип — сюда входят военные преступники, которые действительно воевали. С одной стороны, из числа федеральных военнослужащих, участвовавших в так называемой «антитеррористической операции» в Чечне. С другой стороны, боевики — те, с кем воевали федералы. Первых отмывали от преступлений. Вторым юридически неряшливо натягивали преступления. Первых правосудие (прокуратура и суд), даже при наличии доказательств вины (а это тоже большая редкость, когда прокуратура даже собирала против них доказательства), выводило из-под удара. Вторых втаскивало под самый жесткий из возможных приговор.

Самый известный «федеральный» пример — дело полковника Буданова, командира 160-го танкового полка Министерства обороны России, 26 марта 2000 года (в день выборов президента Путина) похитившего, изнасиловавшего и убившего 18-летнюю чеченскую девушку Эльзу Кунгаеву, жившую в родительском доме в селении Танги-Чу, на окраине которого был временно дислоцирован полк командира Буданова.

Самый известный пример осужденного военного преступника-боевика — Салман Радуев. Радуев — один из знаменитых чеченских полевых командиров, бригадный генерал, совершавший террористические рейды еще с первой чеченской войны, командующий так называемой «Армией генерала Дудаева» — был пойман в 2001 году, осужден к пожизненному заключению и при невыясненных обстоятельствах погиб в Соликамской тюрьме для особо опасных преступников (Соликамск — известный «тюремный» город на Урале, в Пермской области, где находятся соляные копи, место традиционной ссылки для многих поколений людей еще с царских времен). Радуев также — символ непримиримого бойца, сражавшегося за чеченскую свободу от России. Судебных дел, подобных радуевскому, очень немного, и, как правило, их рассматривали в закрытых процессах, пряча информацию от общества, хотя, зачем именно так поступали, непонятно; и впоследствии, изредка и тайно, можно было с большим трудом познакомиться с материалами уголовных дел на боевиков, и, оказывалось, что они также идеологические, но только со знаком «наоборот». То есть, не заботясь о доказательствах, им приписывали преступления, следуя принципу: «надо осудить», и, что ни предъяви, ничего оспорено не будет.

Таким образом, вся первая категория военных преступников не прошла настоящей юридической процедуры. И это самый главный результат. После вынесения приговоров чеченские боевики недолго жили в далеких колониях и тюрьмах. Они погибали при неизвестных обстоятельствах — их «убирали» по желанию власти, в чем уверены, как показывали социологические опросы, даже те люди в России, которые поддерживают усилия правительства и президента, ведущих войну в Чечне, поскольку у нас практически никто не верит в непредвзятость отечественного правосудия и верят в его политическую ангажированность.

Второй тип — это военные преступники, «кто оказался рядом». Случайные люди, попавшие под колесо истории. Не воевали, но чеченцы, и «нужно» было осудить. Типичный пример — дело Ислама Хасуханова. В его деле — все, как в 37-м году. Будто Сталин жив, и ЧК действует. Выбитые показания, пытки,

применение психотропных средств с целью сломить волю. Именно этим адским путем прошли большинство чеченцев, которые попали в застенки не только ФСБ, но и других силовых структур, беспредельничающих в Чечне, где пытаются у кадыровцев (отряд последователей Ахмат-Хаджи Кадырова, марионеточного промосковского главы администрации Чечни), пытаются в военных комендатурах, пытаются в ямах при воинских частях, в следственных изоляторах при отделах милиции...

Руководит и направляет эту работу ФСБ. Люди Путина. Под патронажем Путина. Выполняя желание Путина.

Часть первая.

Сталин с нами навсегда

Ислам Хасуханов: «...У меня четырнадцать переломов ребер, один осколок ушел в почку, проломлен череп, перебиты руки... не думаю, что я выживу».

ДОСЬЕ

Хасуханов Ислам Шейх-Ахмедович — родился в 1954 г. в Киргизии. С 1973 г. — в армии. Окончил Киевское высшее военно-морское политическое училище. С 1978 г. — на Балтийском флоте. С 1989 г. — на Тихоокеанском флоте. Офицер-подводник с военной академией за плечами — элита флота. В 1991 г. окончил Военно-политическую академию им. Ленина в Москве. Уволился в запас в 1998 г. в чине капитана первого (высшего) ранга с должности заместителя командира большой атомной подводной лодки «Б 251». С 1998 г. жил в Грозном. Был начальником военной инспекции при правительстве Аслана Масхадова и начальником его оперативного штаба. Женат, имеет двоих сыновей. Вторая жена — племянница Аслана Масхадова, дочь его старшего брата. Не воевал ни в первую, ни во вторую чеченскую войну. Не скрывался от властей. Жил по собственному паспорту. Был арестован 20 апреля 2002 года в районном центре Шали спецподразделениями ФСБ как «международный террорист» и «один из организаторов незаконных вооруженных формирований». Осужден Верховным

судом Республики Северная Осетия-Алания к 12 годам лишения свободы в колонии строгого режима.

Предыстория суда

Что творится с человеком, когда его хватает современная ФСБ? Не тот ЧК, что в 37-м, из страшных книжек, из солженицынского ГУЛАГа, а современная, наших дней, благосостояние которой обеспечивается налогоплательщиками.

Об этом в России теперь много разговоров и страхов. Никто ничего не знает, но все всего боятся, как это было раньше. И тоже, как и прежде, при советской системе, лишь очень редко что-то выходит наружу. Дело Хасуханова — именно такой случай. Только узнав все его кошмарные детали, ты понимаешь шокирующий смысл последнего слова подсудимого Ислама Хасуханова, сказанного перед тем, как был вынесен приговор: «На сентябрь 2000 года я во многим был не согласен с Масхадовым и не скрывал это от него, я видел другие решения... Но сейчас, после того, что испытал, я с ним согласен».

...Согласно материалам уголовного дела № 56/17, Ислам Хасуханов был задержан в чеченском райцентре Шали, на улице Маяковского, 27 апреля 2002 года, за «хранение и ношение оружия». Статья 222 Уголовного кодекса Российской Федерации. То есть, должно быть... это самое оружие...

Но вооруженные люди в масках, как это обычно бывает в Чечне, ворвались тогда на рассвете в дом родственников Хасуханова, где он жил с семьей, и утащили его неизвестно куда, даже не подбросив ему оружия, а своего у Хасуханова не было. Федеральные спецподразделения, промышляющие в Чечне в поисках «международных террористов», давно уже полностью уверенные в собственной вседозволенности, на сей раз действовали по наводке информатора и шли наверняка «брат» одного из «руководителей незаконных вооруженных формирований» (НВФ — устойчивая аббревиатура в воюющей России), участь которого была запрограммирована — умереть... И поэтому никакого пистолета

или автомата в качестве вещественного доказательства ни в одном процессуальном документе этого дела так и не зафиксировано. Но...

Статья осталась — 222-я. Впрочем, как и само фальшивое число, когда его уволокли из семьи — «27 апреля». На самом деле Хасуханова арестовали еще 20 апреля, и это типичная для нашей «антитеррористической операции» ситуация. Забирают человека в никуда, и первая неделя его заключения — самая страшная. Человека как бы «нигде нет», он ни за кем — ни за одной правоохранительной структурой — не числится, его ищут везде родственники, а он будто бы «не существует» — это время, когда из него спецслужбы выбивают все, что им надо.

Время с 20 по 27 апреля Хасуханов не очень помнит — все плыло перед ним, как в предсмертной агонии. Побои — уколы — побои — уколы... И больше ничего.

...Из протокола судебного заседания, десять месяцев спустя после той страшной недели, с 20-го по 27-е:

— Первые семь дней я находился в здании ФСБ в Шали, где меня избивали. С тех пор у меня четырнадцать переломов ребер, одно ребро в почке...

Чего хотели от Хасуханова прежде, чем он умрет от побоев, — а ему был уготован именно этот исход? От него требовали вывести на Масхадова — и дальше он мог умирать. Но проблема была в том, что Хасуханов все никак не выводил. И все никак не умирал... Обладая недюжинным здоровьем подводника.

Так, 30 апреля его решили легализовать. Для этого приволокли (оформив санкцию тогдашнего прокурора Чечни Александра Никитина) в изолятор временного содержания (ИВС) другого чеченского райцентра — станицу Знаменскую. Хасуханова сдали в тот самый ИВС, который был стерт с лица земли взрывником-самоубийцей 12 мая 2003 года, и тогда, после взрыва, в Чечне

говорили: туда и дорога, поделом, скольких людей пытали в этом изоляторе... Сколько не выдержали пыток, и их тайно похоронили вокруг...

Хасуханов появился в Знаменской, похожим на самую смерть. Он был, как мешок с мясом, но дышал. И в Знаменской пытки продолжились. Ими руководил подполковник юстиции Анатолий Черепнев, заместитель начальника следственного отдела УФСБ РФ (Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации) по Чечне. Именно Черепнев стал главным «по Хасуханову» следователем — и одновременно руководящей и направляющей силой истязаний с целью получения доказательств. Чего же требовал Черепнев?

...Из протокола судебного заседания:

— За что к вам применялось насилие?

— Во всех беседах интересовал только вопрос о том, где Масхадов и где подводная лодка, которую я, якобы, хотел угнать. Вот два вопроса, из-за которых ко мне применяли насилие...

С первым пунктом все было более или менее ясно — Хасуханов не привел к Масхадову, да, собственно, и не мог привести. Он видел его в последний раз в 2000 году, а если и общался с ним, то виртуально — посредством аудиокассет: Масхадов, когда ему надо было, наговаривал и присылал Хасуханову через посыльного (один из них и стал информатором ФСБ, приведшим к Хасуханову), а Хасуханов изредка отвечал... В последний раз, перед арестом, Масхадов прислал Хасуханову аудиокассету в январе 2002 года, а за два дня до ареста, в апреле 2002 года, Хасуханов решил ответить... О чем были эти кассеты? Обычно Масхадов просил зафиксировать Хасуханова (для истории, видимо), кому из полевых командиров он, Масхадов, сколько денег передал. О том, почему именно Хасуханова Масхадов просил об этом — позже...

А пока — сюжет о «подводной лодке», он стоит того, чтобы о нем рассказать подробнее. Напомню, Хасуханов — подводник с достаточно высоким званием и должностью перед уходом в запас. И Хасуханов — единственный чеченец, который когда-либо (в советские и постсоветские времена) был офицером атомного подводного флота. Так вот, Черепнев стал подтягивать Хасуханова к «планированию членами НВФ захвата подводной ядерной лодки, завладения ядерным зарядом, захвата заложников из числа депутатов ГД, выдвижения требований об изменении конституционного строя РФ путем угрозы взрыва ядерного заряда и убийства депутатов» (это цитата из письма-запроса Черепнева в прокуратуру Чечни с требованием очередной санкции на продление ареста, которая была удовлетворена заочно).

Подтягивал, но тоже не вышло. Хасуханов не сдавался. И опять же — не мог сдаться. Потому что в 92-м году он сам «строил» (как говорят на флоте — то есть следил от имени будущего экипажа за строительством лодки на верфи, уже зная, что будет на ней служить) ту подлодку, которую ему «приписывал» теперь Черепнев. И была эта лодка ему дорога больше остальных — и не мог он ее хотеть захватить...

К сюжету «Захват подлодки» Черепнев готовился основательно. В ФСБ были сфабрикованы специальные документы, которые как бы писали боевики по агентурным данным Хасуханова. Это — «Рабочий план чеченских НВФ по проведению диверсионной акции на территории РФ и самодельные карты базирования 4-й флотилии АПЛ ТОФ» и «План проведения диверсионной акции на территории России». Естественно, с припиской: «Разработка операции произведена на основании визуальной и агентурной разведки в интересующем нас районе в течение декабря 1995 года», и вот именно под этими словами Хасуханов должен был поставить свою подпись...

Но он все не ставил, и так и не поставил... И тогда били его в ФСБ все изощреннее. Хотя куда уж больше, неизвестно. И теперь уже за то, что ломает планы...

Единственное, чего в результате добились Черепнев от Хасуханова, так это, чтобы тот, не помня себя от боли и психотропов, подписал («завизировал» — так это будет звучать позже в судебном приговоре) чистые бланки «приказов и боевых распоряжений Масхадова». И позже Черепнев вписал туда то, что считал нужным. Вот пример такой фальсификации (из текста обвинительного заключения по делу): «2 сентября 2000 года Хасухановым издано боевое распоряжение, которым всем полевым командирам предписывалось разбросать на автодорогах и маршрутах передвижения федеральных сил мелкие гвозди, болты, гайки, шарики с целью маскировки мин и фугасов... Тем самым, используя свою руководящую роль в НВФ, своими умышленными действиями, Хасуханов склонял других участников НВФ к совершению актов терроризма, направленных на противодействие наведению на территории Чеченской Республики конституционного порядка...».

Еще Черепнев требовал от Хасуханова подписывать, не глядя, протоколы допросов. И они получались следующего качества:

«Вопрос (как бы его задает Черепнев): Вам предъявляется ксерокопия обращения к российским офицерам № 215 от 25 ноября 2000 г. Что вы можете показать?»

Ответ (как бы отвечает Хасуханов): Подготовка и распространение подобного рода документов являлись составной частью пропаганды, проводимой оперативным управлением ВС ЧРИ под моим непосредственным руководством. Данные обращения были направлены на противодействие российским СМИ в части, касающейся освещения ими хода контртеррористической операции. Я понимал, что распространение подобного рода документов может привести к дестабилизации положения на территории ЧР, но продолжал действовать...».

Типичный военный слог. Целый месяц, набирая ТАКОГО материала, пытали Хасуханова в Знаменской.

...Из протокола судебного заседания:

— А когда я уже из-за избиений ничего не понимал и ни на что не реагировал, то меня под уколами перевезли в ФСБ Северной Осетии. Меня там не хотели принимать в СИЗО (*следственный изолятор*. — Прим. авт.) из-за побоев, врач сказал, что я через двое суток умру, и тогда меня отвезли на лесзавод — учреждение ЯН 68-1.

— Вы медицинскую помощь получали?

— Я просто лежал в лесзаводе, где три месяца приходил в себя.

Что это такое — «лесзавод»? Изредка, в историях о без вести пропавших в Чечне после зачисток, это место всплывает. Одни, кто там побывал и выжил, называют его по российской, со сталинских времен, устойчивой привычке «лесоповалом», другие «лесзаводом» (официальное наименование — учреждение № ЯН 68-1, ведомственно принадлежащее Министерству юстиции Республики Северная Осетия).

О «лесзаводе» известно, что там, действительно, принимают от сотрудников правоохранительных органов (в первую очередь от фээсбэшников) избитых до полусмерти людей и закрывают глаза на то, что у них нет документов. То есть это те самые люди-никто, бесследно исчезнувшие в результате встречи с федералами.

И большое спасибо тем, кто работает в «лесзаводе», за то, что они принимают в свое учреждение нелегалов и нелегально, — они многих так спасли от верной смерти. Из тех, кому полагалось умереть, но кого федералы просто поленились застрелить по дороге из Чечни в Осетию, или кого, уже безнадежных, сюда везли именно умирать, чтобы самим руки не марать... Сколько и кого тут в результате умерло за вторую чеченскую войну и от кого не осталось даже могильного холмика — не знает никто. Зато известно, сколько выжило. Хасуханов

— один из чудом спасенных. Его пожалел охранник. Просто пожалел, и все — и каждое свое дежурство приносил из дома парное молоко.

Так Хасуханов снова выжил и, значит, опять предстал перед Черепневым. В чеченском УФСБ такая система заведена: раз выжил, будет суд, выживают немногие — поэтому и судов мало над «международными террористами». Но, тем не менее, суды быть должны: в общей структуре «антитеррористической операции» отдельных «террористов» полагается осуждать, поскольку отчетности об этом время от времени требуют у Путина западные лидеры, а он того же самого требует от ФСБ и Генеральной прокуратуры. Вот они и стараются. Если кто выживает...

Владикавказ

Владикавказ — столица Республики Северная Осетия-Алания, граничащей с Чечней и Ингушетией. И Осетия — полноправный участник «антитеррористической операции». Тут находится Моздок — самая главная военная база, где формируются федеральные подразделения перед отправкой в Чечню. (И именно поэтому Моздок стал ареной двух крупных терактов с участием смертников 2003 года — 5 июня (женщина-камикадзе взорвала себя, войдя в автобус, перевозивший военных летчиков) и 1 августа, когда грузовик с тонной взрывчатки, за рулем которого был мужчина-камикадзе, взрезался в военный госпиталь.)

Во Владикавказе же, в североосетинской столице, традиционно проходят многие суды по сфабрикованным делам над «международными террористами». Местные адвокаты работают скорее не защитниками, а некой четвертой силой в тесной связке с судом, ФСБ и прокуратурой и поддерживают усилия о выведении «международных террористов» на чистую воду.

Тут же, во Владикавказе, сотрудники УФСБ по Чечне также часто подолгу работают, предпочитая вывозить своих жертв и вести их допросы в здании местного УФСБ. Чтобы подальше от войны — всем хочется жить.

Так было и на сей раз. Черепнев приехал во Владикавказ к Хасуханову и, прежде всего, взял ему адвоката. Обратите внимание: с 1 июля 2003 года в России действует новый и очень передовой, лучших европейских стандартов Уголовно-процессуальный кодекс, который вообще запрещает, среди прочего, допрашивать подозреваемого без адвоката, но тем не менее, «когда требуется», у нас все бывает по-прежнему. Защитника у Хасуханова не было с 20 апреля до 9 октября 2002 года. Вообще. Целых полгода. Ровно до тех пор, пока на «лесзаводе» у него срослись кости черепа, рук и ребер, и можно было готовить его к появлению в суде.

Интересно, как все было оформлено. 8 октября Черепнев вызвал Хасуханова на допрос и сказал, что он должен написать ходатайство на его имя. И продиктовал следующее: «Прошу вас предоставить мне адвоката на предварительном следствии... До настоящего времени в услугах адвоката не нуждался, в связи с чем претензий к органам следствия по данному вопросу не имею... Адвоката прошу пригласить на усмотрение следователя...».

Итак, 9 октября у Хасуханова был первый допрос с участием владикавказского защитника Александра Дзилихова. Естественно, Хасуханов посчитал его не адвокатом, — а просто очередным сотрудником ФСБ, представившимся адвокатом... По-другому он считать и не мог. Впрочем, Дзилихов тоже ничего не сделал такого, что бы повернуло Хасуханова к нему, — Дзилихов не давал своему подзащитному никаких советов. Просто сидел на допросах и молчал.

...Из протокола судебного заседания:

— Вы можете сказать, есть ли разница между показаниями, которые вы давали до присутствия адвоката и после? И какая это разница?

— Да, есть разница. Раньше, когда допрос заканчивался, мне не давали читать протоколы, а когда появился адвокат, то давали читать...

Всего таких допросов в присутствии защитника у Хасуханова было три. 9, 23 и 24 октября — точнее, Черепнев просто за эти три дня переписал показания, выбитые в Знаменской, на новые бланки, и это стало «показаниями в соответствии с УПК». (*УПК — Уголовно-процессуальный кодекс России.* — Прим. авт.)

25 октября Черепнев назначил последний день следствия. И объявил Хасуханову, что очень скоро он получит для ознакомления текст обвинительного заключения, и его задача — побыстрее подписать этот текст... Чтобы у Хасуханова не осталось иллюзий, на два дня, 29 и 30 октября, Хасуханова опять куда-то возили из СИЗО, и, конечно же, без адвоката... Куда, он не знает — ему надевали на голову мешок. Но зачем, скоро понял: потому что возили его как бы на расстрел. «Ну все, тебе конец», — приговаривали охранники, передергивая затворы.

Естественно, это была имитация расстрела — поугатать, чтобы не сопротивлялся и подписал все, что есть в обвинительном заключении...

Подписал, конечно... Кто стоял под расстрелом, знает, что сопротивляться сложно. Кто не стоял — пусть почитает Достоевского. Так вот, Хасуханов опять не сломался и впоследствии, на суде, отрицал то, что легло в основу обвинительного заключения (утвержденного новым прокурором Чечни Владимиром Кравченко и текст которого потом почти полностью переключал в приговор судьи Валерия Джиеова).

Далее — цитаты из них обоих с необходимыми комментариями, чтобы было ясно: не фабрикуются дела на бумаге, и никто из фабрикующих этого не боится, чувствуя полную поддержку сверху, не боится даже того, что эти бумаги остаются для истории, которую в России традиционно переписывают по прошествии времени...

«В апреле 1999 г. Хасуханов... добровольно вступил в вооруженное формирование, не предусмотренное федеральным законом... Хасуханов вышел на связь с помощником Масхадова — Хамбиевым Магомедом, который предложил ему оказать своим опытом помощь Масхадову в организации работы создаваемой НВФ — «Военной инспекции»...

Вы поняли, о чем речь? О том, что после ухода в запас Хасуханов приехал домой, в Грозный, и, будучи офицером с академическим образованием, — а таких чеченцев просто не было, — был приглашен Масхадовым на работу в правительство. В 1999 году это было обычное республиканское правительство, финансируемое из Москвы, а Масхадов был законно избранным президентом Чечни, признанным Москвой... «Военная инспекция», куда Масхадов пригласил Хасуханова, была ему нужна как воздух. Чеченское чиновничество разнузданно воровало — как, впрочем, и московское, и нужен был знающий человек, способный контролировать именно военные финансовые потоки. Прежде всего, приходящие из федерального казначейства. Так какое же это «НВФ»?

...Из протокола судебного заседания:

— Вы считали действия президента Масхадова законными? — Был вопрос прокурора.

— Да. Я не мог знать, что Масхадов, правительство и силовые ведомства будут признаны незаконными. Я знал, что Масхадов — президент, он был признан и федеральным руководством, с его министрами встречались, выделялись финансовые средства, и, естественно, я не знал, что вступаю в НВФ...

— Вы занимались проверкой финансово-хозяйственной службы МВД ЧРИ (Министерства внутренних дел Чеченской Республики Ичкерия. — Прим. авт.)?

— Да, в июне 1999 года я доложил Масхадову о результатах проверки. Я перечислил все, на что были израсходованы деньги. Все эти сведения я получил тогда в МВД Российской Федерации. Все эти сведения были официально получены. Я и не подозревал ничего незаконного.

...В работу Хасуханова перед войной действительно входили проверка финансово-хозяйственной деятельности и организация системы учета и контроля за денежными средствами, выделяемыми на содержание силовых структур Чечни — МВД, Национальной и Президентской гвардий, Главного штаба. Летом 99-го он выяснил, что через Главный штаб проходят значительные суммы денег на оружие и обмундирование, но, к примеру, те гранатометы, которые на эти деньги Министерство обороны заказывало на грозненском заводе «Красный молот», заведомо непригодны для боевых действий, и, значит, это осознанный грабеж средств.

То же было с военным обмундированием: его шили в чеченском городе Гудермесе по 60 рублей за комплект, но по документам проводили, как «сделано в Прибалтике», и цена поэтому значительно выше...

Обо всем этом Хасуханов доложил Масхадову, и у начальника Военной инспекции тут же начались проблемы с силовым окружением президента, причастного к разбазариванию средств. Но уже через неделю работы в Военной инспекции Масхадов назначил Хасуханова на должность начальника своего штаба — именно потому, что Масхадов остро нуждался в честных людях.

На календаре был конец июля 99-го. Приступил к работе начальник штаба Хасуханов в августе — за несколько дней до начала второй чеченской войны. В ней Хасуханов отказался принимать участие...

При чтении протоколов судебных заседаний (а суд был закрытый) не покидает ощущение заданности. Вроде бы Хасуханов должен быть надолго осужден за что-то очень серьезное... Но о чем, там не сказано... И остается

догадываться по косвенным признакам... И, быть может, тогда, в 99-м, Хасуханов выяснил что-то такое, что ему аукнулось в 2002—2003-м... Не за тайну ли тех самых разворованных федеральных средств, выделенных на силовые структуры Чечни через силовые структуры федерального центра, его решили осудить? То есть того самого воровства, которое во многом, как подозревают, и привело к началу второй войны, — чтобы концы были навсегда спрятаны в воду? И именно поэтому военная верхушка России сегодня так непримирима к мирным переговорам?..

И снова цитата из обвинительного заключения (а также и приговора): «Хасуханов, активно принимая участие в деятельности НВФ, в 1999 году занимался вопросами, связанными с финансированием НВФ... Разработал и осуществил на практике систему учета денежных средств, направляемых на содержание НВФ «Национальная гвардия», «Главный штаб» и МВД самопровозглашенной «Республики Ичкерия». Проявив на этой должности организаторские и деловые качества, Хасуханов в конце июля 1999 года был назначен Масхадовым на должность начальника своего штаба. Активно участвуя в деятельности указанного НВФ, Хасуханов участвовал в выработке основных решений по противодействию, в том числе вооруженному, силам федерального правительства в наведении ими конституционного порядка на территории ЧР...».

Читается просто смешно. Если не знать, чем заплатил Хасуханов за столь наглую фальсификацию истории силами ФСБ...

...Из протокола судебного заседания:

— Скажите, какая была необходимость лично вам находиться в Чечне с начала боевых действий и по день задержания?

— Я не считал для себя возможным повернуться спиной к Масхадову, потому что считал его законно избранным президентом. Я не мог прекратить войну и делал все, что было в моих силах... Я иногда исполнял его просьбы... Я по лесам не в состоянии был ходить, но то, что я мог делать, я делал. Я видел, как погибают

люди, и знаю, как наводится конституционный порядок. Я не буду скрывать, что вся эта война — геноцид. Но я никогда не призывал к совершению терактов.

— К уничтожению федеральных войск призывали?

— Для того чтобы призывать, надо руководить людьми. А я ими не руководил.

— Находился ли кто-нибудь из полевых командиров непосредственно в вашем подчинении?

— Нет.

...Передо мной — документы ДСП (*для служебного пользования*. — Прим. авт.). Готовя дело к суду, Черепнев разослал во ВСЕ районные (низовые) отделы ФСБ по Чечне запросы о том, какие «акты терроризма» на территории их районов были осуществлены по «боевым распоряжениям начальника оперативного штаба ВС ЧРИ Хасуханова». Напомню: «боевым распоряжениям», которые Хасуханов подписывал на следствии как чистые бланки, а Черепнев потом вписывал (сочинял) то, что хотел, и то, что требовалось...

И, естественно, ВСЕ начальники районных отделов ответили: никакие, Хасуханов ни за каким терактом не числится... И это же не боевики прислали Черепневу бумаги, — а «свои»... Но машина обязательного осуждения «руководящего члена НВФ» — как теперь, после того как он выжил, стали называть его дело — продолжала крутиться. Вопреки фактам и доказательствам. И суд не обратил на эту стопку бумаг ДСП ровным счетом никакого внимания... Как и прокуратура.

Суд

Процесс по делу Хасуханова прошел в закрытом режиме и на очень большой скорости: с 14 января по 25 февраля 2003 года, в Верховном суде

Республики Северная Осетия-Алания, с председательствующим Валерием Джиевым. Этот суд не увидел ничего противоестественного ни в чем. Ни в полугодовом отсутствии адвоката. Ни в том, что пригласили его те, кто бил. Ни в том, что подсудимый был неизвестно где с 20 по 27 апреля. Ни в пытках. Хотя СУД и ПРИЗНАЛ ПЫТКИ, НО НИКАК НА ЭТО НЕ ОТРЕАГИРОВАЛ. Вот цитата из приговора: *«В ходе расследования Хасуханов не давал признательных показаний, но под психологическим и физическим давлением со стороны работников ФСБ вынужден был подписывать готовые протоколы допросов.*

— Вы говорили, что к вам было применено насилие? — спросил судья Хасуханова. — Вы можете назвать фамилии лиц, которые применяли к вам насилие?

— Назвать не могу. Так как не знаю их.

И суд пошел дальше — раз палачи не показали жертве удостоверений личности перед расправой. И даже отказал в медицинской экспертизе, наблюдая перед собой человека со вмятиной в черепе. Только что и сделал суд, так это запросил начальника «лесзавода» Теблоева, находился ли Хасуханов в медсанчасти его учреждения. И когда начальник ответил: «Да, находился. С 3 мая по сентябрь 2002 года, с диагнозом: ушиб грудной клетки», суд просто это «скушал», даже не позволив себе удивиться, что с «ушибом грудной клетки» человек четыре месяца находится в медсанчасти...

«Подсудимый Хасуханов (цитата из приговора) в судебном заседании вину свою в совершенных преступлениях не признавал... Сообщил, что считал своим долгом выполнять отдельные просьбы и поручения законно избранного президента Масхадова. Не приготавливался к совершению террористических актов, не занимался финансированием полевых командиров. Подтверждает лишь то, что некоторые приказы, распоряжения Масхадова заверял собственноручной записью «копия верна»...

И все?

И — все. Итог — 12 лет колонии строгого режима. Без права на амнистию. И — самое последнее слово подсудимого: «Я хочу сказать, что не собираюсь отрекаться от своих убеждений. То, что происходит в Чечне, считаю грубейшим нарушением прав людей. Действительных преступников никто не ловит. И пока будет происходить то, что происходит, таких, как я, на скамье подсудимых будет много».

Нас накрывает такой мрак, из которого мы уже однажды выползали несколько советских десятилетий подряд. Историй о том, как пытками ФСБ фабрикует дела в нужном себе идеологическом ключе, допуская суд и прокуратуру себе в прислужницы, становится все больше. И их уже так много, что они не исключение, они заполняют все пространство вокруг каждого из нас, — и не представляется возможным вести речь о какой-либо случайности.

Это значит: наша Конституция умирает, невзирая на наличие в стране гаранта Конституции. И ФСБ назначена ответственной за ее похороны.

...Странные вещи творятся вокруг меня. Все «западники» — мы так называем европейцев и американцев, — то есть люди с Запада, столь увлеклись Путиным, так его полюбили, что... панически боятся что-то сказать против.

Узнав, что Хасуханова привезли на «Красную Пресню» — в знаменитую московскую пересыльную тюрьму, в тюремную сортировку, откуда осужденных обычно распределяют по этапам, отправляющимся в другие части страны, — я позвонила в московское бюро Международного Красного Креста. Сотрудники этой организации — почти единственные — имеют возможность навещать тюремные камеры и конкретных осужденных и подсудимых.

Я позвонила, потому что знала: после пыток, через которые прошел Хасуханов, он — живой труп. Состояние его здоровья крайне тяжелое. Я

попросила их навестить Хасуханова, пока он в «Красной Пресне», помочь ему с лекарствами, попросить тюремное начальство о лечении, договориться о регулярном посещении...

Прошла неделя, в течение которой московское бюро рассматривало мою мольбу о помощи. И — отказало, промямлив в ответ, что «это очень сложно»...

Я знаю смысл этих ответов, им цена — страх. Перед ФСБ. И нежелание хоть в чем-то перечить путинской политике. Позор, между прочим.

Часть вторая.

Прецедент полковника Буданова

25 июля 2003 года в Ростове-на-Дону, в военном суде Северо-Кавказского округа, был, наконец, вынесен приговор теперь уже бывшему полковнику Российской армии Юрию Буданову — обладателю двух орденов Мужества, участнику и первой, и второй чеченских войн — 10 лет, которые он должен провести в колонии строгого режима за преступления, совершенные в Чечне, в ходе проведения так называемой «антитеррористической операции» (второй войны), за похищение и убийство с особой жестокостью чеченской девушки Эльзы Кунгаевой.

Судебным решением от 25 июля Буданов был также лишен воинского звания и всех государственных наград. Дело Буданова, начавшееся в день выборов президента Путина (26 марта 2000 года), продолжалось больше трех лет из четырех лет второй чеченской войны и стало огромным испытанием для всего нашего общества: от Кремля до жителя самой маленькой деревушки. Мы все решали и пытались ответить на вопрос: кто они — солдаты и офицеры, ежедневно убивающие, грабящие, пытающие и насилюющие в Чечне? Типичные уголовники и военные преступники? Или же бескомпромиссные и жесткие участники всемирной борьбы с международным терроризмом всеми доступными ими способами, и, значит, благородная цель спасения человечества оправдывает средства, которые

они используют? В результате дело Буданова стало совершенно политическим для страны — настоящим символом нашего времени. Все, что попало на эти годы в мире и России — 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, войны в Афганистане и Ираке, создание международной антитеррористической коалиции, теракты в России, захват заложников в Москве в октябре 2002 года, чеченские женщины, беспрестанно подрывающие себя, палестинизация второй чеченской войны как ответ, в том числе, и на действия Буданова в Чечне, и на ход судебного процесса над ним, который чеченцы посчитали оскорбительным для своей нации, — все вместило это дело — яркое, трагичное и драматичное. Оно вывернуло наизнанку все наши проблемы, всю нашу жизнь вокруг второй чеченской войны, весь наш иррационализм по отношению к этой войне и времени правления Путина, все наши понимания, кто же прав на Северном Кавказе, а кто виноват, и, главное, какие болезненные изменения претерпела при Путине и на фоне войны система отечественного правосудия. Судебная реформа, которую пытались внедрить демократы и всячески двигал Ельцин, рухнула под напором дела Буданова. Потому что три с лишним года нам демонстрировали, что независимого суда, невзирая на реформу, нет. А на его месте — суд по политическому заказу, в зависимости от сиюминутной политической конъюнктуры, и, более того, этот заказ большинству населения кажется вполне нормальной вещью. Современный российский человек — человек времен правления президента Путина, с промытыми пропагандой мозгами, опять в большинстве своем мыслящий по-большевистски, но все-таки еще не полностью разучившийся самостоятельно думать, как это позволялось при президенте Ельцине, — наш человек не станет спешить с ответом, обязан быть суд политическим или все-таки по закону, и, скорее всего, призадумается над этим вопросом...

25 июля 2003 года родители зверски задушенной полковником Эльзы Кунгаевой, понимая лучше других, что творится, даже не пришли в зал судебных заседаний — они были уверены, что последует оправдательный приговор палачу их дочери.

Однако, произошло чудо, уже никем практически и не ожидаемое. Чудо — и одновременно подвиг судьбы Владимира Букреева. Подвиг, потому что он посмел вынести обвинительный приговор. Да еще с таким большим, не формальным, сроком заключения для Буданова. И, тем самым, пойдя против всей российской военной среды, активно поддерживающей Буданова и оправдывающей его поступки на войне. Несмотря на огромное и очевидное давление из Кремля и Министерства обороны (а система военных судов в России — это часть Вооруженных сил страны, где Верховный главнокомандующий, согласно Конституции, — президент), судья Букреев решил, что Буданов должен получить, что заслужил. При этом еще раз доказав: в России по-прежнему нет системы правосудия, а есть судебная система обслуживания политических заказов, против которой если кто и может выступить, так это лишь герой-одиночка. Вот как все было — как развивалось дело Буданова.

Дело

Начнем с документов — чтобы избежать мифологии, царящей в связи с делом Буданова как в российском обществе, так и в кругах европейских поклонников Путина. Что же такое военное преступление в современной России? Чтобы ответить на этот вопрос, позвольте процитировать, к примеру, обвинительное заключение по уголовному делу № 14/00/0012-00 (дело Буданова).

Эти цитаты очень ярко, хоть и написаны сухим прокурорским языком, демонстрируют реальную атмосферу второй чеченской войны лучше любой публицистики. Обстановку в частях, дислоцированных в зоне так называемой «антитеррористической операции», где царит почти повсеместная полная армейская анархия. Эта анархическая атмосфера в конечном счете и стала причиной и почвой для того, что совершил Юрий Буданов, теперь уже бывший полковник-танкист, командир элитного подразделения Российских вооруженных сил, сам — армейская элита (выпускник Военной академии), увенчанный всеми высшими наградами страны в знак признания его боевых заслуг.

«ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

в отношении полковника в/ч 13206 (160-й танковый полк) Буданова Юрия Дмитриевича, обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч.2 ст.105; ч.3 ст.126; п.п. «а», «в» ч.3 ст.286 УК РФ, и подполковника в/ч 13206 Федорова Ивана Ивановича, обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных п.п. «а,б,в» ч.3 ст.286 УК РФ.

(Необходимое пояснение: дело Буданова начиналось, как дело Буданова и Федорова, командира полка и его заместителя, — 26 марта 2000 года они совершали преступления и вместе, и порознь, но впоследствии подполковник Федоров был оправдан, поскольку его жертва осталась жива и публично простила его прямо в зале судебного заседания.)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ СЛЕДСТВИЕМ установлено:

Буданов Юрий Дмитриевич 31 августа 1998 года был назначен на должность командира В/ч 13206 (160-го танкового полка). 31.01.2000 Буданову было присвоено воинское звание «полковник». Федорову Ивану Ивановичу 12 августа 1997 года было присвоено звание «подполковник». 16 сентября 1999 года Федоров был назначен на должность начальника штаба — заместителя командира в/ч 13206 (160-го танкового полка). 19 сентября 1999 года, на основании директивы Генерального штаба Вооруженных сил РФ № 312/00264, в составе в/ч 13206 Буданов и Федоров убыли в командировку в Северо-Кавказский военный округ и в дальнейшем в Чеченскую Республику для участия в контртеррористической операции.

26 марта 2000 года в/ч 13206 находилась в пункте своей временной дислокации на окраине села Танги Урус-Мартановского района Чечни. Во время обеда в офицерской столовой полка Буданов и Федоров, по поводу дня рождения дочери Буданова, употребили спиртные напитки. Находясь в состоянии алкогольного опьянения, в 19 часов этого же дня, Буданов и Федоров, с группой офицеров полка и по предложению Федорова, прибыли в расположение

разведывательной роты полка, командиром которой являлся старший лейтенант Багреев Р.В.

(Необходимое объяснение: именно Роман Багреев, впоследствии, в зале суда, простит и Буданову, и Федорову то, что они сделали по отношению к нему.)

Проверив внутренний порядок в палатках подразделения, Федоров, желая доказать Буданову, что разведывательная рота, командиром которой, по его рекомендации, был назначен Багреев, может уверенно действовать в боевой обстановке, предложил Буданову проверить ее боеготовность. На это предложение Буданов первоначально ответил отказом. Однако Федоров продолжал настаивать на своем. После неоднократных предложений Федорова Буданов разрешил проверить боеготовность роты, а сам с группой офицеров направился к узлу связи. Получив разрешение, Федоров решил, не уведомляя об этом Буданова, дать команду на боевое применение штатного вооружения роты по селу Танги. При этом решение на открытие огня Федоровым было принято вне зависимости от складывающейся обстановки, без какой-либо реальной необходимости, так как со стороны Танги огонь по позициям федеральных войск не велся.

Реализуя свой план, грубо нарушая требование директивы Генерального штаба Вооруженных сил РФ от 21.02.2000 № 312\2\0091, запрещающей применение разведподразделений без всесторонней подготовки и проверки их готовности к выполнению боевых задач, Федоров отдал приказ занять огневые позиции и открыть огонь по окраине села Танги.

Исполняя команду, старший лейтенант Багреев отдал приказание личному составу роты занять позиции согласно боевому расчету и открыть огонь по одиноко стоящему дому на окраине Танги. Три боевые машины заняли боевые позиции. После занятия огневых рубежей часть экипажей роты не стала выполнять приказание Федорова на открытие огня по населенному пункту. Федоров, продолжая превышать свои должностные полномочия, стал требовать открыть огонь. Будучи раздосадованным отказом подчиненных, Федоров стал предъявлять

претензии Багрееву. В грубой форме Федоров стал требовать от Багреева, чтобы тот добился открытия огня своими подчиненными. Не удовлетворившись действиями Багреева, Федоров стал лично руководить действиями личного состава роты и в приказной форме требовать открыть огонь по окраине Танги. Он запрыгнул на одну из боевых ракетных установок и потребовал от наводчика машины прапорщика Ларина открыть огонь на поражение. Исполняя приказ Федорова, личный состав открыл огонь. В результате выполнения приказа Федорова и попадания снаряда в дом № 4 по ул. Заречной села Танги, принадлежащий жителю этого села Джаватханову А.А., стоимостью 150 тысяч рублей, дом был разрушен.

Добившись от личного состава роты выполнения своего противоправного приказа, Федоров стал хватать Багреева за одежду и продолжал в грубой форме предъявлять необоснованные претензии. Багреев, не оказывая Федорову никакого сопротивления, ушел в палатку своего подразделения.

Находясь возле узла связи полка, Буданов, услышав выстрелы в районе расположения разведроты, отдал приказание Федорову прекратить огонь и вызвал его к себе. По прибытии, Федоров доложил Буданову, что Багреев умышленно не исполнил приказ об открытии огня. По приказанию Буданова Багреев был вызван к нему. После прибытия Багреева Буданов в грубой форме стал предъявлять претензии Багрееву по поводу того, что тот своевременно не выполнил приказ Федорова на открытие огня. Буданов стал оскорблять его, а затем нанес Багрееву не менее двух ударов кулаком по лицу.

Одновременно с этим Буданов и Федоров приказали личному составу комендантского взвода связать Багреева и поместить его для отбывания наказания в яму, вырытую в расположении части. При этом Буданов схватил Багреева за обмундирование и повалил на землю. Федоров нанес Багрееву удар ногой, обутой в сапог, по лицу. Прибывший личный состав комендантского взвода связал Багреева, который лежал на земле. Далее Буданов совместно с Федоровым продолжил избиение Багреева, лежащего на земле. При этом Федоров нанес Багрееву,

лежавшему на земле, ногой, обутой в армейские полусапоги, не менее 5-6 сильных ударов по телу, в том числе и по лицу; Буданов нанес Багрееву ногами, обутыми в армейские полусапоги, не менее 3-4 ударов по туловищу.

После избиения Багреев был помещен в яму, где находился в сидячем положении со связанными руками и ногами. Спустя 30 минут после избиения Багреева Федоров вернулся к яме и, спрыгнув туда, нанес Багрееву не менее двух ударов кулаками по лицу, разбив нос до крови. Избиение Багреева было остановлено подбежавшими к яме офицерами полка. Спустя несколько минут к яме подошел Буданов. По его приказанию Багреева достали из ямы. Увидев, что Багреев сумел развязаться, Буданов вновь приказал личному составу комендантского взвода связать Багреева. Когда эта команда была исполнена, Буданов совместно с Федоровым стал снова избивать Багреева. Закончив избиение, по приказанию Федорова и Буданова, Багреева со связанными руками и ногами вновь поместили в яму. Когда Багреев уже находился в яме, Федоров спрыгнул в яму и укусил Багреева за правую бровь. В указанной яме Багреев просидел до 8 часов утра 27.03.2000, откуда был освобожден по приказанию Буданова.

В 24-м часу 26 марта Буданов, не имея на то указаний руководства вышестоящего штаба, осуществляющего руководство контртеррористической операцией, решил лично выехать в село Танги. Для проверки имевшейся у него информации о возможном нахождении в доме № 7 по ул. Заречной лиц, участвующих в НВФ (*незаконных вооруженных формированиях*. — Прим. авт.). Для выезда в Танги Буданов приказал подчиненным подготовить к выезду БМП-391 (*БМП — боевая машина пехоты*. — Прим.авт.). При выезде Буданов и члены экипажа вооружились штатным оружием автоматами АК-74 (*автоматы Калашникова*. — Прим.авт.). При этом Буданов уведомил экипаж БМП в составе сержантов Григорьева, Егорова, Ли-ен-шоу, что они едут задерживать женщину-снайпера. По этой причине члены экипажа в дальнейшем беспрекословно выполняли его приказания и команды.

В первом часу ночи 27 марта Буданов прибыл в Танги. По приказу Буданова БМП была остановлена рядом с домом № 7 по ул. Заречной, где проживала семья Кунгаевых. Буданов вместе с Григорьевым и Ли-ен-шоу зашел в дом. Там находилась Кунгаева Эльза Висаевна, 22 марта 1982 года рождения, вместе с четырьмя несовершеннолетними братьями и сестрами. Их родители в доме отсутствовали. Буданов спросил, где родители. Не получив ответа, Буданов, продолжая превышать свои служебные полномочия, в нарушение ст.13 ФЗ *(федерального закона. — Прим.авт.) «О борьбе с терроризмом»*, приказал Ли-ен-шоу и Григорьеву захватить Кунгаеву Эльзу.

Григорьев и Ли-ен-шоу, полагая, что действуют правомерно, захватили Кунгаеву и, завернув ее в одеяло, взятое в доме, вынесли ее из дома и поместили в десантный отсек БМП-391. После совершения похищения Буданов доставил Кунгаеву в распоряжение в/ч 13206 танкового полка. По приказанию Буданова Григорьев, Егоров, Ли-ен-шоу занесли в КУНГ *(кузов унифицированный грузовой, или вагончик для офицерского состава. — Прим.авт.)* — помещение, где проживал Буданов, завернутую в одеяло Кунгаеву, положив ее на пол. После этого Буданов отдал им распоряжение находиться возле КУНГа и никого не допускать.

Оставшись наедине с Кунгаевой, Буданов стал требовать от нее сведений о возможном местонахождении ее родителей, а также информацию о путях перемещения боевиков в Танги. Получив отказ, Буданов, не имея права допрашивать Кунгаеву, продолжал требовать от нее интересующие его сведения. Поскольку Кунгаева на все требования Буданова сообщить сведения о боевиках отвечала отказом, Буданов стал избивать Кунгаеву, нанося ей множественные удары кулаками и ногами по лицу и различным частям тела. Кунгаева пыталась оказать сопротивление, отталкивала его, попыталась выбежать из КУНГа.

Буданов, будучи уверен, что Кунгаева участвовала в НВФ и причастна к гибели его подчиненных в январе 2000 года, решил убить ее. С этой целью Буданов, схватив Кунгаеву за одежду, повалил ее на топчан и, схватив ее рукой за шею, стал с силой сдавливать ей шею. Осознавая, что, сдавливая подобным

образом шею Кунгаевой, он лишит ее жизни, желая наступления ее смерти, Буданов продолжил с силой сдавливать Кунгаевой руками шею до тех пор, пока не убедился, что она не подает признаков жизни. Только после этого он прекратил сдавливать шею потерпевшей.

Эти умышленные действия Буданова повлекли перелом правого большого рога подъязычной кости у Кунгаевой, развитие нее асфиксии и последующую ее смерть. Осознав, что совершил умышленное убийство Кунгаевой, Буданов вызвал к себе в КУНГ Григорьева, Егорова и Ли-ен-шоу и приказал вывезти ее тело и тайно захоронить за пределами части. Данное указание Буданова экипажем БМП-391 было исполнено. Тело Кунгаевой было ими тайно вывезено и захоронено в одной из лесопосадок, о чем утром 27 марта 2000 года Григорьев доложил Буданову.

Обвиняемые Буданов и Федоров, будучи допрошенными в связи с настоящим уголовным делом, частично признавая свою вину в инкриминируемых им деяниях, изменили данные ими на первоначальном этапе следствия показания.

ОБВИНЯЕМЫЙ БУДАНОВ ЮРИЙ ДМИТРИЕВИЧ.

Допрошенный в качестве свидетеля 27.03.2000, Буданов пояснил, что 25 марта он выезжал в Танги. В одном из домов им были обнаружены мины и задержаны два чеченца. Давая пояснения об обстоятельствах конфликта со старшим лейтенантом Багреевым, Буданов отметил, что Багреева никто не избивал. При проверке боеготовности разведроты, которую он проводил вместе с Федоровым около 19 часов 00 минут 26 марта 2000 года, рота неправильно действовала по команде «к бою». Возник конфликт, Багреев в нецензурной форме оскорбил Федорова. Тогда он приказал арестовать Багреева. Буданов отрицал факт отдания Федоровым команды на обстрел Танги и факт открытия огня. В конце допроса Буданов заявил ходатайство о том, что хочет написать явку с повинной о совершении им лишения жизни родственницы граждан, принимавших участие в бандформированиях на территории Чечни.

Далее собственноручно 27.03.2000 Буданов в явке с повинной на имя военного прокурора Северо-Кавказского военного округа изложил следующее. 26 марта 2000 года он убыл на восточную окраину Танги с целью уничтожения или пленения снайперши. Прибыв в Танги в 0 часов 20 минут, зашел в дом на окраине. Там находились две девушки и два парня. На вопрос, где родители, старшая дочь ответила, что не знает. Тогда он приказал подчиненным завернуть эту девушку в одеяло и отнести в машину. Когда прибыли в часть, девушку занесли в его КУНГ. Оставшись вдвоем, он спросил у девушки, где ее мать. Ему, Буданову, по оперативной информации, было известно, что ее мать является снайпершей у боевиков. Девушка ответила, что плохо знает русский язык и не знает, где родители. На это он ответил, что она должна знать, где ее мать и сколько она убила русских. Девушка начала кричать, кусаться, вырываться. Ему пришлось применить силу. Завязалась борьба, в результате которой он порвал на девушке кофту и бюстгальтер. Девушка продолжала вырываться, тогда ему пришлось повалить ее на топчан и начать душить. Душил ее за горло правой рукой. Нижнюю часть одежды с нее не снимал. Минут через 10 она затихла, он проверил пульс на шее. Она оказалась мертва. Буданов вызвал экипаж, приказал завернуть тело в покрывало, вывезти в лесопосадку, в районе танкового батальона, и похоронить.

Допрошенный 28.03.2000 в качестве подозреваемого, Буданов показал, что 3 марта 2000 года из оперативных источников ему стало известно, что в Танги проживает снайперша. Она воюет на стороне боевиков, и ему показали ее фотографию. Все это ему стало известно от одного из жителей Танги, который имел личные счета с боевиками. Этот же житель показал ему где-то 13-14 марта 2000 года последний дом на восточной окраине села, где проживала снайперша. 24 марта 2000 года он проехал мимо этого дома, но в дом не заходил.

26 марта он подъехал к этому дому. По имевшейся у него информации, снайперша именно ночью с 26 на 27 марта должна была быть дома. Он зашел в дом. В доме никто не спал, все были одеты. Буданов спросил, где хозяин дома, старшая девушка ответила, что не знает. Тогда он приказал подчиненным взять ее с

собой. Забрав девушку, они вернулись в расположение полка, и он с этой девушкой остался наедине в своем КУНГе.

Девушка стала кричать, оскорбила его нецензурной бранью и попыталась убежать из КУНГа. Он схватил ее и толкнул на кровать. При этом он порвал на ней кофту. Затащив ее в дальний угол КУНГа, повалил на топчан и начал душить правой рукой за кадык. Она оказывала сопротивление, и в результате этой борьбы он порвал на ней верхнюю одежду. Она успокоилась минут через 10. После того как она успокоилась, он проверил пульс, пульса не было. Вызвал в КУНГ экипаж, зашли командир экипажа и телеграфист. В этот момент девушка лежала в КУНГе в дальнем углу раздетая, на ней оставались только трусы. Вошедшим он поставил задачу завернуть ее в покрывало, в котором ее привезли, и похоронить. Его, Буданова, вывело из себя, что она не говорила, где ее мать, и, по имеющимся у него сведениям, ее мать из снайперской винтовки 15-20 января 2000 года в Аргунском ущелье убила 12 солдат и офицеров.

Будучи допрошенным 30.03.2000 в качестве обвиняемого, Буданов виновным признал себя частично и показал следующее. 23 марта 2000 года он задержал двух чеченцев. В доме, где они находились, были изъяты 60 штук 80-миллиметровых мин. Один из чеченцев, Шамиль, согласился показать Буданову дома, где проживают боевики, если они его отпустят. Одев на голову Шамиля солдатскую шапку, он посадил его в БМП и с ним проехал по селу. Именно Шамиль показал дом на восточной окраине Танги, где живет снайперша. Кроме того, им были показаны 5 или 6 домов, где живут боевики. От Шамиля ему, Буданову, стало известно, что по ночам снайперша часто приходит домой. Что у снайперши есть дочь, которая постоянно ее информирует о российских военнослужащих.

Буданов частично изменил свои показания о поведении Кунгаевой, сказав, что она говорила, что они доберутся и до него, что ему и его подчиненным живыми из Чечни не выбраться, начала выражаться в адрес его матери нецензурной бранью, после чего побежала к выходу. Последние ее слова полностью вывели Буданова из

себя. Он успел схватить ее за кофту и повалил на топчан. Рядом с топчаном стоял стол, на котором лежал его пистолет. Она пыталась рукой взять этот пистолет. Повалив ее на топчан, правой рукой держал Кунгаеву за горло, левой — за ее руку, чтобы она не могла забрать пистолет. Она стала вырываться, в результате чего на ней была порвана вся верхняя одежда. Он руку с горла не убирал, минут через 10 она успокоилась.

(Необходимые пояснения: эти постепенные изменения показаний Будановым на следствии как раз и происходили потому, что Кремль и военная верхушка страны очнулись от шока, связанного с поступком неожиданно осмелевшей прокуратуры, которая позволила себе арестовать боевого полковника-орденоносца, — и так власть стала давить на следователей, ведущих допросы. В результате следователи стали подсказывать Буданову, что говорить, чтобы минимизировать юридические последствия совершенных преступлений, а, возможно, даже уйти от уголовной ответственности.)

В ходе дополнительного допроса 26 сентября 2000 года обвиняемый Буданов конкретизировал показания о том, откуда ему известно, что Кунгаевы участвовали в НВФ. Такая информация ему поступила от одного из чеченцев, с которым он встречался в январе-феврале 2000 года, после боев в Аргунском ущелье. Этот чеченец передал ему фотографию, на которой с винтовкой СВД (*снайперская винтовка*. — Прим.авт.) была сфотографирована Кунгаева.

Будучи допрошенным 4.01.2001, Буданов показал, что вину свою в похищении Кунгаевой не признает. Считает, что действовал правильно, исходя из той оперативной информации, которой он располагал. Когда увидел Кунгаеву Эльзу, то опознал ее по фотографии, которая у него была. Когда он дал команду Григорьеву и Ли-ен-шоу задержать Кунгаеву, то задерживал, чтобы передать ее правоохранительным органам. Не сделал этого, надеясь самостоятельно выяснить у задержанной, где находятся боевики, и принять скорейшие меры к их задержанию.

Он также понимал, что если боевики узнают о задержании Кунгаевой, то примут все меры, чтобы освободить ее. Именно по этой причине принял решение ехать сразу в полк. Кроме того, ночью все передвижения на длительные расстояния запрещены. Он же двигался в зоне ответственности полка, где ему передвижение разрешено. Вину свою в умышленном убийстве не признает, так как ее смерти не желал, был в сильно возбужденном состоянии и, как получилось, что задушил, пояснить затрудняется.

ОБВИНЯЕМЫЙ ФЕДОРОВ ИВАН ИВАНОВИЧ.

Допрошенный 3 апреля 2000 года в качестве свидетеля, Федоров показал, что 26 марта 2000 года он, Арзуманян (*боевой товарищ, в звании капитана, также друг Буданова, также его заместитель по полку. — Прим.авт.*) и Буданов пошли проверять внутренний порядок в разведrote. Завершив проверку, он довел до Багреева вводную (*промежуточный приказ. — Прим.авт.*) — «нападение на командный пункт, огневой рубеж занять» — и указал место, где будет огневой рубеж. После этого вызвал Багреева к себе и спросил, почему боевые машины не стали на огневой рубеж. Что ответил Багреев, не помнит. В ответ на эти объяснения он, скорее всего, ответил Багрееву нецензурной бранью. Затем стал хватать Багреева за одежду.

Буданов, Арзуманян пошли на КП (*командный пункт. — Прим.авт.*) полка. Он не помнит, кто дал команду связать руки и ноги Багрееву, но военнослужащие комендантского взвода связали Багрееву руки. Тогда он подошел к Багрееву и нанес ему несколько ударов. Как он его бил, не помнит. Потом Багреева по его, Федорова, команде посадили в яму. Спрыгнув в яму, он хотел высказать Багрееву все, что думает о нем.

Из ямы его, Федорова, вытащил Арзуманян. О том, что Буданов ночью ездил в Танги, ему стало известно уже после прибытия в часть комиссии из штаба группировки войск «Запад».

Где-то 20 марта 2000 года он видел у Буданова ксерокопию фотографии женщины, которая, по пояснениям Буданова, являлась снайпером. Со слов Буданова, эта женщина проживала в Танги, и он должен найти ее. На вид этой женщине не более 30 лет. Где-то 25 марта 2000 года Буданов выезжал в Танги, и чеченец показал ему дома, где живут боевики.

Осмотром рабочего блокнота Федорова установлено, что на обороте листа № 8 имеется запись: Самбиев Шамиль, далее написано: ул. Зарцкая, дом 7, Хунгаев Идолбек. Лист приобщен к делу в качестве доказательства.

Будучи допрошенным по записи в рабочем блокноте, Федоров показал, что на странице № 8 записано, что именно Самбиев Шамиль указывал адреса в Танги, где проживают боевики. Записаны два адреса, так как остальных адресов чеченец не знал и дома указал визуально. Всего им было показано 10 домов.

Будучи допрошенным 24.11.2000, Федоров показал, что 26.03. 2000 он, Федоров, отдал Багрееву команду «к бою, противник со стороны Танги», после чего стал наблюдать за действиями разведчиков. Багреев продублировал эту команду. Затем он, Федоров, увидел, что действия Багреева были неграмотными. Федоров вспылел. Затем добился от Багреева правильного осуществления действий личного состава по боевому расчету.

После этого, видя, что проверка показывает слабую ориентацию ротного командира в обстановке, решил до конца проверить, как может рота выполнить задачу огневого поражения. Для этого он дал команду Багрееву — расход по одному снаряду на ракетную установку — по отдельно стоящему зданию на окраине Танги «Огонь». На его решение открыть огонь по данному дому повлияло и то, что из данного дома неоднократно велось за их танковым полком наблюдение. Относительно конфликта с Багреевым Федоров признал, что ему было обидно, что так ошибся в человеке, и эти мысли как бы подтолкнули его к дальнейшим действиям.

Будучи допрошенным 26.12. 2000, Федоров сказал, что не согласен с тем, что разрушенный дом оценен в такую сумму — 150 тыс. руб. Данный дом до открытия по нему огня 26 марта был уже значительно разрушен по причине того, что в декабре 1999 года на окраине Танги шли массированные боевые действия между федеральными войсками и бандформированиями. До открытия огня ему было достоверно известно, что были случаи обстрела позиций их части из района этого дома.

Между тем вина Буданова и Федорова в инкриминируемых им деяниях, помимо частичного признания ими своей вины, подтверждается совокупностью собранных по делу доказательств.

ПОТЕРПЕВШИЙ КУНГАЕВ ВИСА УМАРОВИЧ, 19.04.1954 г.р., женат, чеченец, агроном совхоза «Урус-Мартановский», отец Кунгаевой Эльзы Висаевны, показал следующее:

Эльза в семье была старшей среди детей. Кроме нее, в семье еще четверо детей. Эльза по характеру была очень скромная, спокойная, трудолюбивая, порядочная, честная. Вся работа по дому возлагалась на нее, так как его жена болеет и ей работать нельзя. По этой же причине уход за младшими был на Эльзе. Все свободное время проводила дома, по гостям не ходила, с мальчиками не общалась. Лиц мужского пола Эльза стеснялась. В интимные отношения с ними не вступала. Никаким снайпером дочь не была, ни в какие бандформирования не входила — это просто абсурд.

26.03.2000 он вместе с женой и детьми сходил на выборы *(по иронии судьбы, это и был день выборов президента Путина. — Прим. авт.)* и стал заниматься домашними делами. Жена стала собираться к своему брату Алексею в Урус-Мартан и около 15 часов уехала. С детьми он остался один.

Спать легли около 21 часа, т.к. не было света. Он отдыхал на диване в летней кухне. Около 0.30 27 марта он проснулся от гула боевой машины. Она

остановилась напротив их дома. Он выглянул в окно и увидел, что к их дому направляются какие-то люди. Он позвал старшую дочь Эльзу и попросил быстро поднять всех детей, одеть и уводить из дома, сказав ей, что дом окружают военные. Он, Кунгаев, выбежав на улицу, побежал к брату, который проживал на расстоянии 20 метров.

В это время брат уже бежал ему навстречу и стал вбегать в дом через центральные ворота. Далее, со слов брата, ему известно, что, зайдя в дом, он увидел полковника Буданова — узнал его, так как ранее в газете «Красная звезда» была опубликована его фотография.

Буданов спросил: «Кто ты такой?». Адлан ответил, что брат хозяина дома. Буданов в грубой форме ответил брату: «Иди отсюда». Адлан выскочил из дома и стал кричать. Со слов детей, ему, Кунгаеву, стало известно, что далее Буданов приказал солдатам взять Эльзу. Она кричала. Завернув в плед, ее вынесли на улицу. В связи с этим происшествием сразу сбежались родственники и стали поднимать всех на ноги, чтобы найти дочь.

Обратился к главе администрации, к военному коменданту села и Урус-Мартановского района. Утром в 6.00 на машине приехали в Урус-Мартан (*райцентр*. — Прим.авт.), чтобы принять меры к поиску дочери. К вечеру 27 марта 2000 года им стало известно, что Эльзу убили. По его, Кунгаева, мнению, Буданов похитил Эльзу, а затем изнасиловал, потому что она была красивой девушкой.

Свидетель Магамаев А.С. показал, что является соседом Кунгаевых. Семья жила бедно. Работали в основном в поле. Эльзу знал с рождения. Она росла застенчивой, со сверстниками мужского пола не общалась. Он может с уверенностью сказать, что Эльза никогда не участвовала в бандформированиях.

Следственным путем какую-либо причастность Кунгаевой Э.В. к незаконным вооруженным формированиям или ее участие в НВФ установить не удалось.

Допрошенный в качестве свидетеля Макаранов Иван Александрович, бывший военнослужащий в/ч 13206 (*солдат.* — Прим.авт.), показал следующее. Вечером 26.03. 2000 комендантский взвод подняли по тревоге. Затем, по команде командира полка, личный состав комендантского взвода связал командира разведроты. Багреев, командир разведроты, лежал на земле. Буданов и Федоров нанесли Багрееву по телу не менее трех ударов ногами каждый, все происходило очень быстро. После этого Багреева поместили в яму — так называемый зиндан.

Через некоторое время, когда уже стемнело, он услышал крики, стоны и вышел из палатки. Увидел, что в яме, куда поместили Багреева (палатка была на расстоянии 15—20 метров от зиндана), находятся Буданов и Федоров. Федоров наносил удары по лицу Багреева. Буданов находился рядом. Кто-то светил фонариком в яму, поэтому он все ясно видел. Затем Федорова кто-то вытащил из ямы.

До 2 ночи 27 марта он, Макаранов, находился в палатке Федорова, подтапливал печь. Около 1 часа ночи слышал, как к КУНГу Буданова подъехала БМП, и он из-за шторы палатки наблюдал за происходящим. Он видел, как к КУНГу Буданова идут 4 человека (один из них был Буданов). Один нес на плече что-то типа свертка, по размеру подходящего под размер тела человека. Он, Макаранов, видел, что из одного из концов свертка свисали длинные волосы, какие обычно бывают у женщин или девушек.

Тот, который нес сверток, открыл двери, занес сверток в КУНГ и положил на пол. В КУНГе в тот момент горел свет. Поэтому было видно. Буданов зашел в КУНГ. Расстояние от места, где он, Макаранов, был (в палатке), до КУНГа Буданова — метров 8-10, не более. Все время, после приезда Буданова, возле КУНГа у него стояли три человека из экипажа его БМП.

Допрошенный в качестве свидетеля Мишуров Е.Г. — бывший военнослужащий в/ч 13206 (*тоже солдат.* — Прим.авт.) — показал, что заступил

на дежурство в палатку начальника штаба в 2 часа ночи 27 марта. Видел, что возле КУНГа Буданова стояли два члена экипажа БМП Буданова. Около 3.30 БМП отъехала от КУНГа. Около 5.50 БМП вернулась в часть и встала недалеко от КУНГа.

Свидетель Кольцов Виктор Алексеевич показал, что проходил военную службу в в/ч 13206 по контракту с 1.02.2000. Ночью 26.03. 2000 заступил в караул часовым по охране ямы, где находился командир роты. На пост заступил около 23 часов. Ночью за пределы лагеря на БМП выезжал Буданов. Примерно через 30 минут БМП возвратилась в часть, метров за 100 от стоянки БМП Буданов крикнул водителю: «Выключай свет». БМП к КУНГу подъехала с выключенными фарами. Затем услышал, как хлопнула задняя дверь на БМП, затем открылась дверь КУНГа. Когда сменился с поста и зашел в свою палатку, увидел истопника начальника штаба Макаршанова. Тот сказал, что «командир опять привез бабу».

Свидетель Сайфуллин Александр Михайлович показал, что проходил службу в в/ч 13206 с августа 1999 года (*тоже солдат.* — Прим. авт.). С конца января 2000 года исполнял обязанности истопника в КУНГе у Буданова. Примерно около 5--5.15 27 марта он зашел в КУНГ командира, чтобы поддержать огонь в печи. Буданов лежал на правом лежаке, а не как обычно — на дальнем. Палас на полу был сдвинут и топорщился. Часы, которые висели над кроватью Буданова, стояли возле правой кровати, на полу, ближе к выходу. Штора, закрывавшая спальное отделение, была слегка отодвинута, и он увидел, что кровать Буданова была не застелена. Буданов спал. Около 7 утра он пришел в КУНГ, налил командиру ведро для умывания, Буданов сказал прийти в 7.15.

Командир сказал навести порядок в КУНГе и, головой показав на кровать, приказал поменять там одеяло и все белье. Он, Сайфуллин, приступил к уборке и заметил, что одеяло на кровати мокрое. Пятно было расположено примерно в 20 см от подножия, с края, прилегающего к стене. Приподняв одеяло, он обнаружил на простыне желтое пятно 15 см на 15 см. Он сменил белье. Затем Буданов дал ему час времени и приказал сделать в КУНГе капитальную уборку. Когда он забирал

белье с дальнего топчана из КУНГа Буданова, то левый угол простыни был мокрый.

В ходе осмотра 27.03.2000 КУНГа, где проживал Буданов, установлено, что на дальней от входа кровати лежит матрац. Матрац мокрый, ближе к середине ощущается запах мочи.

В ходе следствия изъяты постельное белье и одеяло с кровати из КУНГа Буданова. Белье приобщено к делу в качестве вещественного доказательства. При осмотре простыней на них обнаружены пятна желтого цвета.

Свидетель Герасимов Валерий Васильевич показал, что с 5 марта по 20 апреля 2000 года исполнял обязанности командующего группировкой «Запад». Утром 27.03 от коменданта Урус-Мартана ему стало известно, что ночью из Танги похищена девушка, подозрения падают на солдат. Он связался с командирами трех полков, в том числе и 160-го танкового Будановым, и приказал в течение 30 минут вернуть девушку. Сам вместе с генералом Вербицким Александром Ивановичем выехал сначала в 245-й полк, затем в 160-й.

В 160-м его встретил лично Буданов, сообщив, что в полку все в порядке, о девушке узнать ничего не удалось. Вместе с Вербицким поехал в Танги, где в тот момент собралось население. Из объяснения отца девушки следовало, что в деревню ночью приезжал полковник с солдатами на БМП, завернули девушку в плед и увезли. Они этого полковника знают — это командир танкового полка. Он и Вербицкий сначала не поверили этому. Вернулись в полк из деревни, Буданов отсутствовал. Он, Герасимов, приказал предпринять меры к задержанию Буданова.

(Необходимое пояснение: в Российских вооруженных силах действует правило, которое позволяет арестовывать военнослужащих только с разрешения и указания их вышестоящих командиров. Для Буданова таким командиром являлся только генерал Герасимов. В этом смысле можно утверждать, что делом Буданова как таковым мы обязаны именно генералу Герасимову. Если бы не его

разрешение 27 марта 2003 года — а большинство командиров в Чечне не дают разрешений прокуратуре на арест своих подчиненных в случае совершения теми военных преступлений, всячески покрывая их, — дела Буданова как такового не существовало бы вообще. Для обстановки в зоне антитеррористической операции поступок генерала Герасимова можно решительно рассматривать как большую смелость, которая вполне ему могла стоить карьеры. Однако, так как дело приобрело большой общественный резонанс, в данном случае этого не произошло, и впоследствии генерал Герасимов был даже назначен командиром 58-й армии Вооруженных сил — то есть получил серьезное повышение по службе).

После задержания Буданов был доставлен в Ханкалу (главная военная база в Чечне. — Прим.авт.). Вечером этого же дня механик-водитель БМП (тот, который ездил в село) признался, что ночью 27 марта они привезли девушку, затащили ее в КУНГ к Буданову. Спустя часа два Буданов вызвал их, девушка была уже мертва. Буданов приказал забрать труп и закопать.

Утром 28.03 труп откопали, повезли в медсанбат, сделали экспертизу, обмыли и отвезли тело родителям.

Допрошенный свидетель Григорьев Игорь Владимирович показал, что 27.03. 2000, по прибытии в часть, Буданов приказал им занести девушку, завернутую в одеяло, в его КУНГ, а самим оставаться рядом с КУНГом и охранять его, чтобы никто не вошел. Сам Буданов остался в КУНГе вместе с девушкой. Минут через 10, как они вышли из КУНГа, оттуда были слышны женские крики, также был слышен голос Буданова, потом из КУНГа была слышна музыка. Женские вскрики еще некоторое время доносились из КУНГа.

В КУНГе Буданов был с девушкой около 1,5-2 часов. Где-то спустя 2 часа Буданов вызвал всех троих в КУНГ, где на кровати лежала голая женщина, которую они привезли, лицо ее было синюшного цвета. На полу было постелено покрывало, в которое заворачивали девушку, забирая ее из дома. На этом же покрывале кучей лежала ее одежда. Буданов приказал им вывезти женщину и

закопать ее, чтобы никто не знал. Что они и сделали. Завернув тело в плед, они на БМП-391 вывезли девушку и захоронили тело, о чем утром 27 марта он, Григорьев, доложил Буданову.

Допрошенный 17.10.2000 Григорьев пояснил, что спустя минут 10-20 после их выхода из КУНГа Буданов стал кричать, что именно, он не слышал. Было также несколько вскриков девушки, вскрики, характерные для испуга. Когда по вызову Буданова они зашли в КУНГ, то увидели лежащую на топчане без признаков жизни обнаженную девушку. На ней не было никакой одежды. Она лежала на спине, лицом вверх. На полу лежало покрывало, на покрывале одежда девушки — трусы, кофта, еще что-то. На шее у девушки были синяки, как будто ее за горло душили. Буданов, показывая на нее, со странным выражением лица сказал: «Это тебе, сука, за Разамахнина и за ребят, что погибли на высоте».

Осмотром трупа Кунгаевой выявлены следующие повреждения: ссадины и кровоизлияния, расположенные на передней поверхности шеи в ее верхней трети, кровоизлияния в мягкие ткани шеи, синюшность, одутловатость лица, точечные кровоизлияния в кожу лица, конъюнктивы глаз, слизистую оболочку полости рта, под плевру и эпикард; кровоподтеки в правой подглазничной области, на внутренней поверхности правого бедра, рана на переходной складке конъюнктивы правого глаза, кровоизлияния в слизистую оболочку преддверия рта и десны, верхней челюсти слева. Труп без одежды. Рядом с трупом обнаружена одежда: кофта шерстяная, вязаная. На спине кофта имеет разрывы (разрезы). Юбка х/б (*хлопчатобумажная*. — Прим.авт.), один боковой шов разорван; футболка желто-белая на спине разорвана (разрезана) по всей длине, бюстгальтер бежевого цвета, бретелька сзади разрезана (разорвана), трусы х/б, бежевые.

Заключением судебно-медицинской экспертизы трупа Кунгаевой Э.В. № 22 от 30.04. 2000 установлено: обнаруженные на шее трупа повреждения прижизненного характера. Данные телесные повреждения возникли в результате сдавления шеи твердым предметом (ами) с ограниченной поверхностью. Данные повреждения могли образоваться в срок и при обстоятельствах, указанных в

описательной части настоящего постановления. Причиной смерти Кунгаевой явилось сдавление шеи тупым твердым предметом, повлекшее развитие асфиксии. Обнаруженные на трупе Кунгаевой кровоподтеки (на лице, левом бедре), кровоизлияния в слизистую оболочку преддверия рта, рана правого глаза образовались от воздействия тупого твердого предмета (ов) с ограниченной поверхностью. Видом повреждающего действия был удар. Указанные повреждения образовались прижизненно и могли образоваться в срок и при обстоятельствах, указанных в описательной части настоящего постановления.

Допрошенный в качестве свидетеля следователь военной прокуратуры капитан юстиции Симухин Алексей Викторович показал, что 27.03.2000 он получил указание привести Буданова на взлетную площадку в/ч 13206 для транспортировки последнего в Ханкалу.

В пути следования Буданов был очень возбужден, интересовался у него, как ему быть, что говорить, что делать. Утром 28.03.2000 он, Симухин, в составе следственной группы выехал для проведения следственных действий с участием свидетеля Егорова по обнаружению трупа Кунгаевой. Егоров самостоятельно указал место, где была захоронена Кунгаева. Хочу отметить, что место захоронения было очень тщательно замаскировано, скрыто дерном, и если бы Егоров не указал, где захоронена потерпевшая, то визуально это место на тот момент обнаружить было невозможно. Труп в могиле находился в полусидячем положении, как будто «эмбрион в утробе женщины», труп был абсолютно голый.

ПОТЕРПЕВШИЙ БАГРЕЕВ РОМАН ВИТАЛЬЕВИЧ, 12.02.1975 г.р., уроженец г. Никополь Днепропетровской обл., УССР (*Украина.* — Прим.авт.), заместитель начальника штаба танкового батальона в/ч 13206, старший лейтенант, показал следующее.

С 1.10.1999 в составе 160-го полка принимал участие в контртеррористической операции. Каких-либо личных счетов с Будановым и Федоровым у него не было.

20.03.2000 разведрота прибыла из села Комсомольского в село Танги. В полку был объявлен конкурс среди подразделений, у какой роты лучше порядок и бытовые условия. Первое место занял зенитный дивизион. Федоров не согласился с результатами и заверил всех, что разведрота все равно лучше всех. Чтобы убедить в этом Буданова, 26 марта Федоров настоял на том, чтобы была проведена проверка расположения роты.

После 18 часов в расположение прибыли Буданов, Федоров, Силиванец, Арзуманян (*офицеры танкового полка.* — Прим. авт.). Буданов был в нетрезвом состоянии, однако полностью себя контролировал. Федоров был очень сильно выпивши, разговаривал нечетко, пошатывался. Федоров стал уговаривать Буданова проверить боеготовность роты. Трижды или даже больше Буданов отказывал Федорову, но тот продолжал настаивать. Буданов уступил требованиям Федорова и дал ему команду «В ружье, к бою».

Он, Багреев, сразу же побежал в сторону окопов роты. Федоров — вслед за ним. Машины вышли на огневой рубеж. Буданов находился у узла связи. Ему было известно, что в каждой машине на линии досылания на лотке всегда лежит выстрел с осколочной гранатой. В тот момент никаких оснований для открытия огня по селу, кроме приказа Федорова, не было.

После того как БРМ (*боевой расчет машины.* — Прим. авт.) заняли позиции, он подал команду экипажам разрядить осколочный выстрел, зарядить кумулятивный заряд и произвести один выстрел поверх домов. При производстве выстрела вверх таким снарядом он, не встретив препятствия, самоуничтожается. Осколочный заряд самоликвидатора не имеет. Пока экипажи производили замену снарядов, произошла заминка.

Машина № 380 произвела выстрел вверх, поверх домов села. Федоров увидел это, лично запрыгнул на вторую машину БРМ, дал команду наводчику стрелять по Танги. Будучи неудовлетворенным его, Багреева, действиями, Федоров

стал его хватать за одежду, нецензурно оскорблять. Багреева вызвал Буданов. Прибыв к узлу связи, там был и Буданов, и Федоров. Они избили его.

Осмотром установлено, что на юго-западе от штаба в/ч 13206 на расстоянии 25 метров от КП (*командного пункта*. — Прим. авт.) полка на момент 27.03.2000 имелась яма, поверх которой положены три доски обрезных. Яма представляет собой углубление в земле: длина — 2,4 м, ширина — 1,6 м, глубина — 1,3 м. Стены ямы выложены кирпичом, дно ямы — земля.

(Необходимое пояснение: в деле Буданова — именно то, что вы только что прочитали, — содержится первое в России юридическое описание так называемого зиндана — широко распространенных во вторую чеченскую войну специальных пыточных ям, имеющих почти в каждой военной части на территории Чечни. Их используют, как правило, для содержания арестованных чеченцев, а также провинившихся солдат. Куда реже — офицеров младшего состава).

СВИДЕТЕЛЬ ПАХОМОВ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ, рядовой, показал, что 26.03. 2000 года около 20 часов Федоров кричал на Багреева: «Я научу тебя, щенок, выполнять мои приказы». В адрес Багреева сыпались отборные ругательства и оскорбления. Было очень дико смотреть на все происходящее. Поступила команда Федорова связать Багреева и посадить в яму. Ранее в полку имели место случаи, когда взвод связывал пьяных контрактников, а затем их сажали в яму, но чтобы такое происходило с командиром разведроты — это было необъяснимо.

Примерно через час взвод был вновь вызван Будановым по тревоге. Когда прибыли, Багреев уже находился на земле. Буданов и Федоров вновь стали избивать Багреева. После этого по команде Буданова Багреев был снова связан и помещен в яму. Затем к Багрееву спрыгнул Федоров и стал избивать Багреева в яме. Багреев в это время кричал и стонал в яме. В яму спрыгнул Силиванец и вытащил оттуда Федорова. Около 2 часов он, Пахомов, находясь в палатке, слышал

автоматную очередь. Как ему стало известно, это стрелял Суслов, чтобы образумить Федорова, который пытался пройти к Багрееву.

Уголовное дело по обвинению Григорьева Игоря Владимировича, Ли-ен-шоу Артема Ивановича, Егорова Александра Владимировича в заранее не обещанном укрывательстве убийства Кунгаевой, совершенного Будановым, в совершении преступления, предусмотренного ст. 316 УК РФ, прекращено вследствие амнистии.

Согласно заключению стационарной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, по своему психическому состоянию Буданов в период инкриминируемого ему деяния в отношении Багреева в каком-либо временном, болезненном расстройстве психической деятельности, в состоянии патологического или физиологического аффекта не находился. В момент убийства Кунгаевой Буданов находился в кратковременном, преходящем ситуационно обусловленном психоэмоциональном состоянии кумулятивного аффекта, не мог в полной мере осознавать фактический характер и значение своих действий и осуществлять их произвольную волевою регуляцию и контроль.

НА ОСНОВАНИИ ВЫШЕИЗЛОЖЕННОГО ОБВИНЯЮТСЯ:

БУДАНОВ Юрий Дмитриевич, ФЕДОРОВ Иван Иванович.

Заместитель военного прокурора Северо-Кавказского военного округа
полковник юстиции Ахмедов Ш.М.

Суд

Дальше дело Буданова перебралось в суд. Было это летом 2001 года. Первым судьей, рассматривающим то, что совершил Буданов, оказался полковник Виктор Костин, судья военного суда Северо-Кавказского округа, находящегося в Ростове-на-Дону, там же, где и штаб Северо-Кавказского военного округа, как у

нас говорят, «воюющего в Чечне». В Ростове-на-Дону очень велико влияние военных на всю жизнь города. Тут находится главный военный госпиталь, через который прошли тысячи искалеченных раненых военных из Чечни. Здесь живут семьи многих офицеров, находящихся в Чечне. Можно сказать, что в каком-то смысле этот город — прифронтовой. И это обстоятельство сыграло большую роль в судебном развитии дела Буданова. Пикеты и митинги у стен суда — в защиту Буданова, с лозунгами «Судят Россию!» и «Свободу герою России!» — были постоянным общественным аккомпанементом процесса.

Первая порция судебных заседаний шла больше года — с лета 2001-го по октябрь 2002 года. Причем происходило все совсем не с точки зрения «прав-виноват», а исключительно в манере «отбеливания» Буданова от всех грехов и преступлений. Судья Костин на протяжении всего времени заседаний демонстрировал свою откровенную пробудановскую пристрастность, отметал ВСЕ ходатайства со стороны потерпевших Кунгаевых, отказывал ВСЕМ свидетелям, которые могли бы что-либо сказать «против» Буданова. Было отказано даже в допросе генералов Герасимова и Вербицкого — на том основании, что они дали разрешение арестовать полковника-убийцу.

Прокурор в этот период также откровенно выступал на стороне подсудимого, фактически являясь его адвокатом, хотя обязанность прокурора, как известно, — защищать интересы жертвы.

Так это было внутри суда, так и снаружи. Общественное мнение в целом (митинги у здания суда с красными коммунистическими флагами, цветы Буданову, когда его вводили в здание суда перед началом очередного заседания) оказалось на стороне полковника. Руководство Министерства обороны (публичные выступления министра Сергея Иванова о том, что «Буданов, безусловно, не виноват») — тоже.

Идеологическая база для «отбеливания» Буданова от грехов была выбрана следующая: да, он совершил преступление, но он ИМЕЛ ПРАВО его совершить, ИМЕЛ ПРАВО так поступить с Эльзой Кунгаевой на том основании, что мстил на

войне противнику и поскольку считал девушку снайпершей, виновной в гибели офицеров полка в феврале 2000 года, во время тяжелых боев в Аргунском ущелье. Мстить «врагам», поясняли участники процесса, именуя «врагами» чеченцев, — это справедливо и праведно...

У семьи Кунгаевых с самого начала заседаний обнаружились серьезные проблемы с адвокатами. Семья — очень бедная, многодетная, безработная, вынужденная перебраться в палатку, в беженский лагерь на территории Ингушетии, после трагической гибели старшей дочери от рук полковника, опасаясь мести со стороны военных за то, что обратились в суд (им угрожали неоднократно). Поэтому защитников у них просто не оказалось. И тогда правозащитный центр «Мемориал» (базируется в Москве, но имеет филиал в Ростове-на-Дону) сам нашел адвокатов и долгое время осуществлял их пусть минимальную, но все-таки оплату.

Первым адвокатом, вступившим, таким образом, в дело, был Абдула Хамзаев, старейший чеченский юрист, давно живущий в Москве, к тому же дальний родственник Кунгаевых. Надо сказать, что его защита долгое время не была эффективной — скорее даже наоборот. И сам Абдула Хамзаев в этом не виноват. Просто наше общество, увы, развивается, как расистское, оно не доверяет выходцам с Кавказа, а тем более из Чечни, ни на йоту. Толку от пресс-конференций, собираемых Хамзаевым в Москве для того, чтобы рассказать, как тяжело движется дело в военном суде Ростова-на-Дону, не было никакого — журналисты не доверяли тому, что он говорит, и поэтому общественной кампании в защиту Кунгаевых не получалось... А в ней, единственной, и было спасение судебных перспектив политического дела, которое стопорилось, едва начавшись...

И тогда «Мемориал» пригласил, в помощь к Хамзаеву, молодого московского адвоката Станислава Маркелова, члена Межреспубликанской коллегии адвокатов (кстати, это та же коллегия, в которой состоят адвокаты Буданова). Из крупных дел, которые Маркелов вел до этого и чем привлек внимание «Мемориала», — это первые в России дела по обвинению в терроризме и

политическом экстремизме (взрывы памятников императору Николаю Второму под Москвой, попытка взрыва памятника Петру Первому, убийство скинхедами граждан России афганской национальности).

Маркелов — русский, и тогда это было принципиально. Выбор «Мемориала» был правильным, потому что дальше именно Маркелову, благодаря его энергичности, и правильно избранной тактике и манере общения с прессой впоследствии удалось привлечь к процессу большое общественное внимание, прежде всего журналистов в Москве, российских и иностранных, освещающих жизнь России. Это сыграло принципиальное поворотное значение для развития всего дела Буданова.

Но вот свидетельства адвоката Станислава Маркелова о том, что он увидел в суде, только вступив в дело (в этот момент процесс был фактически закрытым, присутствие журналистов запрещалось):

— Обстановка в зале была такова, что суд очень спешил, не желал углубляться ни в одну из наших просьб, отметал все, что может быть истолковано против Буданова. Только — в его защиту, в поддержку линии его защиты. А все наши ходатайства — например, о вызове «наших» свидетелей, о привлечении экспертов, о назначении независимых экспертиз — полностью не принимались во внимание. Мне казалось, судья Костин их даже не читает... Потому что какие бы ни были ходатайства — все скопом возвращали нам с отказом. А это по более чем десятку ходатайств в день.

— А почему ходатайств было так много? Зачем вы тоже дразнили суд, заваливали его таким их количеством? Разумна ли подобная адвокатская линия?

— Причина была проста: суд допускал нарушение за нарушением, и мы, как адвокаты, обязаны были реагировать. Ну, например, откуда взялось такое количество ходатайств? И откуда все эти люди, которых мы просили пригласить в суд для дачи показаний со стороны потерпевших? И почему вокруг, по крайней

мере, двух из них, развернулась такая бешеная борьба — и суд делал все, чтобы свидетели никогда не оказались допрошены? Напомню обстоятельства дела: накануне совершения преступления — 26 марта 2000 года, днем — Буданов вместе с другими офицерами, как на следствии показал и он, и офицеры, задержал в селе двоих чеченцев, и один из них якобы указал на тот дом, где, как утверждает Буданов, жила семья, поддерживавшая террористов или члены которой сами являлись террористами. Фамилии информаторов в материалах дела значились — их не скрывали. Мы, защита, стали выяснять, кто же эти люди, которые ввели Буданова в заблуждение, показав на дом Кунгаевых? Если, конечно, все это было и они вообще вводили его в заблуждение? Наша позиция была понятна: пусть эти люди приедут в суд и скажут, почему они это сделали? И вот тут-то и начались странности... Мы выяснили: один «информатор» — ГЛУХОНЕМОЙ. То есть физически он просто не мог СЛЫШАТЬ вопроса Буданова о том, кто в селе Танги-Чу — снайперша. И также физически ничего не мог ему ответить. Заметьте, в материалах дела утверждается, что этот глухонемой информатор именно «рассказал» обо всем Буданову!..

— А другой информатор?

— Его было еще проще найти. Дело в том, что 26 марта, после встречи с Будановым, этого второго информатора и полковника — конечно, совершенно случайно, вместе сфотографировали корреспонденты военной газеты Министерства обороны «Красная звезда». Именно в тот день корреспонденты работали в селении Танги-Чу. И одиннадцать их снимков из Танги-Чу — теперь часть уголовного дела. Так решила военная прокуратура, проводившая предварительное следствие. Это значит: человека можно всегда отыскать по фотографиям, и тогда тот, кто на фотографии, подтвердит суду, что в тот роковой вечер Буданов ехал в село Танги-Чу пленить террористов... Мы размышляли именно так — согласитесь, это важно и принципиально. Но дальше также начались недоразумения и непонятности: мы внимательно изучили фотографии, которые предоставили корреспонденты «Красной звезды», и оказалось, что дата съемки на них — 25 марта, а не 26-е, на чем настаивал Буданов в подтверждение своей версии

(таковы материалы предварительного следствия). Напомню, что якобы именно 26-го днем информаторы сказали Буданову о «снайпершах», и он, желая отомстить за убитых товарищей, будучи на нервном взводе от только что сообщенного ему, поехал «братъ снайпершу». Он еле терпит, чтобы дождаться вечера, сильные чувства захватывают его полностью и дальше, движимый ими, уже признанными к тому моменту судмедэкспертизой праведными, расправляется со «снайпершей», как с врагом, мстя за погибших товарищей, по законам военного времени... Однако если оказывается, что информаторы сообщили Буданову обо всем еще 25-го, то о каких спонтанных реакциях — чувствах, захлестнувших полковника полностью и оправдывающих его поведение, — можно говорить?.. Есть свидетели, что и 25-го целый день, и 26-го до середины дня, когда в полку началась офицерская пьянка, организованная Будановым по случаю дня рождения его маленькой дочери, полковник был спокоен. И никакой снайперше мстить не собирался...

— Однако давайте будем объективны. Хорошо — кто-то ошибся в датах. Такое бывает. Там — война... Ладно...

— Нет, не «ладно». Несхождение деталей в деле Буданова — на каждом шагу. Все, что можно, «пририсовано». Например, в материалах предварительного следствия значится, что информатор указывал на дом «грязно-белого цвета» — тот, в котором «жила снайперша». Но дом Кунгаевых, откуда Буданов похитил Эльзу, — кирпичный, красный, и его фотографии мы предоставили суду.

— И как отреагировал судья Костин?

— Никак. Как повелось... Еще один пример: информатор указал Буданову, если верить словам Буданова, что «снайперша» живет на улице Заречной, но Буданов-то воровал девушку из дома по Заречному переулку, который в селении Танги-Чу находится в километре от улицы Заречной, и это в прямо противоположном конце селения!.. Сложно представить, что информатор не указал Буданову хотя бы направление, в котором надо было ехать за «снайпершей»... Все эти несхождения, даже на обывательский, не юриста, взгляд, говорят об одном: суд

просто обязан был выслушать информатора и должен был быть заинтересован вызвать его. Ради установления истины — что же там было в Танги-Чу, в момент принципиальной встречи информаторов и Буданова? И ехал ли Буданов за «снайпершей»? Или просто за красивой девушкой? Которую, изрядно выпив, возжелал в ту ночь? И тогда «антитеррористическая операция», героем и жертвой проведения которой Буданова пытаются представить, — вся эта идеология тут совершенно ни при чем? И судебно-психиатрическая экспертиза не может строить все свои выводы только на этом «героизме» и «чувстве мщения снайперше»? Тем более что в деле есть характерные упоминания на тему о многочисленных предыдущих «бабах полковника» («опять командиру бабу понесли» — цитата из показаний солдата на предварительном следствии), да и другие военные красноречиво свидетельствовали об атмосфере, царившей в 160-м полку, передавали некоторые характерные детали быта танкистов на поле под Танги-Чу...

— И что случилось дальше?

— Дальше суд заявил, что не хочет выполнять собственное решение. И еще, что суд — не розыскное бюро и не обязан искать этого человека... Естественно, адвокаты активизировались и нашли его сами. Он оказался Рамзаном Сембиевым, осужденным, отбывающим наказание в колонии строгого режима на территории Дагестана, как похититель людей. Но сейчас речь — не о личности информатора, не о том, что помощниками Буданова были люди, которые совершали столь гнусные преступления. То, что мы нашли Сембиева в колонии строгого режима, означало только одно — доставить информатора Сембиева в судебное заседание для допроса не представляло никакой сложности. Потому что таковы российские уголовно-процессуальные нормы, в соответствии с которыми все люди, которые находятся в местах лишения свободы, значатся в специальной базе данных и доступны суду. Впрочем, для удобства судьи мы указали, в каком точно месте находился Сембиев, — кстати, совсем недалеко от Ростова-на-Дону... Но и тут суд все равно ответил нам: «Нет. Нам не нужен этот человек. Никакой существенной информации сообщить суду он не может». Более того, слово тогда дали прокурору Назарову (он поддерживал государственное обвинение в тот

момент — в мае 2002 года), и господин Назаров произнес более чем странную для опытного юриста речь следующего содержания: раз свидетель — преступник, то это значит, что он все равно не скажет правду, и «нам его сюда тащить» не имеет смысла... Я был поражен: для прокурора оказалось не важным, что Сембиев — преступник по одному делу, а по этому — свидетель...

— В чем же причина?

— В идеологических подходах суда к Делу Буданова. Кремль давил в одном направлении: чтобы Буданова отмыли от грехов. И ничего не было важно и не бралось в расчет, когда этот факт мог оказаться не в пользу Буданова... Прокуратура, выстраивая свою линию в зале суда, шла даже на изменение своей роли, определенной Конституцией. Ведь прокурор по статусу — государственный обвинитель, он обязан блюсти интересы прежде всего потерпевшей стороны. От имени государства. А он взял на себя функции адвоката подсудимого — и защищал его от потерпевших... В ходе выступления прокурора Назарова в суде, о котором я говорил, были и вовсе ничем не объяснимые вещи — например, оказалось, что какой-то местный прокурор в Дагестане после нашего заявления в суде подходил к Сембиеву в колонии и спрашивал его там, мол, знает ли тот Буданова, а Сембиев вроде бы ему ответил: нет, не знаю, впервые увидел по телевизору...

— Этот разговор информатора с прокурором был представлен на суде как зафиксированный в форме протокола?

— Нет, конечно. Просто слова, пересказанные в суде в вольной форме. Но, самое поразительное, что суд принял эти объяснения как верные, как доказательные! Не подвергнув их сомнению и исследованию! И не потребовав протокола.

— Что меняют эти «слова Сембиева», если они, конечно, вообще были сказаны?

— Если поверить прокурору на слово и все было так, как он говорит, в любом случае это путь к установлению истины. Выходит, Сембиев не отправлял Буданова по адресу «снайперши» Эльзы, раз он его не знает, и мало ли по какой причине их зафиксировала рядом фотокамера военного корреспондента...

— Можно ли утверждать, что окружной военный суд предпринимал все усилия, чтобы в деле № 14/00/0012-00 по обвинению Буданова не было достоверной картины совершенных преступлений? То есть противоположное от того, что обязан делать суд в соответствии с Конституцией и действующим законодательством?

— Да, именно так. Хочу рассказать еще одну историю, по поводу которой суд не пожелал никаких подтверждений. Одним из аргументов — и в деле, и в судебно-психиатрической экспертизе — была фотография, которую Буданов якобы хранил у себя долгое время и на которой были сняты Эльза Кунгаева с матерью, и обе на фотографии — с оружием в руках. Буданов утверждал, что фотографию ему дал ради поиска этих женщин, застреливших офицеров его полка во время боев в Аргунском ущелье, глава администрации селения Дуба-Юрт Яхьяев. Селение Дуба-Юрт, расположенное на входе в Аргунское ущелье, было действительно эпицентром тяжелых февральских боев 2000 года, в которых участвовал полк Буданова. Так вот, собственно этой фотографии, на основании которой судебно-психиатрическая экспертиза делала свои выводы, будто бы имея перед собой эту фотографию, — ее в материалах дела просто не было... И нет. Значит, во-первых, экспертиза лжет, и это серьезный повод не верить ей и требовать другой экспертизы. А, во-вторых, выходит, что вообще НЕТ той отправной точки (а фотография ею являлась с самого начала следствия), с которой закрутилось, собственно, «отмывание» Буданова от совершенных преступлений! Все в этом «отмывании» было построено на этой фотографии: якобы Буданов, обуреваемый страстями и памятью о трагически погибших от снайперских пуль боевых товарищах, постоянно хранит фотографию у сердца, дал клятву себе и другим обязательно найти и уничтожить снайперш. И вот, когда информатор ему говорит

об адресе, тут-то и сдают нервы у Буданова, и он решается на самосуд, вместо того, чтобы позвать представителей правоохранительных органов...

— Хорошо, даже если фотографии нет в деле, но все равно — остается как важный свидетель Яхьяев, глава сельской администрации Дуба-Юрта? Можно ведь допросить его в суде?

— Это если следовать нормальной судебной логике — докопаться до истины и реальной вины каждого. Но у нас — другой суд, идеологический, он стоит на страже интересов военных преступников и полагает, что это и означает стоять на страже интересов государства. Так вот, судья Костин и в этом случае сказал: «Нет. Не надо нам Яхьяева. Он ничего важного нам не сообщит». Хотя Яхьяев мог бы перевернуть ход суда. Мы нашли этого главу сельской администрации, и он согласен был приехать на заседания в Ростове. Правда, свободно и самостоятельно он этого сделать не смог бы — ему необходима была повестка из суда, чтобы пройти через блокпосты в Чечне и выехать за ее пределы... Но суд повестки не дал.

— Какова была мотивировка судьи Костина при отказе допросить также и генерала Герасимова — того, кто утром 27 марта 2000 года приехал в расположение 160-го полка и дал распоряжение арестовать Буданова?

— Та же самая мотивировка, что и в случае с Яхьяевым, «Герасимов не скажет нам ничего нового». Непробиваемая формулировка. Судья не пожелал выслушать свидетельские показания генерала, хотя он мог бы, например, описать состояние полковника наутро, сразу после совершения преступления — а по этому поводу была большая разногласия. Он видел его и разговаривал с ним тогда. Было ли у Буданова похмелье, к примеру? Ведь экспертиза уже подвергла большому сомнению то, что Буданов был пьян в ночь совершения преступления, — и он стал «трезв», несмотря на то, что о пьянстве Буданова накануне убийства им Эльзы Кунгаевой свидетели говорили много на предварительном следствии... Каким был наутро 27-го Буданов? Было ли это, как говорит самая первая судебно-

психиатрическая экспертиза (*всего проведено шесть таких экспертиз.* — Прим. авт.), измененное состояние вследствие состояния алкогольного опьянения? Или — последствия невменяемости? А поскольку невменяемость пройти за несколько часов не может, как утверждают сегодня независимые психиатры-эксперты, то, значит, Буданов был вменяем и сознавал свои действия?.. Так почему же экспертиза уверяет, что не сознавал и не может быть осужден за преступления?.. Не потому ли то же, что «отмывает» Буданова?

— Кроме того, допрос генерала Герасимова в суде помог бы установить, к примеру, оказал ли Буданов сопротивление в момент задержания? Ведь известно, что, когда генерал вместе со взводом бойцов отряда особого назначения, охранявшей его, приехал для задержания в 160-й полк, Буданов в ответ позвал своих бойцов — полковых разведчиков, и принудил их оказать вооруженное сопротивление бойцам генерала Герасимова, и эти отряды чуть не перестреляли друг друга в упор!..

— Да, все было именно так. Буданов тогда тоже вынул револьвер, и Герасимов испугался, что он сейчас кого-то пристрелит... Но Буданов, поразмыслив, прострелил ногу сам себе... Все это есть в материалах дела, которые был обязан рассмотреть суд... Но не рассмотрел. Подводя черту, хочу сказать, что суд шел, отмечая все, что не в пользу полковника.

— Хорошо, а если все-таки было оказано сопротивление при задержании, что это, собственно, уже могло поменять?

— Многое. Это дополнительная статья обвинения, во-первых. И к тому же важная характеристика личности Буданова, во-вторых. Отказав нам во ВСЕХ этих ходатайствах и свидетелях, суд приобщил к материалам дела только письмо генерала Владимира Шаманова, ныне губернатора Ульяновской области, обращенное к суду (*Шаманов — старый друг Буданова, 160-й полк долгое время в Чечне воевал именно под командованием Шаманова.* — Прим. авт.). В письме Шаманова нет никаких новых фактов, потому что Шаманов в момент совершения

преступления Будановым в Чечне вообще не был — уехал в отпуск в Москву. Но зато там полно идеологии, просто утверждается, что Буданов «невиновен», он был полностью прав, задержав Кунгаеву, как снайпершу, и прав, что убил ее, раз она оказала сопротивление... Шаманов написал в суд как типичный участник второй чеченской войны, как непосредственный начальник Буданова — и суд тут же, с готовностью приобщил его письмо к материалам дела.

— Судя по вашему пересказу, письмо Шаманова в суд — идеологическое ходатайство. Можно ли утверждать, что и весь судебный процесс над Будановым идет как идеологический? Если от генерала Герасимова, свидетелей Сембиева и Яхьяева он отказался получить конкретную информацию как от прямых свидетелей, но согласился принять «патриотический» текст от генерала Шаманова, не являющегося свидетелем вообще, зато известного в стране идеолога крайней жестокости военных по отношению к гражданскому населению Чечни, уверенного в том, что чеченский народ обязан нести коллективную ответственность за действия отдельных своих представителей-уголовников?

— Да, именно так. На заседаниях царили путаница, абсурд и чехарда. Мне кажется, намеренные. У всего этого была конкретная цель — увести от реального рассмотрения дела и сути преступлений Буданова. И свести все к «расправе над русским офицером». Помимо этого, как я уже сказал, суд допускал откровенные процессуальные нарушения. Например, чтение всех материалов дела было закончено за полтора часа — а это десять внушительных томов!

— Как же их читал судья?

— Вот так — не читая. Листая. Пролистал и заявил, что судебное следствие окончено. Но на следующий день судебное следствие было вдруг продолжено — без всякого на то определения... Нарушения процедуры — на каждом шагу. И это, конечно, даст нам возможность обжаловать будущий приговор.

— Вам не мешает, что вы — русский и защищаете интересы чеченской семьи? У нас сложилось так, что чеченцев в судах защищают адвокаты-чеченцы, русских — русские...

— Меня пригласил правозащитный центр «Мемориал», который организовал всю защиту семьи Кунгаевых. Как известно, семья эта очень бедная, средств на адвоката у нее не было... Сначала их интересы защищал адвокат Хамзаев, но потом он тяжело заболел, Кунгаевы оказались вообще без защиты, а суд воспользовался этим! Стал так подгонять процесс, что было понятно, что вот-вот будет вынесен приговор. Это было в середине мая 2002 года. Тогда-то «Мемориал» и нашел меня. Когда я появился в Ростове-на-Дону, в кулуарах суда меня так прямо и спрашивали: какое отношение я имею к чеченской диаспоре? Я ответил: «Посмотрите на мое лицо. Никакого отношения». И второй вопрос: «Кто вы по национальности?». Это меня спрашивали люди не только из «группы поддержки Буданова» в кулуарах, но и сам Буданов в зале суда. Он, кстати, постоянно кричал на меня на заседаниях. Например: «Чего ты разорался?».

— На «ты»?

— Конечно. Он — военный, считает, что ему все позволено. Правда, никогда ни одного замечания или предупреждения от судьи за неподобающее поведение в зале суда Буданов не получал. Ему было все позволено. Мне даже кажется, что судья его боялся.

— А на свою защиту — своих трех адвокатов — Буданов тоже кричал?

— Нет, конечно. Когда ростовские журналисты замучили меня вопросами о национальности, я ответил: «Да, я — русский, как видите. И именно поэтому я — в этом деле. Потому что я защищаю нормы российского права». А вот суд вслед за Будановым встал на защиту обычного права. Буданов как раз-то и поступил по извращенным нормам обычного средневекового права чеченцев — он убивал, считая, что мстит. И суд, и общество его в этой мести поддержали. Полковник

Буданов не вел себя в соответствии с нормами российского права, которым обязан подчиняться. То, что происходило в суде, доказывает, что власти страны, государство в целом как бы подписываются под тем, что НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕЧНИ НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО НЕ ДЕЙСТВУЕТ. А ДЕЙСТВУЕТ ПРАВО МЕСТИ, БЛАГОСЛОВЕННОЕ ГОСУДАРСТВОМ.

Игры в экспертизы

Одной из главных в деле Буданова стала игра с судебными психолого-психиатрическими экспертизами.

Именно — игра. В ходе всего трехлетнего процесса полковник удостоился сначала четырех, а потом, после отмены первого приговора, еще двух судебных психолого-психиатрических экспертиз. Результаты почти всех из этих экспертиз также стали прежде всего политическими — в поддержку той линии в отношении Буданова, которую в данный момент занимал Кремль и чего требовал от суда. А линия эта, как известно, менялась — от «+» до «-», в зависимости от конъюнктуры и имиджа, в котором в данный момент нуждался президент.

Две (самые первые) из экспертиз имели место почти по горячим следам совершенных преступлений, во время предварительного следствия — в мае и августе 2000 г. В первый раз экспертиза шла амбулаторно, силами психиатров военного госпиталя Северо-Кавказского военного округа и Центральной Северокавказской лаборатории судебной экспертизы Министерства юстиции России. Во второй раз ее проводили врачи гражданской Новочеркасской областной психоневрологической больницы, и уже стационарно.

Первые две экспертизы признали Буданова вменяемым, ориентированным и контактным. То есть обязанным отвечать за свои преступления. И это был как раз период, когда Путин везде говорил о «диктатуре закона», которая должна установиться в России, и что, в рамках такого лозунга, все военные, совершившие

в Чечне преступления, не уйдут от наказания наравне с боевиками, участниками незаконных вооруженных формирований...

К тому же это было время заигрывания с чеченцами после тяжелых штурмов и боев 1999-2000 годов, назначения главой республики Ахмат-Хаджи Кадырова, одного из боевиков, дудаевского муфтия (*Дудаев Джохар — первый президент Чечни, убитый в 1996 году самонаводящейся ракетой, пущенной федеральными военнослужащими с целью уничтожения Дудаева.* — Прим. авт.), ранее объявлявшего джихад России, а теперь подружившегося с Кремлем, поскольку «все осознал»...

Две первые экспертизы, впрочем, отметили следующее обстоятельство: что в момент удушения Эльзы Кунгаевой, Буданов, вероятно, находился в некотором аффекте и что у полковника, скорее всего, имеются признаки органического поражения головного мозга, отчего он страдает органическим же «расстройством личности и поведения».

Министерству обороны эти выводы тогда очень сильно не понравились, потому что они означали две вещи. Во-первых, что, в соответствии с российским законодательством, Буданову предстоит отвечать по всей строгости закона — раз он вменяем... И, во-вторых, что в войсках, в боях участвуют люди с органическими поражениями мозга, их никто не обследует (что было чистой правдой), и люди с органическими расстройствами личности командуют сотнями других людей, и в их ведении самое современное оружие...

Когда начался судебный процесс, то очень быстро стало очевидным, что такие выводы психиатров не по душе и судье Костину. И тому две, по крайней мере, видимых причины.

Во-первых, он сам — часть Министерства обороны как военный судья. Таковы российские правила, где существуют специальные военные суды для военных людей и военные судьи, которые разбирают преступления, совершенные

военнослужащими, — люди, совершенно подчиненные военной системе, они сами плоть от плоти ее, полностью зависимы от руководства воинских частей (от гарнизона до Министерства обороны) в получении жилья, в заработной плате, в продвижении по чинам... Уродливая система, но она такова, что судья Костин способен получить следующее воинское звание (квартиру, денежное довольствие) только от штаба Северо-Кавказского военного округа, того самого штаба, в подчинении которого находился и приказы которого исполнял подсудимый полковник Буданов и который (штаб) неоднократно объявлял, что считает Буданова невиновным, страдающим лишь за честную службу Отечеству...

Вторая причина состояла в том, что ко времени начала суда над Будановым и политическая конъюнктура в России стала существенно меняться. Кремль постепенно переставал играть в демократию и «диктатуру закона». И как следствие все воевавшие в Чечне были объявлены «героями», независимо от того, что они там совершали, президент стал направо-налево раздавать «чеченцам» ордена и награды и уверять, что государство их никогда «не предаст». В отечественной властной лексике эти слова означали многое — что к военным «чеченским» преступникам власть намерена быть снисходительна до всепрощения, а прокуратура, пытающаяся возбуждать уголовные дела против федеральных военнослужащих, совершивших противоправные действия в отношении гражданского населения, должна приутихнуть...

Подконтрольные государству масс-медиа стали творчески развивать новый лозунг. По государственным телеканалам потоком пошли сюжеты о том, как честно Буданов выполнял свой долг, и генерал Шаманов (тот, что написал письмо в суд) больше не сходил с экранов со своими патриотическими речами во славу боевого товарища, и утверждение о том, что убитая полковником 18-летняя чеченка из Танги-Чу была снайпершей и боевичкой, уже не подвергалось по телевидению никакому сомнению. И уже никто не вспоминал, что ни следствие, ни защитники Буданова так и не смогли отыскать хотя бы косвенных подтверждений, что Эльза Кунгаева имела отношение к незаконным вооруженным формированиям...

Промывка мозгов населения по политическому заказу шла вовсю — и именно так готовился оправдательный приговор Буданову.

В этот самый момент суд в Ростове-на-Дону как раз и «усомнился» в компетентности экспертов, проводивших две первые психолого-психиатрические экспертизы, и назначил еще одну — третью по счету. На сей раз — комплексную, совместную военно-гражданскую, уже в Москве, силами Центральной судебно-медицинской лаборатории Министерства обороны и Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии имени В.П. Сербского (название в народе — Институт Сербского, или просто «Сербского»).

У «Сербского» в России — дурная слава еще с советских времен. Тут признавали сумасшедшими диссидентов — борцов с коммунизмом, тоталитарной ложью и политическими несвободами. Доктора «Сербского» всегда исправно выполняли те заказы, которые им выдавал всеильный ВЧК-КГБ.

Туда-то и был отправлен Буданов. Когда об этом стало известно, сомневающимся в том, ЗАЧЕМ Буданов в «Сербского», было мало — за тем, чтобы сделать все возможное для выведения из-под уголовной ответственности. Так говорили сторонники Буданова: мол, теперь его освободят. Так же говорили и противники...

Официальным обоснованием для назначения третьей экспертизы стала следующая формулировка суда: «...в связи с неопределенностью, противоречивостью и неполнотой данных», а также появлением «новых и уточненных данных», которые важны для «определения истинного психического состояния Буданова».

За «неполноту» при этом судья Костин посчитал «нежелательную вменяемость» (цитата из постановления суда), а «новые и уточненные данные» заключались в том, что уголовное дело еще несло в себе благодаря следователям

прокуратуры, ведшим предварительное следствие, такие эпизоды будановской уголовной эпопеи (позже их фактически изъяли из дела), которые свидетельствовали о совершении полковником тяжких преступлений.

И не важно, что целый ряд эпизодов, представленных для новой экспертизы, просто не существовал, — эксперты «Сербского» просто-напросто стали отталкиваться от тех фактов, которые никем не доказаны. Однако, раз они были в пользу полковника, их предъявили экспертам, и те их уже трактовали как совершенно неоспоримые и достоверные...

То есть это была откровенная фальсификация. Как со стороны суда, так и со стороны «Сербского».

Какие же вопросы поставил суд Костин перед судебными психиатрами третьей экспертизы?

- Страдал ли ранее или страдает в настоящее время Буданов каким-либо хроническим душевным заболеванием?

- Не находился ли Буданов в период инкриминируемых ему деяний в состоянии какого-либо временного болезненного расстройства психической деятельности? Мог ли в полной мере понимать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими?

- Какие индивидуально-психологические особенности личности Буданова могли способствовать или существенно повлиять на его поведение в исследуемых ситуациях?

- Не находился ли Буданов в период совершения инкриминируемых ему деяний в каком-либо эмоциональном состоянии (стресс, фрустрация, аффект)?

- Могли ли действия Кунгаевой оказать влияние на возникновение у Буданова какого-либо временного болезненного расстройства психической деятельности? Являлись ли действия Кунгаевой провоцирующими поведение Буданова?

- Какое влияние оказало на состояние Буданова в момент совершения инкриминируемых деяний употребление водки?

- Как можно оценить состояние Буданова в момент совершения им действий в отношении Кунгаевой в салоне штабной машины в ночь с 26 на 27 марта 2000 г. в случае: 1) восприятия им Кунгаевой, как дочери «снайперши», отказывающейся сообщить местонахождение матери, оскорбляющей (*не оскорбляла — это судебские фантазии и введение в дело тех фактов, которых не было на самом деле. Это подтверждается массой свидетельств, имеющих в материалах обвинительного заключения, о том, что Эльза не говорила по-русски... — Прим. авт.*), пытающейся убежать (*не пыталась, и это тоже судебские фантазии в пользу подсудимого. — Прим. авт.*), оказывающей сопротивление? 2) пытающейся завладеть заряженным оружием? 3) восприятия Кунгаевой как снайперши, с предъявлением изобличающей ее фотографии (*хотя в вопроснике для экспертов судья делает ссылку на протокол судебного заседания от 27 и 28 июня 2001 г., и вроде бы все кажется оправданным, правда, если только не знать главного, что фотографии так и не нашли, и так никто и не предъявил ее, никто, даже сам Буданов, и ссылка на протокол — всего лишь ссылка на ничем не доказанные слова самого Буданова на предварительном следствии. — Прим. авт.*)?

- Нуждается ли Буданов в применении к нему принудительной меры медицинского характера?

- Годен ли был Буданов по своему психическому состоянию к военной службе на период времени, относящийся к инкриминируемым ему деяниям, и годен ли к военной службе в настоящее время?

- Являются ли клинически обоснованными и научно аргументированными заключения экспертов, данные в ходе предварительного следствия?

Далее то, что написали в «Сербского» в ответ на запрос судьи Костина. Это АКТ экспертизы № 1111 на полковника Буданова. В документе, как вы заметите, — каждое лыко в строку, тут все призвано работать на «правильный» образ «героя», с момента его рождения до самой второй чеченской войны.

«По словам Буданова, он родился в трудно протекавших родах, в асфиксии, проводились реанимационные мероприятия. По показаниям матери, сестры, был ранимым, в ответ на обиду мог вспылить, ответить в грубой форме, вступить в драку, особенно болезненно реагировал на несправедливые замечания, при этом всегда стремился защитить «слабых», малых и бедных».

В апреле 1982 г. медицинской комиссией при Харцызском РВК Донецкой области был признан годным к военной службе. В 1983 г. поступил в Харьковское высшее танковое командное училище. В 1985 г. женился, имеет сына и дочь. С 1995 г. по 1999 г. обучался заочно в Военной академии бронетанковых войск.

Согласно служебным характеристикам, Буданов проявлял себя исключительно с положительной стороны, был дисциплинирован, исполнитель, настойчив. В январе 1995 г., во время «первой военной кампании» в Чечне и участвуя в боевых действиях, Буданов получил контузию головного мозга с кратковременной потерей сознания. За медицинской помощью не обращался. По показаниям матери и сестры, после возвращения с «первой чеченской войны», Буданов «изменился по характеру и поведению», стал более нервным, раздражительным. В августе 1998 г. был назначен командиром полка, в январе

2000 года ему было досрочно присвоено звание полковника. Буданов создавал в подразделениях обстановку нетерпимости к недостаткам и пассивности. У него было развито чувство ответственности. Имеет правительственные награды, дважды награжден орденом Мужества.

Все товарищи Буданова «отклонений в психике» у него не замечали. Под наблюдением психиатра и невропатолога Буданов не состоял.

По показаниям Буданова, по прибытии полка из Забайкальского военного округа в Чечню, начиная с 10 октября 1999 г. и по 20 марта 2000 г., полк практически не прекращал боевых действий. В октябре и ноябре 1999 г. Буданов дважды получил контузии головного мозга с потерей сознания. После этого его стали беспокоить постоянные головные боли, головокружения с потемнением в глазах, он стал плохо переносить резкие, громкие звуки, стал вспыльчивым, несдержанным, раздражительным, появились колебания настроения со вспышками злости, ярости, Буданов совершал поступки, о которых позже сожалел.

По показаниям Буданова, наиболее тяжелыми были бои в Аргунском ущелье с 24.12.1999 по 14.02.2000. С 12 по 21 января полк потерял 9 офицеров и 3 человека рядового состава. Многие из погибших, как показал Буданов, были убиты выстрелами снайпера в голову. 17.01.2000 от руки снайпера погиб товарищ Буданова — капитан Размахнин. Через две недели после боя им удалось забрать с поля боя изуродованный труп майора Сорокотяги, на котором были видны следы пыток.

8.02.2000 Буданов прибыл в отпуск в Бурятскую Республику. По показаниям жены, в отпуске у него появилась раздражительность, нервозность. Он рассказывал ей, что его полк в Аргунском ущелье столкнулся с боевиками Хаттаба, в том бою были уничтожены 15 полевых командиров его группировки. За это полк боевики называли «звериным», а его, Буданова, объявили личным врагом и назначили баснословную сумму за его голову.

Буданов очень переживал по поводу того, что большинство офицеров его полка погибли не в открытом бою, а были убиты снайпером, при этом говорил, что домой вернется только после того, как «они добьют последнего боевика».

15.02, не дождавшись окончания отпуска, Буданов уехал в Чечню. По показаниям матери и сестры, Буданов по возвращении из отпуска заехал к ним на один день, и его невозможно было узнать, он постоянно курил, почти не общался, «вывести его из себя ничего не стоило», не мог сидеть на одном месте. Показывая фотографии погибших и их могил, плакал, и они его в таком состоянии раньше не видели...».

КОРОТКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ. Как следует из показаний начальника медицинского пункта 160-го полка капитана Купцова — а Купцов видел Буданова ежедневно, — бывали случаи, когда у него в течение 10-15 минут настроение менялось по несколько раз. От нормального, добродушного до неадекватной ярости от любой мелочи. Во время боев эти качества усилились. В момент гнева Буданов мог швырять на пол и в окружающих настенные часы, телефонные аппараты, все, что попадалось под руку. Психологический и психический статус Буданова, по словам Купцова, в октябре 1999 года (то есть еще ДО смерти товарищей-офицеров и боев в Аргунском ущелье) уже приобрел «извращенные формы».

Продолжим цитирование АКТа:

«Буданов сам с оружием в руках ходил в атаки, принимал участие в рукопашных. После боев в Аргунском ущелье пытался лично вынести тела погибших. После гибели офицеров и солдат полка на высоте 950,8 Буданов винил себя в их гибели, постоянно находился в подавленном состоянии. Он мог ударить подчиненных, швырял в них пепельницы. В середине марта 2000 года, потребовав навести порядок в палатке, бросил гранату в печку. В результате взрыва никто не пострадал, и он добился наведения порядка офицерами.

С середины февраля 2000 г. полк находился в резерве командования и дислоцировался возле населенного пункта Танги. Буданову ставилась задача: проведение разведывательно-поисковых мероприятий, установление засад, осуществление вторичной проверки паспортного режима жителей села (абсолютно не свойственная армии задача. — Прим. авт.), задержание подозрительных лиц.

Буданов и его подчиненные отмечали, что в то время обстановка была очень сложной, было непонятно, где враг, где друг, а где линия фронта. С 22 по 24 марта 2000 г. полк проводил разведывательно-поисковые мероприятия. Решили осмотреть ряд домов в Танги и обнаружили двух «рабов», вывезенных насильно около 10-15 лет назад из Центральной России.

Получив эту информацию, 26.03.2000 Буданов решил лично проверить обстановку в Танги. (24-го — получил, 26-го решил проверить? Но у экспертизы таких вопросов нет. — Прим. авт.) Задержав двух чеченцев, Буданов приказал их связать и посадить в БМП. В полку один предъявил документы на имя Самбиева Шамиля и попросил возможность поговорить с Будановым наедине. Через 15—20 минут Буданов приказал вновь выехать в Танги, пояснив, что Шамиль согласился показать дома, где проживают лица, причастные и помогающие боевикам. Во время следования по селу чеченец показывал интересующие их дома, в том числе дом белого цвета на юго-восточной окраине, где проживает «снайперша». Кроме этого, Буданов хранил фотографию, на которой были 2—3 мужчин и 3—4 женщины с оружием в руках.

По показаниям Буданова, он решил не медлить с задержанием этой «снайперши». 26.03 около 15 часов, во время обеда в офицерской столовой, Буданов употребил алкогольные напитки. В 24-м часу 26.03 решил лично выехать в Танги в дом № 7 по ул. Заречной. БМП была остановлена рядом с домом № 7, где проживала семья Кунгаевых. Буданов... зашел туда. Там находилась Кунгаева Эльза Висаевна, 1982 г.р., вместе со своими четырьмя несовершеннолетними

братьями и сестрами. Буданов приказал захватить Кунгаеву. Ее завернули в покрывало и поместили в десантный отсек БМП. Затем привезли в расположение полка и занесли в КУНГ (кузов унифицированный грузовой) — помещение, где проживал Буданов, и положили ее на пол. Буданов отдал распоряжение находиться возле КУНГа и никого в него не допускать. Оставшись наедине с Кунгаевой, Буданов стал требовать от нее информации о путях перемещения боевиков. Получив отказ (Кунгаева по-русски не говорила. — Прим. авт.), Буданов продолжал требовать.

Стал избивать ее, нанося удары кулаками и ногами по лицу и различным частям тела, причинив ей кровоподтеки на внутренней поверхности правого бедра, кровоизлияния в слизистую оболочку преддверия рта и десны. Кунгаева же пыталась оказать сопротивление, отталкивала его, пыталась выбежать из КУНГа. Буданов же, будучи уверен, что Кунгаева участвовала в НВФ и причастна к гибели его подчиненных, решил убить ее. Он схватил Кунгаеву за одежду, повалил ее на топчан, схватил за шею и стал с силой сдавливать ее шею до тех пор, пока Кунгаева перестала подавать признаки жизни. Буданов вызвал к себе экипаж БМП и приказал вывезти тело Кунгаевой и захоронить за пределами части, что и было исполнено, о чем Григорьев утром 27.03 доложил Буданову.

По словам самого Буданова, сначала никаких мыслей об убийстве Кунгаевой у него не было, а тем более о каких-либо сексуальных домогательствах. Но Кунгаева «разразилась» ругательствами (Кунгаева не знала по-русски! — Прим. авт.) в адрес Российских вооруженных сил, русских и лично в его адрес. В этот момент обстановка начала накаляться, разговор уже шел на повышенных тонах, Кунгаева стала говорить ему, что чеченцы «расправятся с ним и его семьей». Кунгаева выражалась в его адрес и в адрес российских военнослужащих нецензурной бранью (которой не владела — Прим. авт.). Наконец, Кунгаева попыталась выйти из КУНГа, Буданов этого не ожидал и применил силу, оттащил от двери, в ходе этой борьбы одежда на Кунгаевой частично (солдаты позже обнаружили ее абсолютно голой. — Прим. авт.) порвалась.

По словам Буданова, Кунгаева оказалась очень сильной физически, порвала на нем футболку, сорвала с шеи цепочку с крестиком дочери, а он сорвал за это с нее верхнюю одежду. Кунгаева кричала, что она «мало их отстреляла». Когда Кунгаева находилась на втором дальнем топчане КУНГа, то пыталась дотянуться до его пистолета, лежавшего на тумбочке. Буданов перехватил ее руку, а другой стал прижимать ее тело к топчану, удерживая свою руку в области горла Кунгаевой. Кунгаева продолжала в это время высказывать угрозы в его адрес. А у него перед глазами мелькали лица «всех солдат и офицеров, погибших в Аргунском ущелье».

Что происходило дальше, Буданов не помнит. Когда стал приходить в себя, увидел, что Кунгаева лежит на топчане, не двигаясь. Он вызвал экипаж БМП. По показаниям Буданова, в этот момент на ней была юбка, ее кофты и бюстгальтер валялись в ближнем отсеке, а на нем были брюки. Ли-ен-шоу посоветовал захоронить в лесополосе. Тогда Буданов сказал членам экипажа завернуть тело в плед и вывезти. Одежду Кунгаевой положили в тот же плед. Буданов предупредил всех членов экипажа, чтобы они не вздумали сделать контрольный выстрел в голову, имея в виду, чтобы они не уподоблялись боевикам. Когда тело Кунгаевой заворачивали, никаких следов крови на нем не было. После отъезда экипажа Буданов лег и заснул».

НЕОБХОДИМОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ.

Как неоднократно говорили на следствии солдаты полка, охранявшие в ту ночь командирский КУНГ, когда они вошли, по вызову Буданова, полковник был в одних плавках. А девушка лежала на дальнем топчане совершенно голая, на спине, лицом кверху. На полу валялось покрывало, на нем — вещи девушки, трусы, кофты. Буданов спросил солдат: «Кто боится покойников?». И закурил, приказав завернуть тело и захоронить в лесополосе. И пригрозил: если они кому-то расскажут, то он всех пристрелит, у него на всех них патронов хватит, по одному — в тело и по одному контрольному выстрелу в голову...

«Около 13.30 27.03, по словам Буданова, он встретился с генерал-майором Герасимовым, исполняющим обязанности командующего группировкой «Запад» (командующим вообще-то был Владимир Шаманов, но в это время он, всегда благоволивший к Буданову, уехал в отпуск, что и сделало, напомним, возможным доступ следователей военной прокуратуры на территорию танкового полка, генерал Шаманов ничего подобного никогда бы не допустил, о чем потом неоднократно заявлял в многочисленных интервью. — Прим. авт.).

Генерал Герасимов сразу же стал высказывать Буданову претензии, что тот сжег полсела и изнасиловал 15-летнюю. Высказывания Герасимова были в оскорбительной форме, с употреблением нецензурной брани. Буданов вытащил пистолет, опустил ствол вниз, выстрелил в землю и попал себе в ногу. В это время офицеры из окружения Герасимова направили на него оружие, хотя Буданов после выстрела сам отдал пистолет Герасимову.

Одновременно Буданов услышал шум и увидел подъезжающую разведроту своего полка. Разведрота в составе 20 человек с двумя офицерами встала напротив группы офицеров генерала Герасимова. Возникло противостояние двух групп вооруженных людей. Но Буданов приказал убрать оружие. Дальше, по словам Буданова, они с генералами Герасимовым и Вербицким зашли в штабную комнату. В последующем Буданов написал явку с повинной.

Допрошенный в ходе предварительного следствия 5.10.20, Буданов объяснил противоречия в своих показаниях тем, что при допросах 27.03, 28.03, 30.03 у него было очень тяжелое состояние.

На основании вышеизложенного экспертная комиссия пришла к заключению, что Буданова в отношении инкриминируемого ему деяния следует считать НЕВМЕНЯЕМЫМ. В ответ на действия Кунгаевой (грубая брань, стремление овладеть пистолетом, угрозы) у Буданова развилось временное болезненное расстройство психической деятельности.

Ответ на вопрос 5. Действия потерпевшей Кунгаевой явились одним из факторов возникновения временного психического расстройства Буданова.

Ответ на вопрос 6. Показания об алкогольном опьянении Буданова противоречивы и взаимоисключающие. Убедительных данных о состоянии опьянения у Буданова нет. (Уже — «нет»! — Прим. авт.).

Ответ на вопрос 7. В настоящее время может осознавать характер своих действий. Подлежит АМБУЛАТОРНОМУ наблюдению и лечению у психиатра. Подпадает под категорию «В» — ограниченно годен к военной службе».

Вот именно так и появилась на свет третья — «правильная» экспертиза. Где главным получилось следующее: ТЕБЯ УБИЛИ — САМА И ВИНОВАТА, НЕ НАДО БЫЛО СОПРОТИВЛЯТЬСЯ. И БЫТЬ СНАЙПЕРШЕЙ. А также: ПОКА УБИВАЛ — БЫЛ НЕВМЕНЯЕМ, УБИЛ — ОПЯТЬ СТАЛ НОРМАЛЬНЫМ.

Именно такие выводы экспертизы, согласно российскому законодательству, давали судье все возможности, на которые он рассчитывал, желая исполнить политический заказ по отмыванию полковника от военных грехов.

Во-первых, он мог теперь освободить Буданова от уголовной ответственности.

Во-вторых, направить его на принудительное, но АМБУЛАТОРНОЕ (то есть без помещения в психиатрическую лечебницу специального типа) лечение, сроки которого будет определять уже не суд, а просто лечащий врач-психиатр, и все неприятности для полковника могут закончиться уже через какую-нибудь неделю после приговора: врач решит, что он уже здоров, и Буданов даже не должен будет посещать поликлинику.

В-третьих, сохранить Буданову право продолжать службу в армии (раз «невменяемость» была «сиюминутной» и «ситуационной» — в ответ на действия

Кунгаевой), а на таком варианте приговора особо настаивала военная верхушка — штаб Северо-Кавказского военного округа и руководство Министерства обороны, поскольку иначе получалось бы, что полками в Чечне у них командуют заведомо сумасшедшие, которых они вовремя не выявляют, не лечат, и они творят то, что хотят...

Так уж повелось в нашей стране, что в производстве российских судебных экспертиз по-прежнему главное — не факты, а кто их подгонял друг к другу. Суть экспертизы зависит от того, кто ее делал. На сей раз героями психолого-психиатрического обоснования «отбеливания» Буданова стали следующие эксперты:

— руководитель экспертного отделения «Сербского», врач с мировым именем, доктор медицинских наук, психиатр-эксперт высшей категории со стажем экспертной работы в 50 лет, профессор Т. Печерникова (председатель комиссии);

— руководитель первого клинического отделения, доктор медицинских наук, заслуженный врач РФ, стаж экспертной работы в 42 года, профессор Ф. Кондратьев;

— кандидат психологических наук Сафуанов Ф. (стаж экспертной работы — 20 лет);

— главный судебно-психиатрический эксперт Министерства обороны, полковник медицинской службы А. Горбатко;

— подполковник медицинской службы Г. Фастовцев;

— психиатр-эксперт Г. Бурняшева.

Именно эти люди выполнили главную часть работы: они признали Буданова невменяемым в момент совершения преступления, а значит, свободным

от наказания за него, но зато вполне вменяемым как за час до преступления, так и после, а значит, годным к дальнейшей службе и адекватным к жизни, обязанным лишь раз в месяц посещать доктора по месту жительства.

Важно понять, кто же они — эта команда во главе с профессором Печерниковой? И кто сама Печерникова? Случайно ли то, что именно к ней, а не к кому-то другому обратился суд для изготовления «нужной» и политически важной экспертизы?

Моя позиция состоит в том, что все произошло совершенно неслучайно. Потому что у нас не бывает подобное случайным. И так повелось с советских времен. Мы-то все надеялись, что они канули в безвозвратную Лету, что мы теперь свободны, что фантомы дурного прошлого не потревожат больше нас...

Ан нет! Когда надо, призраки коммунизма — они опять с нами, в нужное время и в нужном власти месте. Причем самые жуткие.

Тамара Печерникова, профессор-психиатр с полувековым экспертным стажем, — фигура знаковая в истории нашей страны. Дальше — только некоторые этапы ее большого пути. И этот исторический экскурс тут совершенно необходим — именно потому, что во времена президентства Путина наша самая страшная история — заказная политическая психиатрия, — опять вошла в наш ежедневный быт с той стороны, откуда ее вовсе и не ожидали...

...25 августа 1968 года на Красной площади в Москве — знаменитая «молчаливая демонстрация семи». Семь человек, среди которых была и Наталья Горбаневская — поэт, журналист, диссидент, на сей раз она толкала перед собой коляску с младенцем, — и эти семеро вошли на Красную площадь, быстро достали и развернули плакаты: «За нашу и вашу свободу!», «Позор оккупантам!»... Так, в стране, где давно никто не протестовал и все смирились соглашаться с руководящей линией КПСС, обнаружили себя люди, способные протестовать против вторжения советских войск в Чехословакию.

Демонстрация «семи» длилась всего несколько минут, и дальше все семь немедленно были схвачены сотрудниками КГБ в штатском, постоянно патрулировавшими Красную площадь. Впоследствии суд дал двоим из семи лагеря, одному — психбольницу, трое попали в ссылку, а Горбаневскую сначала отпустили, поскольку у нее был грудной младенец.

Ее арестовали позже, 24 декабря 1969 года. Потому что Наталья так и не прекратила правозащитную деятельность.

И тогда, в 69-м году, тридцать с лишним лет назад от нашего времени, в связи с делом Натальи Горбаневской, впервые ясно просматривается след доктора Печерниковой в жизни страны. Печерникова была тем самым врачом-психиатром, которая по требованию КГБ допрашивала Горбаневскую все в том же Институте Сербского, где спустя несколько десятилетий обследовали и Буданова.

Печерникова-69 вынесла Горбаневской тот медицинский вердикт, который потребовал КГБ: «шизофрения». То есть психически здоровый человек не в состоянии ходить с плакатами против наших танков на улицах Праги по Красной площади.

Другой диагноз КГБ, проштампованный Печерниковой-69, был: Горбаневская — социально опасна, подлежит бессрочному принудительному лечению в психиатрической больнице специального типа...

Дальше для Горбаневской, основателя и первого редактора подпольного, самиздатского (самиздат — так называли диссиденты запрещенную литературу, которую размножали вручную или на пишущих машинках и распространяли самостоятельно) бюллетеня советских правозащитников «Хроника текущих событий», наступили тяжкие годы пребывания в Казанской спецпсихбольнице. Горбаневская сидела там с 1969 по 1972 годы. (В 1975 году она эмигрировала по израильской визе и живет теперь во Франции.)

— Вы помните сегодня такую фамилию — Печерникова? — Спросила я Наталью Евгеньевну теперь.

— Конечно.

— Как проходила Ваша экспертиза тогда?

— Самое мягкое слово, которое я могу здесь применить, — это тенденциозность. Диагноз «шизофрения» мне подгоняли под формулу, заранее придуманную. Вот и все, что делала Печерникова. У них была директива КГБ: отправить меня на принудительное лечение в спецпсихиатрическую больницу, и они все, включая Печерникову, ее выполняли. А зная, что суд не потребует убедительных доводов диагноза, они их и не приводили в экспертном заключении. Например: *«Мышление по временам бывает непоследовательным»*. В чем это выражается? Ни слова. *«У Горбаневской наличие специфических для шизофрении изменений мышления, эмоциональных и критических способностей»*. Каких изменений? Ни слова. А ведь эта фраза — уже основная, определяющая, потому что в заключении, прямо вслед за ней, следует вывод о необходимости принудительного лечения. За весь месяц пребывания на экспертизе мне, к примеру, не задали ни одного вопроса про мои стихи, хотя я поэт. Как будто их и не было. Я-то боялась, что мне начнут приписывать манию величия, говорить: «Да вы что, считаете себя поэтом?!». Но ничего подобного. И понятно, почему: концепция *«эмоциональной холодности, уплощенности»* вследствие «шизофрении» стихов не допускала. *«Испытуемая... охотно вступает в беседу. Держится спокойно. На лице улыбка»*. Все правильно — только чего мне стоило это спокойствие! Я понимала, что должна быть спокойна, не подавать им поводов для сочинения каких-то симптомов. И вот, в итоге, само спокойствие становится симптомом и дает возможность написать в акте: *«...не проявляет беспокойства по поводу*

своего будущего и судьбы своих детей». Еще как я беспокоилась за детей, но не с психиатрами же из КГБ делиться этим! Цитирую дальше: *«Не отказывается от своих поступков. Неколебимо убеждена в правильности своих действий. В частности, заявляет, что действовала так, чтобы в дальнейшем не чувствовать себя виноватой перед своими детьми»*. Я и сегодня не отказываюсь от своих поступков, и убеждена в правильности своих действий, а мои дети гордятся выпавшей мне судьбой... Дальше: *«Критическая оценка сложившейся ситуации отсутствует»*. Психиатры, в их числе Печерникова, считали, что, думая своей, а не чужой головой, я должна быть признана сумасшедшей. Замечу, что весь месяц экспертизы со мной общались только Печерникова и врач Мартыненко. Только им принадлежали все эти «наблюдения», на основе которых они сделали окончательные выводы. Думаю, что они вполне понимали допущенные ими передергивания и искажения, что не помешало им выполнить порученную преступную работу. Таким образом, у Печерниковой давний опыт исполнения преступных приказов. Думаю, работа в Институте Сербского необратимо понижала как человеческую честность, так и профессиональную квалификацию психиатров. Если врачи не были стопроцентными циниками, эта работа приводила их к шизофреническому раздвоению личности.

— Чем для Вас это закончилось? Каковы были последствия той экспертизы Печерниковой? Сколько времени в результате Вы провели в спецпсихлечебнице?

— 2 года и 2 месяца. Я называю ее психиатрической тюрьмой. В самой тяжелой из них — Казанской — я провела 9,5 месяца. Из Бутырки (московская тюрьма) в Казань меня привезли в январе 1971 года. В 1972 году, опять через Бутырку, вернули в «Сербского» на повторную экспертизу. В «Сербского» — еще 3 месяца. Но все дело было не в сроках, а в принудительном лечении тяжелыми нейролептиками. Галоперидолом, применение которого давно признано пыткой. Галоперидол в клинической практике применялся для лечения бредов и

галлюцинаций. Ни того, ни другого у меня не было. Если не считать бредом мои взгляды, но ведь они у меня такие и остались до сих пор... Обычная схема применения галоперидола: его давали в течение месяца, потом должен был быть перерыв на корректоры в связи с тем, что побочным эффектом галоперидола является болезнь Паркинсона. Ну а мне его кололи 9,5 месяца подряд, без корректоров и перерывов. Когда из Казани вернули в Институт Сербского и опять посадили на галоперидол, Печерникова мне сказала: «Вы же понимаете, что вам придется и дальше принимать галоперидол». Лицемерие!

— Что было дальше?

— Я эмигрировала. Через Вену в Париж. Потом было много хохота, во время моих позднейших встреч с французскими психиатрами, при чтении моего «анамнеза», изготовленного в «Сербского». Один из них сказал мне: «Ну, мы должны ехать на выучку к советским психиатрам: ведь если верить их диагнозу, перед нами чудесный случай излечения от шизофрении».

Дело Горбаневской — это было еще почти самое начало так называемых «психиатрических репрессий» против инакомыслящих в СССР, в которых самое активное участие принимала доктор Печерникова. Особо развернулась будущая спасительница полковника Буданова в тяжкие для нашей страны 70-е годы — в пору затяжных боев коммунистического режима с диссидентами. Тогда, как известно, у нас была вполне приемлемая Конституция, и войну с инакомыслием, дабы Запад особенно не возмущался тоталитаризмом, царящим в СССР, КГБ предпочитал вести психиатрическими методами, объявляя, кого можно, психически больными людьми, подлежащими принудительному лечению в спецбольницах.

Только за один 71-й год, как пишет Людмила Алексеева (известная правозащитница, диссидент советских времен, вынужденная из-за политических преследований эмигрировать в США, сейчас — президент Международной Хельсинкской ассоциации) в книге «История инакомыслия в СССР», «из 85

политических осужденных признали невменяемыми 24 человека, почти каждого третьего». Тех же, кого уж совсем невозможно было объявить сумасшедшими, осуждали как клеветников на советский строй — и это происходило опять же с помощью все той же Печерниковой.

Например, летом 1978 года прошел судебный процесс по обвинению в клевете диссидента Александра Гинзбурга. И на этом процессе Тамара Печерникова была уже в качестве свидетеля со стороны обвинения (*если вообще доктор может быть обвинителем* — Прим. авт.).

Александр Гинзбург — это один из самых известных советских диссидентов, журналист, член Московской Хельсинкской группы, издатель самиздатского поэтического сборника «Синтаксис», первый распорядитель (в 1974—1977 годах) Общественного фонда помощи политзаключенным в СССР и их семьям, учрежденного Александром Солженицыным на гонорары от издания «Архипелага ГУЛАГ». С 1961 по 1969 год Гинзбург трижды получал лагерные сроки за диссидентскую деятельность, а в 1978 году был приговорен к 8 годам лишения свободы. В 1979 году, под давлением Запада, он был выслан из СССР в обмен на советских разведчиков, арестованных в США. Впоследствии долго жил во Франции и умер в Париже в 2002 году от болезней, приобретенных в советских политических лагерях.

Вот что по моей просьбе вспомнила об атмосфере того, с участием Печерниковой, судебного процесса, проходившего в маленьком среднерусском городе Калуге, Арина Гинзбург — жена и соратник Александра:

— На Аликовых судах именно с психиатрией тогда были большие проблемы. На процессе они закармливали Алика нейролептиками. И он отключался прямо на заседаниях. Все время кололи. И Алик странно выглядел: еле шел, у него была шаркающая походка, в руках — наволочка с книгами (Алик отказался от адвоката и защищал себя сам), длинная седая борода. Разъезжалась речь, он был

дискоординирован, просил сесть, ему не разрешали, и тогда он упал без сознания... Сразу после приговора, правда, они от него отстали, перестали колотить...

Цитата из протоколов тех судебных заседаний: *«По документу-8 были допрошены Печерникова, руководитель отдела мед экспертизы Института им. Сербского, и Кузьмичева, врач психиатрической больницы-14 г. Москвы. Они утверждали, что никаких злоупотреблений психиатрией в СССР не существует».*

Как вы поняли, Гинзбург на суде настаивал на обратном — что таковые имеются. О том же он писал и в самиздате — о резком усилении психиатрических репрессий в стране, о деятельности, среди прочих, и Печерниковой...

Вот выдержки из того самого судебного «документа 8» (его опровергает Печерникова), который представляет собой статью из правозащитной «Хроники текущих событий» (выпуск от 12 октября 1976 г.): *«Недавно Группа содействия (Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений. — Прим. авт.) обратилась к Верховному Совету СССР и к конгрессу США с предложением о создании смешанной комиссии для выявления случаев злоупотребления психиатрией. В данном документе Группа сообщает об известных ей фактах психиатрических репрессий в последнее время... Петр Старчик, композитор и исполнитель песен, 15 сентября 1976 г. с помощью милиции помещен в психбольницу на станции Столбовая (знаменитые «Белые Столбы», аналогичная «Сербского» советская психбольница. — Прим. авт.). Старчику уже вводится галоперидол в значительных дозах... Запись в журнале приема Петра Старчика: «С.О. (социально опасен). Стационарировался в ПБ в Казани на принудительное лечение по ст.70 (антисоветская агитация и пропаганда. — Прим. авт.). Выписан в 1975 г. В последнее время сочиняет песни антисоветского содержания, собирает у себя на квартире 40—50 человек. При осмотре ориентирован. Не отрицает сочинения песен, «у меня свое мировоззрение»... Эдуард Федотов был церковнослужителем в Пскове. Приехал в Москву, когда узнал о преследовании православных (А. Аргентова, который был насильно госпитализирован в психбольницу-14). В Москве Федотов был взят милицией и направлен в*

психбольницу № 14. Находится там в настоящее время... Гайдар Надежда Ивановна 7 мая 1976 г. пришла с жалобой в Прокуратуру СССР (куда ее направили из приемной ЦК КПСС. — Прим. авт.), была схвачена милиционерами, затем отвезена в психбольницу-13, где ей сразу стали делать уколы аминазина... Заведующая 2-м отделением Федорова Л.И. заявила: «Чтобы не жаловалась больше, немного подержим, потом — через спецприемник — в Киев. Там тоже немножко подержат... В следующий раз подумает, прежде чем идти жаловаться...».

Именно по поводу всего вышеперечисленного свидетельствовала на суде доктор Печерникова. Свидетельствовала таким образом, что Гинзбург был признан клеветником и агитатором против советского строя. Печерникова говорила, что ничего подобного в советской психиатрии нет, что Гинзбург клеветает.

Результат для Гинзбурга — 8 лет лишения свободы, тюрьмы, лагеря, туберкулез, четверть одного легкого, другое вообще было удалено, все последние годы жизни — по 16 часов он ежедневно пребывал на кислородном аппарате, и это был единственный шанс продолжения жизни... Полностью разрушенное здоровье, с которым лишь французская медицина могла хоть как-то справиться...

Чтобы понять, что творится в России сейчас, важно знать не только то, что фактически реанимирована заказная политическая психиатрия, но и то, КАКИМ ОБРАЗОМ она теперь функционирует.

К примеру, материалы почти всех печерниковских «дел» — от Горбаневской до Буданова — испещрены такими терминами, как «поиск социальной справедливости». Только разница оказалась в векторе! В подходе! Просто «плюс» цинично стал «минусом». То есть — в советские годы Печерникова выносила шизофренические «приговоры», стоя на одних позициях (что «поиск социальной справедливости» — симптом психического недуга, не совместимого с пребыванием в социуме), а теперь та же Печерникова — на прямо противоположных установках, когда даже зверское убийство оправдано

«положительным» чувством «социальной справедливости», в том случае, если оно «социально мотивировано» (полковник убил ту, про которую думал, что она чеченская «снайперша», и его обуревало чувство вины за гибель своих товарищей от рук именно снайперши).

Главный вопрос в этой истории: случайно ли появление именно Печерниковой в деле Гинзбурга и Горбаневской?

Нет, конечно. Она — товарищ КГБ по борьбе. Верный товарищ, знающий свое место врача по заказу.

И следующий главный вопрос: случайно ли появление Печерниковой в деле Буданова через 25 лет после ее «свидетельств» в деле Гинзбурга?

Нет. Также НЕСЛУЧАЙНО. Потому что она так и осталась верным врачом по заказу. В КГБ-ФСБшных кругах трех последних десятилетий о Печерниковой известно, что она НЕ ПОДВЕДЕТ. Воспряла ФСБ после ельцинских времен и с воцарением Путина — а с ней и Печерникова реанимирована... И она отлично знает дело, которому служит. Да, она отсиделась в тишине и тени, пока был «поздний», демократический Горбачев и Ельцин, и Печерникова не могла быть востребована, но пришли в Россию времена сотрудника КГБ с двадцатилетним стажем — времена Путина, — и вслед за ним все, какие возможно, властные дырочки заполонили выходцы из КГБ, и именно поэтому Печерникова опять нужна. Как тогда.

ВАЖНОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ: по сведениям независимых источников (а официальных, естественно, не существует), уже более 6000 выходцев из КГБ и ФСБ, вслед за Путиным, пришли во власть и занимают высшие государственные должности. В том числе в ключевых ведомствах, где у них ключевые посты — в администрации президента (два заместителя руководителя администрации президента, два начальника управлений — кадрового и информационного), в Совете безопасности (заместитель секретаря СБ), в аппарате правительства, в

министерствах обороны, иностранных дел, юстиции, атомной промышленности, по налогам и сборам, внутренних дел, по делам печати, телерадиовещания и СМИ, Государственном таможенном комитете, Российском агентстве по государственным резервам, Комитете по финансовому оздоровлению и т.д.

История, как хроническая хворь, склонна к рецидивам. А радикальное лекарство одно — своевременная химиотерапия клеток, несущих смерть. У нас этого не случилось, из СССР в «новую Россию» мы перетащились со всеми советскими клопами. Отсюда и результат: госбезопасность повсюду, а с ней вместе и Печерникова.

А теперь повторю центральный вопрос этой современной трагедии: случайна ли реанимация и реинкарнация профессора Печерниковой в деле Буданова? Вопрос, который без потери сути можно переформулировать иначе: случаен ли вообще нынешний взлет ЧК в нашей стране? Перелет в XXI век той инфраструктуры, которая обслуживала сохранность советской системы подавления и принуждения в веке XX?

Конечно, неслучаен. Вспомним 2000 год, время перед выборами президента. Тогда многие говорили: «Ладно, не так уж страшен черт, как его малюют. Ну и что с того, что он родом из КГБ советских времен?.. Обтешется».

А потом — понеслось... За Путиным тихо подтянулась Команда — сначала десятки людей, самых близких ему и верных, с кем он лично работал и кому доверял. А потом — и сотни, это уже товарищи товарищей Путина, которым уже они, а не лично Путин доверяют и лично работали. Теперь — тысячи. Они — на всех уровнях, во всех властных щелях.

Так вокруг нас оказались те, кому Путин и его близкие товарищи доверяли. С одной стороны, это естественно. Но с другой — выяснилось, что доверяли (и доверяют) они только «своим», а «свои» — те, у кого то или иное прошлое в КГБ. Так властные и привластные структуры «новой России» наводнили граждане со

специфическими традициями, с воспитанным репрессивным менталитетом, с понятным им соответственным механизмом решения государственных проблем...

Одна из таких традиций — конечно, Печерникова. Причем одновременно она — и традиция, и механизм ее претворения. В том смысле, что за два десятилетия практики по «защите советского общественного и государственного строя» Печерникова отлично отладила механизм такой защиты через подконтрольную ей медицинскую науку, подстроив психиатрию под нужды госбезопасности, и именно сейчас, десятилетие спустя после падения внешней конструкции советской системы оказалась полностью востребована со всеми ее специфическими навыками.

Эти слова — не политическая теория. И не доказательства прозорливости некоторых политических прогнозов. Нет! Последствия того, что сделала Печерникова в деле Буданова, предельно жестки и осязаемы: это жизнь или смерть людская, и это снова, как в 70—80-е.

Ведь будановская свобода или несвобода — принципиальное событие нашего времени. Прежде всего, для самой армии, превратившейся в Чечне в политическую репрессивную структуру. Армия ждет, так будет ли прецедент на суде в Ростове-на-Дону? Что ему скажут «виновен» или «свободен»? А значит, можно ли — как Буданов?..

Так вот, Печерникова уже сказала: «Можно». И сделала главное для того, чтобы и судья Костин имел юридический шанс сказать: «Можно».

И этот сигнал был «ПРАВИЛЬНО» понят в Чечне — офицеры, находящиеся там, продолжали дело Буданова. И примеров можно приводить сколько угодно. Только из них можно сделать целую книжку.

...Конец мая 2002 года — вновь серия похищений молодых женщин с последующим убийством. 22 мая в городе Аргуне прямо из дома № 125 по улице

Шалинской — из своего собственного дома — на рассвете была увезена военными симпатичная 26-летняя учительница начальных классов аргунской школы № 1 Светлана Мударова. Как и Эльзу Кунгаеву, жертву Буданова, Светлану, в чем была после сна, запихнули в БТР — в тапочках и халатике. Двое суток военные делали все, чтобы скрыть место, где они держат похищенную учительницу. А 31 мая ее изуродованный труп был подброшен в развалины одного из аргунских домов...

Для кого как, а для меня — это Печерникова сказала свое «можно»... «Можно», потому что есть такая «чудесная» возможность в запасе — на момент совершения преступления мы вас признаем НЕВМЕНЯЕМЫМИ и выведем из-под уголовного удара, зато как до, так и после преступления вы останетесь ВМЕНЯЕМЫМИ и будете продолжать жить, как жили, в армии служить, как служили...

Поэтому отныне ответственность за смерть Светланы Мударовой — в том числе и на совести Печерниковой, в который раз выполнившей политически востребованный заказ с далеко идущими последствиями.

...Пройдет больше года, дело Буданова пополнится еще тремя экспертизами, выводы Печерниковой будут отвергнуты как лживые, Верховный суд вернет дело на еще одно судебное разбирательство, новый состав военного суда в Ростове-на-Дону назначит новую экспертизу, из процесса фактически изгонят прокурора Назарова, защищавшего подсудимого, социальная справедливость начнет проглядывать из-за туч...

А Печерникова? Ее накажут за ложь? Или хотя бы попросят уйти наконец из «Сербского» в связи со скандалом?

Нет, конечно. Печерникова — это наше «навсегда». Ее оставили — до нужных времен.

А ТЕПЕРЬ ТО, НА ЧТО ПЕЧЕРНИКОВА ВНИМАНИЯ ВООБЩЕ НЕ ОБРАТИЛА, — ПОДВОДНЫЕ КАМНИ ДЕЛА БУДАНОВА, ТАК И ОСТАВШИЕСЯ ПОДВОДНЫМИ

Эта страница дела Буданова — самая отвратительная, мерзкая и грязная. В ней противно копать, но совершенно необходимо. Во-первых, ради правды. Во-вторых, ради понимания того, что творится в Чечне под аккомпанемент официальной лжи и пропаганды.

Несчастливая юная девушка Эльза Кунгаева в последнюю ночь своей жизни была не только зверски задушена, но и изнасилована. Вот цитаты из протокола следственного эксперимента от 28.03.2000, проведенного судебно-медицинским экспертом:

«Место захоронения представляет собой участок в лесополосе, в 950 метрах от командного пункта танкового полка. Обнаружен труп полностью обнаженной женщины, завернутой в одеяло (плед).

Труп лежит на левом боку, ноги поджаты к животу, руки согнуты в локтях и прижаты к туловищу. Промежность в области наружных половых органов опачкана кровью, плед в этом месте тоже в крови.

Судебно-медицинское исследование трупа Кунгаевой произведено 28.03.2000 с 12 до 14 часов на окраине села Танги-Чу при достаточном естественном освещении начальником медицинского отдела 124-й лаборатории капитаном медслужбы Ляненко В. Труп женщины длиной 164 см... На наружных половых органах, на кожных покровах промежности, задней поверхности верхней трети бедер влажные мазки темно-красного цвета, похожие на кровь со слизью... Отверстие девственной плевы круглое, диаметром около 0,6 см. На девственной плеве имеются кровоподтечные радиальные линейные разрывы. В межъягодичной складке подсохшие следы красно-буро-коричневого цвета. В 2-х см от заднепроходного отверстия — разрыв слизистой оболочки длиной до 3 см. Надрыв

наполнен свернувшейся кровью, что свидетельствует о его прижизненном характере. На плече, со стороны, обращенной к труп, имеется влажное пятно темно-бурого цвета, похожее на кровь, размерами 18x20x21 см. Пятно расположено на участке плеча, предлежащем к области промежности трупа.

Вместе с трупом доставлено: 1. Кофта шерстяная. Спинка разорвана (разрезана) вертикально на всю длину... 3. Футболка ношенная. Спинка футболки разорвана (разрезана) на всю длину. 4. Бюстгальтер ношенный. Слева, со спины, разрезан (разорван) на всю ширину. 5. Трусы ношенные. С изнанки, в области промежности, загрязнены сухими темно-коричневыми и желтыми пятнами, похожими на следы кала и мочи. Изъятие материала для судебно-гистологического исследования в связи с отсутствием условий для его хранения и консервации не проводилось. Взяты мазки из влагалища и прямой кишки на марлевые тампоны, кровь на марлевую салфетку. Указанные объекты, а также вещи, доставленные с трупом, переданы следователю.

Обнаруженные на трупе Кунгаевой надрывы девственной плевы и слизистой оболочки прямой кишки образовались от введения тупого твердого предмета (предметов) в прямую кишку и влагалище. Не исключено, что таковым предметом мог явиться напряженный (в состоянии эрекции) половой член. Но им мог послужить и свободный конец черенка малой саперной лопаты. Вместе с тем эксперты пришли к единому выводу, что повреждения девственной плевы и слизистой прямой кишки, обнаруженные при исследовании трупа, являются прижизненными».

С самого начала следствия Буданов категорически отрицал факт изнасилования... Однако кто-то же над Эльзой все же надругался?.. Причем перед смертью... Напомню, что последние часы жизни именно Буданов провел с Эльзой наедине и впустил в свой КУНГ солдат, уже когда девушка была мертва... Это значит, что...

Помимо психолого-психиатрических, по делу Буданова были проведены во время предварительного следствия две судебно-медицинские экспертизы специалистами 124-й Центральной лаборатории медико-криминалистической идентификации (находится в Ростове-на-Дону) Министерства обороны. И обе экспертизы сказали прямо: да, изнасилование было.

И когда суд начинает отмывать Буданова от грехов, он назначает еще одну — третью — судебно-медицинскую экспертизу. С той же целью, что и новую в «Сербского»: чтобы она, наконец, сделала «правильные» выводы, угодные военной верхушке России и Кремлю, — и офицер, обладатель двух орденов Мужества, не был бы на бумаге насильником.

Вот цитаты из текста «правильной» экспертизы, где уже все не так, как это видел своими глазами эксперт Ляненко:

«Разрывы девственной плевы и слизистой прямой кишки возникли посмертно, когда сократительная способность, свойственная живой ткани, была полностью утрачена».

То есть получается, что кто-то там, конечно, надругался над девушкой, но этот кто-то — ни в коем случае не Буданов, у него алиби, он же, убив, спокойно заснул...

Для пущей верности и правдоподобности обильные кровоизлияния, которые видел своими глазами эксперт Ляненко, превращаются в «наличие помарок крови в области наружных половых органов, которые не противоречат выводу о посмертном происхождении их повреждений...». «Правильными» экспертами находятся и «объективные» причины «неизнасилования»: *«Немотивированный отказ эксперта от взятия материала на судебно-гистологическое исследование не позволяет в настоящее время более аргументировано говорить...».*

И это действительно так — не поспоришь. Война — это когда гистологические образцы и правда просто негде хранить (это-то — «немотивированный» отказ!) — сыграла на алиби человека войны. Без гистологии, как говорили в один голос позже специалисты-патологоанатомы, все попытки доказать факт изнасилования и то, что это сделал именно Буданов, будут полностью обречены...

Как бы там ни было, в результате всего вышеперечисленного «нужный» вывод оказался готов:

«Нет данных для предположения о причинении посмертных повреждений находящимся в состоянии эрекции половым членом мужчины. Результаты судебно-медицинского исследования трупа и вещественных доказательств не дают оснований для заключения о совершении с Кунгаевой насильственного полового акта».

То есть НАСИЛИЯ НЕ БЫЛО. И утритеесь, думающие по-другому.

Кто «отбеливатели»?

На сей раз «оправдательная» судмедэкспертиза подписана:

— заместителем директора Российского центра судебно-медицинской экспертизы Минздрава России, доктором медицинских наук, заслуженным врачом России И. Гедыгушевым;

— заведующим отделом сложных экспертиз того же центра, экспертом высшей категории, кандидатом медицинских наук А. Исаевым;

— судмедэкспертом Отдела сложных экспертиз того же центра, кандидатом медицинских наук, заслуженным врачом России О. Будяковым.

Их стараниями с мундира Российской армии, как им кажется, вытравлено очень грязное пятно. Однако с мундира, может, и вытравлено.

Но только не с форменных брюк, в районе ширинки оно останется там навсегда. История ведь — не такая простая штука, как написать «нужную» бумагу. В нашей стране, повторяюсь, истории всех войн традиционно переписывают — конечно, со временем. У меня нет сомнения, что когда-нибудь это произойдет и с официальной историей второй чеченской войны, и с процессом Буданова как частью истории путинской России, и тогда, когда хроника смерти Эльзы Кунгаевой, чеченской девушки из Танги-Чу, будет освобождена от кремлевских «росписей», «грязное пятно на брюках» обязательно всплывет, и виртуозное выведение полковника из-под ответственности образца 2002 года не поможет.

КОРОТКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Какова же получилась страна? На круг?

Пока дело Буданова три года шло, я удивлялась, честно говоря, женщинам нашей страны... А женщины у нас — больше половины населения. И хотя бы только по этой половинной половой принадлежности страна просто обязана была люто ненавидеть насильников... Но нет.

Кроме того, у десятков миллионов наших людей растут дочери. И хотя бы поэтому, казалось мне, эти родители дочерей должны были понять и разделить горе семьи Кунгаевых. Но — тоже нет.

По телевизору показывали интервью с женой Буданова, она что-то лепетала о жалости по отношению к своему мужу, измученному экспертизами и судебным процессом, и жалости к их маленькой дочке, уставшей ждать папу, — и страна соглашалась с женой полковника, сочувствовала ей. Но не Кунгаевым, которые уже никогда не дождутся своей дочки...

Дальше — больше. Экспертное оправдание Буданова (признание невменяемым на короткий миг совершения преступления) и то обстоятельство, что от него было отмечено изнасилование не вызвали в стране никакой бури общественного негодования. Ни одной демонстрации протеста не прошло хотя бы от имени женских организаций. Никаких правозащитников не было на улицах. Общество посчитало случившееся правильным:

ЧТО Буданов задушил девушку, пусть даже ошибочно мстя чеченским боевикам...

ЧТО похищать — нормально...

ЧТО глумиться над трупом — правильно...

ЧТО за все это преступнику следует СВОБОДА...

Страшную страну мы наворотили. «Подвиг полковника Буданова» подавляющая часть общества признала НОРМОЙ.

На мой вкус, такое может постигнуть лишь страну круговой невменяемости. Где сумасшедшие — все. Снизу доверху.

То, 2002 года, бумажное «оправдание» полковника стало спусковым крючком для всех тех, кто совершал военные преступления в Чечне, прикрываясь войной, бедой и взаимной жестокостью сторон. Весь 2002 год под монотонный голос судьи Костина, оглашающего «оправдательные» экспертизы в окружном военном суде в Ростове-на-Дону, в Чечне шли массовые и жесточайшие зачистки. Села окружали, мужчин уводили, женщин насиловали, многих убивали, еще больше бесследно исчезло. Месть оказалась возведенной в оправдание, когда, если мстишь «за правое дело», значит, прав, и государственный обвинитель (прокурор) фактически потребовал узаконить главенство мести над правом, а самосуд оказался поощряем с самого кремлевского холма, когда око за око, зуб за зуб, — то

есть мы очутились в типичном средневековье, а также в более близком нам большевизме. Процесс над Будановым из судебного превратился в демонстрационный — того, на какой ступеньке находится наше общество в 2002 году.

Выяснилось, что не там, где мы себя мнили, приветствуя Горбачева и митингуя с Ельциным, а где-то по пути от сталинских времен к брежневским. Но только как бы наоборот — вспять, от брежневского застоя к сталинским «все дозволено». Страшно было... И от того, что власть у нас такая, и от того, что мы такие... Точнее: какие мы, такая и власть.

...На 1 июля 2002 года в суде было намечено последнее слово Буданова. Когда подсудимому дают последнее слово, это означает конец процессу — и, значит, судебный спектакль, вошедший в новейшую российскую историю как «дело Буданова», подходил к финалу. Родители Эльзы Кунгаевой и их адвокаты покинули зал заседаний, не в силах выдержать лжи и перевернутой с ног на голову нравственности и поруганного закона... Странники полковника и его товарищи по оружию бурно ликовали под стенами суда, ожидая, что еще пару дней — и они вместе с Будановым выпьют водки за победу...

И вот тут, наверху, что-то хрустнуло. Последнее слово вдруг отменили. Приговор, которого ожидали 3 июля, произнесен не был. В заседаниях объявили никем не ожидаемый перерыв до осени — до начала октября. А Буданова этапировали в Москву, на новую, четвертую по счету, экспертизу в тот же Институт Сербского... Зачем? Чтобы еще раз доказать, что Печерникова была «права» и тогда не будет шансов к пересмотру приговора?

Какие ветры в этот миг веяли над Кремлем, малоизвестно. Можно только догадываться да судить по косвенным признакам. Известно, например, что было сильное давление на Путина со стороны немецкого бундестага — письма и обращения лично к Путину (а на все, исходящее из Германии, Путин традиционно реагирует активнее, чем на обращения российских парламентариев, общественных

организаций и тем более граждан). Да и сам канцлер Шредер при встречах на высшем уровне не забывал поинтересоваться, почему дело военного преступника Буданова сосредоточилось на единственном из возможных вариантов его исхода — на отмывании от грехов. Источники в администрации президента утверждают, что Путину нечего было ответить...

Не удивляйтесь, но в нашей стране с ее византийскими рабскими традициями таких мелочей вполне достаточно, чтобы изменить ход истории и заставить суд принять то решение, за которое Путин не будет чувствовать дискомфорт при встречах, где он желает ощущать только удобство.

Так случилось то, что случилось, — приговор не вынесли, и судебные слушания были приостановлены прямо на полном ходу. Возобновились они лишь 3 октября. Главной интригой этого судебного этапа стало по-прежнему оглашение результатов новой психолого-психиатрической экспертизы. Все гадали: так «невменяем»? «Вменяем»? Или «ограниченно вменяем»? Какой из трех возможных вариантов на сей раз — на новом политическом витке — выбрали эксперты все того же подневольного «Сербского»?

Конечно, многие ожидали сенсации. Но все повторилось — Буданов вновь оказался «на время вменяемым», а приговор, значит, прогнозируемым: Буданов не подлежит уголовной ответственности, и суд настаивает на его лечении, сроки которого — на усмотрение лечащего врача; захочет врач лечить Буданова неделю — будет неделя, и Буданов выйдет на свободу подчистую, то есть без штампа о судимости. Посчитает врач, что необходим месяц, — Буданов вернется домой через месяц. Главный принцип подхода был сохранен: Буданов освобождался от наказания за военные преступления.

Приговор был вынесен 31 декабря 2002 года. Это особый, очень специальный день у нас. В России 31 декабря почти никто не работает. И вы найдете мало людей, кто вообще над чем-то серьезным думает. 31 декабря — это почти священное число, когда даже остатки гражданского общества и члены

парламента, настроенные демократически (и, значит, антибудановски), не возмущаются ничем, не делают никаких политических высказываний... Потому что встречают Новый год.

Так и получилось. День был выбран верно — никаких общественных возмущений по поводу сути приговора не последовало. Вообще. Причем так продолжалось довольно долго. После 31-го у нас в стране наступают две свободные от мыслей недели — до середины января. Когда по телевидению — сплошные праздничные концерты, газеты не выходят...

Конечно, адвокаты Кунгаевых подали кассационную жалобу в Военную коллегия Верховного суда — нарушений в ходе процесса было столько, что написать жалобу мог бы и неюрист. Естественно, у адвокатов были надежды изменить ход процесса. Но, честно говоря, не слишком большие. Как сразу же после оглашения приговора объявил Абдула Хамзаев, один из защитников интересов семьи Кунгаевых, почти все надежды он связывает только с Европейским судом по правам человека, не с российской судебной системой, поэтому кассация в Верховный суд нужна скорее для соблюдения необходимой процедуры подачи жалоб в Страсбург.

И вдруг — сенсация. В начале марта Военная коллегия Верховного суда России неожиданно отменяет приговор, признает все допущенные нарушения и постановляет назначить новые слушания, причем с самого начала судебного следствия, в Ростове-на-Дону, в том же окружном военном суде, но под председательством другого судьи, а не Виктора Костина, допустившего такую прорву нарушений и ошибок.

В российской системе политических координат (за Верховным судом у нас давно слава отдела администрации президента, а не высшего органа независимой судебной власти страны) это могло означать только одно: ветер в Кремле теперь уже бесповоротно поменялся и подул в прямо противоположную сторону, и что лозунг о «русском офицере, который всегда прав, воюя в Чечне» больше не в чести

у президента, и снова, как весной 2000 года, Путин старается публично позиционировать себя как борца за «диктатуру закона», и что предвыборная кампания 2004 года стартовала...

Основная причина была очевидна — до выборов президента оставался уже год. Путинская партия «Единая Россия», где генеральным секретарем в нарушение действующих законов — министр внутренних дел Борис Грызлов, просто обязана победить на парламентских выборах декабря 2003 года. Уже стали постепенно формироваться главные властные лозунги этих двух кампаний — «Единой России» и Путина, и первый из лозунгов: «Закон превыше всего».

Буданов в который раз за свое пребывание в тюрьме, начиная с 27 марта 2000 года, испытал на своей собственной шкуре политическую кампанейщину. Правда, на сей раз с отрицательным для себя знаком.

9 апреля суд в Ростове-на-Дону возобновился. И полковник уже был совсем другим. От наглого типа, чуть ли не плюющего на судью и без остановки оскорбляющего родителей убитой им девушки, мало что осталось. Он говорил, что его предали. Он явно нервничал. Он потребовал для себя суда присяжных — но ему отказали. И тогда он перестал отвечать на какие-либо вопросы. Демонстративно заткнул себе уши ватой, не желая ничего слышать, и, сидя в клетке для подсудимых, все время читал книжки.

Судейское кресло теперь занял полковник Владимир Букреев, заместитель председателя окружного военного суда. Впервые за два года он пригласил для допроса свидетелей со стороны потерпевших. И это была настоящая революция.

Прежде всего допросили генерала Герасимова, в марте 2000 года исполнявшего обязанности командующего группировкой войск «Запад» в Чечне, который сообщил, что Буданов как командир танкового полка (а это представитель Министерства обороны, а не Министерства внутренних дел) вообще не имел никакого права инспектировать село Танги-Чу, въезжать в него и искать там

«снайпершу» — таковы приказы Генерального штаба. Поиск и арест подозреваемых участников незаконных вооруженных формирований — это дело для следователей прокуратуры, сотрудников ФСБ и милиции, но никак не для полковника-танкиста.

Более того, как сказал генерал Герасимов, в феврале-марте 2000 года каких-либо «задач по проведению поисковых мероприятий полку не ставилось... Буданов не имел права проводить в населенных пунктах проверку паспортного режима и жилых помещений, не имел права вести там разведку».

Во-вторых, в суд был приглашен глава администрации селения Дуба-Юрт Яхьяев, который, по утверждениям Буданова, якобы дал ему фотографию, где были изображены мужчина и две женщины со снайперскими винтовками, и это стало главной причиной, почему Буданов искал одну из снайперш в Танги-Чу. Так вот, Яхьяев заявил в суде, что никакой фотографии Буданову он не давал... Это полностью подтвердил в суде сотрудник ФСБ Панков, который в конце декабря 1999 года и начале января 2000 года — времени предполагаемой (как утверждал Буданов) встречи главы администрации Дуба-Юрта Яхьяева и Буданова, — находился тогда в Чечне в качестве старшего оперуполномоченного отдела ФСБ. Панков подтвердил в суде, что Буданов, действительно, несколько раз встречался тогда с Яхьяевым в его, Панкова, присутствии, но Яхьяев не передавал Буданову никакой фотографии и, более того, не рассказывал ему о женщине-снайперше. Да и сам Буданов ничего не рассказывал Панкову о фотографии и снайперше...

В результате ВСЕ доводы подсудимого в собственную защиту были опровергнуты.

25 июля 2003 года был вынесен обвинительный приговор. 10 лет колонии строгого режима. Срок, когда Буданов должен быть освобожден, — 27 марта 2010 года...

Без сомнения, Буданов получил то, что заслужил. И даже если это предвыборный маневр и результат сиюминутной политической интриги, нельзя не приветствовать справедливое судебное решение — ведь их так мало в России. Суд Северо-Кавказского военного округа и заместитель его председателя полковник Владимир Букреев проявили большое личное мужество. Кремль Кремлем — он далеко, а суд пошел наперекор своей среде и главному течению в ней. И военная верхушка в большинстве своем, и офицерство в целом, особенно на Кавказе, категорически не приняли обвинительного приговора Буданову, оказались крайне им раздражены и уверены, что Буданов пострадал только потому, что: честно защищал Родину. Срок в 10 лет с лишением наград и званий они восприняли как плевок самим себе... Напомню система военных судов России — это скорее часть военной, а не судебной корпорации. Звания, жилье, продвижение по службе у Букреева зависят от Министерства обороны и штаба Северо-Кавказского военного округа... Так что для судьи Букреева обвинительный приговор Буданову — подвиг, потому что это приговор и себе.

Как с остальными?

Как бы ни были драматичны коллизии вокруг этого дела, история осуждения Буданова — это исключение на нашем общем фоне. Его преступление, в силу политических обстоятельств, оказалось раскрытым и стало предметом всеобщей гласности с большими политическими последствиями, которые, в свою очередь, заставили власть дать разрешение суду на обвинительный приговор, — все это произошло совершенно случайно. Все остальные дела о военных преступлениях, где обвиняемые — из числа федералов, как правило, находятся в замороженном состоянии, и правоохранные органы заняты только тем, чтобы вывести преступников из-под ответственности. Даже если эти преступники совершили ужасные, чудовищные поступки.

...12 января 2002 года в районе горного чеченского селения Дай были высажены с вертолетов шесть групп российских военнослужащих — они искали боевиков и среди них полевого командира Хаттаба, который, согласно оперативной

агентурной информации, был незадолго до этого ранен и находился в тот момент где-то рядом с Даем.

То, что случилось тут вскоре, позже так и назовут: «дело Буданова-2». Члены одной из шести групп — десять бойцов отряда специального назначения Главного разведывательного управления Генерального штаба России, десантированных с вертолетов, — увидев ехавший мимо них по горной дороге рейсовый микроавтобус, остановили его, приказали всем выйти. Сначала пытали, добиваясь ответа, где боевики. А потом убили всех шестерых и в довершение сожгли их трупы.

Официальные информационные агентства тут же назвали эту жестокую бессудную казнь «боевым столкновением с незаконными вооруженными формированиями», однако нашлись свидетели, которые довольно быстро развеяли эту ложь. Все шестеро оказались обычными гражданскими лицами, возвращавшимися на рейсовом «уазике» из районного центра Шатой по домам. Среди них была 40-летняя Зайнап Джаватханова, мать семерых детей от семнадцати до двух лет, беременная восьмым, — и от нее осталась лишь одна ступня, по ботинку на которой ее опознали муж и старшие дети. В тот день Зайнап ездила на осмотр к гинекологу в Грозный.

Еще - директор Нохчи-Келойской сельской школы 69-летний старик Сайд-Магомед Аласханов и учитель истории той же школы Абдул-Вахаб Сатабаев, который возвращался домой с педагогического совещания в Шатое.

Четвертый труп принадлежал нохчи-келойскому леснику Шахбану Бахаеву. Пятый — племяннику многодетной Зайнап, который сопровождал ее в поездке, — так тут принято, и звали племянника Джамалайли Мусаев. Шестой — водителю микроавтобуса Хамзату Тубурову, отцу пятерых детей, которого знала вся округа, потому что каждый день именно он возил, кого требовалось, из Шатоя по горным селам и обратно.

К вечеру 12 января все убийцы были арестованы. Сотрудники Шатойской районной прокуратуры благодаря показаниям случайного свидетеля майора военной разведки Виталия Невмержицкого, оказавшегося на месте трагедии, смогли добиться санкции на их арест — и это беспрецедентно для Чечни. Вскоре спецназовцев передали следователям военной прокуратуры, и было возбуждено уголовное дело № 76002.

Все вроде бы, как положено. Я встречалась с полковником Андреем Вершининым, военным прокурором в Шатойском районе, который вел тогда это нашумевшее дело, и весной 2002 года он был еще полон оптимизма. Говорил, что доказательств вины предостаточно и дело обязательно дойдет до суда — его почти невозможно будет развалить, как это происходит сплошь и рядом с другими делами, ведь сотни не доведенных до «точки», — до суда, уголовных дел числятся сегодня за прокуратурами всех уровней. И большинство по одной причине — обвиняемых в преступлениях военнослужащих командиры их подразделений побыстрее отправляют прочь из Чечни, следствие захлебывается, прокуратуре не дают работать, запугивают, затыкают рот...

Так вот, прокурор Вершинин сумел сделать тогда почти невозможное: он добился, чтобы бойцы ГРУ, пока идет следствие, сидели бы под арестом на гауптвахте 291-го полка, потому что именно в его расположении в Шатойском районе находится военная прокуратура, то есть под непосредственным круглосуточным присмотром полковника...

Прокурор Вершинин не виноват в том, что произошло дальше, когда обвиняемых все-таки забрали из Шатоя и перевезли в тюрьму за пределами Чечни и полномочий полковника. Те, кто непосредственно осуществил казнь у селения Дай — лейтенант Александр Калаганский и прапорщик Владимир Воеводин, — пробыв в тюрьме города Пятигорска девять месяцев, были отпущены на свободу, потому что Главная военная прокуратура России даже не обратилась в суд за продлением им срока заключения, и это значит: их обязаны были автоматически выпустить «под подписку о невыезде в Щелковском районе Московской области».

Тут очень важно понять, что означает это последнее, — почему именно «в Щелковском районе Подмосковья» оказалась подписка о невыезде для двух преступников? Это, между прочим, поощрение и повышение им по службе. До Чечни и казни, которую они учинили, оба служили на краю света в Бурятии, а теперь оказались переведены в Подмосковье... У нас это означает одно — ГРУ и Генштаб решили Воеводина и Калаганского поощрить, считая, что те, как и Буданов, верно служили Родине, а Родина не оценила...

Под стражей удалось оставить только капитана спецназа ГРУ Генштаба Эдуарда Ульмана, который отдавал 12 января 2002 года непосредственный приказ уничтожить людей. На свободе гуляет организатор и подстрекатель к убийству майор Алексей Перелевский, в тот момент бывший заместителем командира 641-го отряда ГРУ (он руководил спецоперацией), и это именно Перелевский приказал Ульману: сделай из всех «груз-200» (труп — на военном сленге), и тогда офицеры приняли решение расстрелять...

Что это? Как это называется? Виновных в этом громком и жутком военном преступлении просто выводят из-под ответственности. Я представляю себе, что произошло бы, если бы на территории Чечни какой-нибудь чеченский боевик расстрелял шестерых российских военных, а потом сжег бы их трупы. На свободе бы он точно не оказался. Как сказал адвокат Абдула Хамзаев, «за 41 год моей работы в органах суда, прокуратуры и адвокатуры я не встречал ни одного уголовного дела, где лицо, привлекаемое за умышленное убийство с отягчающими обстоятельствами, находилось бы «под подпиской о невыезде».

Я спросила тогда адвоката Хамзаева:

— Если идея с Международным уголовным трибуналом по Чечне, которую обсуждает Совет Европы, дойдет до реального воплощения, лично Вы сможете предоставить такому трибуналу материалы по делам, где российские правоохранительные органы не желали бы вести следствие против военных преступников, всячески их заматывали и преступников выпускали на свободу?

— Сколько угодно. Таких дел — сотни.

Перед Россией, как и перед Соединенными Штатами времен окончания вьетнамской войны, стоит сейчас вопрос: так кто же они — эти солдаты и офицеры, ежедневно убивающие, грабящие, пытающие и насилующие в Чечне? Типичные военные преступники? Или же бескомпромиссные и жесткие участники всемирной борьбы с международным терроризмом всеми доступными ими способами, и благородная цель спасения человечества оправдывает средства, которые они используют? И идеологический статус и градус этой современной борьбы таков, что должно быть списано все?..

Пока в России ответа нет.

Западный человек, надеюсь, ответит на эти вопросы просто: есть суд, и он обязан все расставить по местам при наличии доказательств.

Современный российский человек — человек времен правления президента Путина, с промытыми пропагандой мозгами, но все-таки еще не полностью разучившийся самостоятельно думать, как это дозволялось при президенте Ельцине, — наш человек не станет спешить с ответом и, скорее всего, призадумается. Теперь, когда позади уже четыре года жесточайшей второй чеченской войны, когда больше миллиона солдат и офицеров прошли и продолжают проходить через нее и, отравленные войной на собственной территории, стали серьезным фактором мирной жизни, который уже просто так не скинешь со счетов, возникает много вопросов: а за что они, собственно, воевали?..

Дело полковника Буданова и Дайское дело — яркие, трагичные и драматичные — такие, какими они в результате получились, вывернули наизнанку все наши проблемы, всю нашу жизнь вокруг второй чеченской войны, весь наш иррационализм вокруг войны и Путина, все наши понимания, кто же прав на Северном Кавказе, а кто виноват, и, главное, какие болезненные изменения претерпела при Путине и на фоне войны система отечественного правосудия.

Судебная реформа, которую пытались внедрить демократы и всячески двигал вперед Ельцин, — она рухнула под напором дела Буданова.

Но она — и возродилась... Пример судьи Букреева — тому ярчайшее доказательство. Пример прокурора Вершинина — тоже...

Однако, невзирая на отдельные личности, способные на поступок, стране продемонстрировано, что независимого суда и прокуратуры как таковых у нас нет. На их месте — суд по политическому заказу, в зависимости от сиюминутной политической конъюнктуры...

Таня, Миша, Лена, Ринат...

Что с нами стало?

Действительно, куда все мы ушли? Мы — жившие в СССР? Имевшие в основном стабильную работу и четко, по строго определенным числам, выплачиваемый заработок — с нашей неограниченной и непоколебимой уверенностью в завтрашнем дне, как в сегодняшнем? В том, что врачи обязательно вылечат, а учителя научат? А мы при этом не потратим ни копейки? Какой жизнью зажили мы после того, как всего этого не стало? Или — по-другому — какую судьбу влачим? Каким образом перераспределились по постсоветскому пространству с наступлением трижды новых времен?

Я подчеркиваю: именно «трижды». И вот почему: в первый раз мы пережили свою личную революцию (помимо, конечно, общественной) — вместе с падением СССР и в годы царствования Бориса Ельцина, когда вмиг не стало ничего ни идеологии, ни дешевой колбасы в магазинах, ни денег, ни уверенности, что где-то в Кремле сидит «Большой Папа» и, если он даже очень плохой и деспот, но в конечном счете, — он за нас в ответе.

Во второй раз — в связи с дефолтом 1998 года, когда то, что многие из нас сумели заработать за годы с 1991 года (время фактического старта рыночной экономики) и начал формироваться средний класс (наш, российский, мало похожий на западный, но все же средний класс — опора демократии и рынка), опять превратилось в дым. Надо было снова начинать все с самого начала, а многие очень устали к тому моменту от борьбы за жизнь и поэтому так и не сумели подняться — и скатились на дно.

И, наконец, в третий раз — при Путине. На фоне нового этапа русского капитализма с ярко выраженным несоветским лицом — такой своеобразной экономической модели эпохи второго президента России, которая оказалась эклектичным сплавом рынка с догмой, всего со всем. Когда существует много свободного крупного капитала плюс также много типично советской идеологии, его обслуживающей, еще плюс очень много бедных и нищих. К тому же стал очевиден новый расцвет старого явления, именуемого «номенклатура», — это такое руководящее нами звено, большое чиновничье сословие, которое существовало при советском строе. Теперь оно стало стремительно реанимироваться, но на новых экономических рельсах, к которым очень быстро и с удовольствием адаптировалось, и ей, номенклатуре, отныне хочется жить очень богато, как «новые русские», но официально зарплаты у нее крошечные. Номенклатура ни за что уже без боя не откажется от нового строя в пользу старого, советского, но и новый строй ей не слишком по нутру своим стремлением к законопослушанию и порядку (этого все настойчивее требует общество), и поэтому большую часть времени номенклатура тратит на то, чтобы обойти порядок и законы в целях личного обогащения. Итог — невиданный расцвет коррупции при Путине. Новая-старая путинская номенклатура довела коррупцию до таких вершин, которые были неведомы ни при коммунистах, ни при Ельцине, и эта коррупция пожирает сейчас мелкий и средний бизнес (а значит, и средний класс). Она дает развиваться (термин «давать развиваться» означает у нас — предпочитать в качестве взяткодателей, или, еще проще, «он мне разрешил ему ДАТЬ») крупному и сверхкрупному — монопольному, околосударственному бизнесу, поскольку именно этот тип бизнеса приносит в России самые высокие и

стабильные дивиденды не только его хозяевам и менеджерам, но и покровителям из государственных структур (а у нас крупного бизнеса без государственных покровителей, «кураторов», опять не существует). На фоне всего этого разгула, не имеющего никакого отношения к рынку, нашу новую «партноменклатуру» (ее опять так называют, как и в советские времена — это название путинской номенклатуры) сильно мучит ностальгия по СССР, по его мифам и фантомам. Учитывая, что Путин старается собирать под свои знамена публику, как у нас говорят, «из бывших» — то есть с опытом советской руководящей работы, — можно сделать вывод, что ностальгия этого слоя настолько сильна, что обслуживающая путинский капитализм идеология все более скатывается к той, что была типична для СССР времен самой жесткой стагнации «позднего Брежнева» (Брежнев — Генеральный секретарь Политбюро ЦК КПСС 60—80-х годов, а время «позднего Брежнева» — это конец 70 начало 80-х годов, считающийся наиболее экономически застойным).

Таня, Миша, Лена, Маша, Саша, Толя — реальные люди, совсем не вымышленные герои. Люди из толпы — обычные, как и все, тяжело выживавшие вместе со всей страной и не обязательно выжившие. Их фамилии приводить здесь я не хочу, потому что все они были мне друзьями, всех их я знала (и знаю) очень близко. Если будут фамилии, у меня не получится написать все честно о них и без утайки — мне будет неудобно, я не смогу быть свободной в выражениях. А чтобы понять, как мы все выжили, надо писать честно и открыто.

Таня

...2002 год. Ранняя зима. Только что прошел «Норд-Ост», и общество, особенно в Москве, в шоке. Во время этих событий меня показывали по телевизору, так как я немного принимала в них участие, — в результате реанимировались старые знакомые, стали звонить, рассказывать о себе...

И этот поздний звонок был среди них — Таня, собственно, всегда звонила или ночью, или так поздно вечером, что дом уже спал.

— Сколько лет?

— Как ты меня нашла?

— Встретимся?..

— Конечно...

Мы не виделись с Таней, моей старой подругой и когда-то соседкой, лет, этак, десять. Тогда Таня была всегда замученной — а теперь Таня — королева. Выглядит торжествующе и шикарно. И не потому, что одета роскошно, хотя и это присутствует. Самое главное, она выглядит уверенной в себе и очень спокойной, чего за ней не замечалось ни десять, ни пятнадцать лет, ни двадцать лет назад.

В советское время Танина жизнь была просто мучительна, и почти каждый вечер она прибегала ко мне (я жила на первом этаже старинного дома, она — на последнем) и плакала о своей загубленной судьбе. И нам обоим казалось — замученной навечно.

В те годы Таня работала инженером в научно-исследовательском институте и принадлежала, таким образом, к советской научно-технической интеллигенции — была у нас такая значительная общественная прослойка (теперь ее в прежнем виде нет — она исчезла вместе с СССР).

Как такая прослойка образовывалась? Тогда полагалось: девушка «из хорошей семьи» (а Таня была «из хорошей семьи» — единственная дочка уважаемых родителей) должна была непременно получить высшее образование. Если у девушки не определялось никаких особых склонностей и порывов к моменту окончания средней школы, то она поступала в какой-нибудь технический институт, которых было полно, и становилась инженером. Учитывая, что после института полагалось в обязательном порядке отработать по приобретенной бесплатно, за

счет государства, специальности три года, то в стране существовала целая армия совершенно не удовлетворенных жизнью, как Таня, молодых специалистов (они же не мечтали быть именно инженерами), отсиживающих рабочее время в многочисленных научно-исследовательских институтах и не производящих ровным счетом ничего.

Таня была полноправным солдатом этой армии, имея профессию инженера по коммунальным службам на атомных электростанциях. Она целыми днями и без всякого энтузиазма чертила в своем НИИ проекты канализаций и водопроводных сетей, которые никто нигде не строил. Получала при этом крошечную зарплату, злилась от хронического безденежья, пыталась прилично прокормить и одеть-обуть свою семью, металась между двумя вечно болеющими маленькими детьми и мужем, странноватым типом по имени Андрей, молодым в те годы доцентом престижного технического университета в Москве, но опять же с крошечной советской зарплатой за плечами.

На почве такой жизни Таня была типичной неврастеничкой. Она постоянно мучила и себя, и Андрея, и детей своим плохим настроением, истериками, депрессиями, перманентной неудовлетворенностью судьбой и жизнью...

Еще Таня была девушкой из южного города Ростова-на-Дону и появилась в Москве, не приветливой к иногородним «лимитчицам» (так их тогда называли), в середине 70-х, выйдя замуж за Андрея, которого встретила на черноморском пляже. Таких женщин-«инженеров» из провинции замужем за москвичами в ту пору в столице было очень много. Нищая провинция не имела никакой ценности, и «девушки из хороших семей» стремились в Москву.

Тут, впрочем, Таня была несчастна — она не знала, что же хочет. Но отлично знала, чего не хочет: она не хотела работать инженером и не хотела быть нищей вместе с нищим Андреем. Мы это много обсуждали: Таня злились именно от того, что выхода у нее не было — предстояло жить с Андреем и оставаться инженером с крошечной зарплатой.

...Когда наступили новые времена, именно женщины стали их движущей силой, ушли в бизнес, поразводились с мужьями, мужья ушли в бандиты, и многие погибли в перестрелках первых лет ельцинского времени... Так произошло именно потому, что многие из наших женщин накануне перестройки думали, как Таня, — что никогда не смогут изменить свою жизнь, — и вдруг такой шанс...

Однако вернемся в середину 80-х. В их доме часто бывали скандалы. По советской традиции, Таня, не имеющая своего жилья в Москве, должна была жить у Андрея, в его квартире. Но у него тоже не было своего угла, и все это получалось так — они жили в одной большой квартире с родителями Андрея и двумя его старшими братьями, каждый из которых также имел семью и по двое детей.

В общем, типичный советский коммунальный улей — бесперспективный к отделению и самостоятельности. Андрей при этом был не простой человек, а происходил из старинной московской дворянской семьи, членами которой были замечательные люди. Например, знаменитый профессор — скрипичный педагог Московской государственной консерватории. Он был вторым мужем Андреевой бабушки, тоже профессора Московской консерватории по скрипке. Бабушка давно умерла, а муж ее остался в «улье» — ему тоже некуда было идти, как и Тане.

Родители Андрея были профессорами физики и математики. Старший брат — профессором химии, делавший открытие за открытием в Московском университете, что также мало меняло его жизнь в материальном плане.

Все это Таню злило... Она считала семейство Андрея неудачниками и неумехами, несмотря на десятки научных званий, которыми они обладали, и семья Андрея отвечала ей взаимностью, не любя и вечно придираясь к Тане.

Таня, напомню, была девушкой из Ростова-на-Дону, с российского Юга, где даже в советские времена все, кто мог, торговали всем, чем могли. Там процветали подпольные цеха по производству нелегальной продукции, а многие богатые

мужчины коротали время между свободой и тюрьмой, и это не считалось позорным. Хоть их и называли в газетах «спекулянтами» и «цеховиками», но ростовские барышни с удовольствием выходили за них замуж.

Когда мы познакомились, в самом начале 80-х, Таня уже полагала, что оплошала тем, что вышла за Андрея, и даже не важно, что по любви. Она признавалась, что просто «клянула на Москву» — то есть выйти замуж за москвича было престижно в провинции, по-другому же в столицу было не перебраться. Но, клянув, Таня жила бедно и очень страдала. Расцветала же она, только когда приносила неизвестно где взятые красивые вещи, предлагая купить их. Она, безусловно, обладала особым даром торгового убеждения — могла втридорога продать тебе кофту отвратительного качества, уверяя, что «это носят в Европе», а когда выяснялся обман, умела ничуть не стесняться и нимало не краснеть. Традиционная, интеллигентная семья Андрея считала Таню за эту тягу к спекулятивному торгашеству совершенно чужеродным элементом и не была к ней добра — презирала...

И вот 2002-й. Позвонив, Таня пригласила меня к себе — и это оказалось все той же большой квартирой в самом центре Москвы, почти под стенами Кремля.

В квартире — пустынно и все по-другому, чем раньше. Произведен великолепный ремонт, все перестроено, дом набит современной бытовой техникой, искусными репродукциями знаменитых картин, мебелью в старинном стиле — хорошими подделками под старину. Тане — почти пятьдесят лет, кожа ее молода и здорова, одежда ярка, сама она говорит громко, уверенно, откровенно и много смеется, от чего морщин на лице не появляется, — значит, понимаю, сделала пластическую операцию. Значит, продолжаю понимать про себя: выплыла, богата, бедные у нас пластических операций не делают, слишком дорого, и поэтому у бедной женщины сразу виден возраст.

«Андрей разбогател?» — продолжаю оценивать про себя. Таня ходит по комнатам свободно — раньше, десять лет назад, она предпочитала тут шептать и сидеть в углу одной из комнат, не встречаясь с родственниками.

— А где все «ваши»?

— Сейчас расскажу, только не падай — теперь это все мое.

— Твое? Поздравляю. А они-то где живут?

— Сейчас-сейчас... Все по порядку.

В комнату тихо входит молодой красавец возраста Таниных сыновей, как я предполагаю. В последний раз ее мальчиков я видела еще мальчиками, и поэтому у меня вырывается:

Неужели? Это?.. Игорь? Ты?

Игорь — старший сын Тани и Андрея, ему теперь должно быть 24-25...

Таня хохочет от души. Заливисто, задиристо, звонко. Не по-Таниному.

— Меня зовут Давид, — томно произносит темнокудрый и волоокий красавец и, поцеловав ухоженную Танину руку — а я-то помню другие ее руки, изнуренные многочасовыми стирками на большую семью при полном отсутствии стиральной машины, руки, которыми Таня вытирала плачущее лицо на моей кухне, — Давид медленно удаляется куда-то в глубь квартиры. — Ну, не буду вам мешать, девчонки...

На «девчонок» мы меньше всего похожи.

— Ладно, говори, наконец! Раскрывай свои секреты молодости и благополучия, — прошу свою старую подругу. — Где все твои?

— Они больше не мои.

— А Андрей?

— Мы разошлись, кончилась моя каторга.

— Ты вышла замуж? За этого? За Давида?

— Давид — мой любовник, ненадолго, так, для здоровья. Я его содержу. Сколько хочу, столько и содержу.

— Господи... Кем же ты работаешь?

— Я никем не работаю, я работаю на себя, — отвечает Таня жестко и таким металлическим тоном, что это никак не вяжется с образом сидящей напротив, чуть праздной, ухоженной женщины с молодым любовником,

...Таня — счастливый продукт новой жизни. В 1992 году, летом, когда в большинстве домов Москвы нечего было есть, — это называлось «шоковой терапией» или рыночными реформами тогдашнего премьер-министра Егора Гайдара — Таня вместе с детьми и всей остальной профессорской семьей, жила за городом, на старинной, потомственной даче их семейства.

Все москвичи, у кого была дача, в то страшное голодное лето сидели по своим загородным деревянным халупкам и выращивали на зиму овощи, чтобы было чем прокормиться. Научно-исследовательский институт, где Таня работала, на лето закрылся — все равно зарплату там никому давно не платили, и работы никакой не было, и все сотрудники, городские жители, уехали полоть свои огороды или пошли торговать на рынки, в большом количестве появившиеся тогда на улицах голодающей Москвы. Таня занималась тем, что тоже полола огород и смотрела за

детьми. Андрей часто оставался в городе, не приезжал на ночь на дачу, потому что его технический университет не закрылся, как большинство научно-исследовательских, студенты продолжали учиться, сдавать экзамены, педагоги продолжали ходить на работу, держась на энтузиазме и осознании чувства долга, несмотря на то, что у преподавателей тоже не было никакого жалования.

Однажды утром Таня неожиданно зачем-то нагрязнула в Москву, отперла дверь квартиры и нашла там Андрея со студенткой прямо на их с Таней семейном ложе. Днем, когда у Андрея работа в университете. Таня была женщина южная и шумная, и в тот день она кричала на весь дом о том, что вот как «он ведет свои занятия», и обо всем другом...

Андрей не отпирался, сказал, что любит эту студентку. Студентка при этом не проронила ни слова, оделась и молча прошла на кухню, где деловито стала привычно готовить чай.

Таню это молчание соперницы и ее хорошая ориентация в квартире добило, и она поняла, что ни за то страдала всю свою семейную жизнь «от этой семейки», чтобы пустить еще и разлучницу в квартиру. Так и сказала Андрею прямо: пусть не надеется. Тот собрался да и ушел со студенткой, не допив приготовленного ею чая.

С этого дня, собственно, и началась новая Танина жизнь, совершенно самостоятельная и не похожая на предыдущую. Андрей поступил дурно и больше не дал Тане на воспитание детей и какое-либо ее собственное существование ни копейки. Никогда. Более того, позже не стеснялся быть альфонсом — три года спустя уже Таня, чуть разбогатев, стала его временами подкармливать и даже одевать. Не от доброты душевной к продолжающейся нищете профессора технического университета, не поступившегося профессиональными принципами и решившего даже не пробовать себя в бизнесе, бросив преподавательскую карьеру, как делали тогда многие его коллеги. Таня подкармливала Андрея ради реванша, приговаривая вслух: «Ты думал меня унижить? А вот теперь я тебя унижаю!».

И подавала ему красную икру — символ советской роскоши, на которую теперь у нее были средства. И Андрей ел икру за обе щеки, не краснел от унижения, потому что голодал отчаянно, временами даже не брезгуя обедами в прицерковных благотворительных столовых для нищих, делая при этом вид, что православный, — научился креститься.

Естественно, Андрей давно к тому времени расстался со своей молчаливой студенткой и жил черт знает как и черт знает где. Обносился, опустился и был похож на бездомного.

...Впрочем, вернемся в лето 92-го, в лето рыночного перелома. Через неделю, детей было совсем нечем кормить, свекровь требовала от Тани простить и вернуть Андрея, но она никого возвращать не стала, а пошла торговкой на близлежащий рынок.

Свекровь рыдала: «Позор! Позор!». Слегла, болела. Но все-таки смирилась — это когда Таня стала ей покупать лекарства на эти «позорные», «рыночные» деньги. До этого ни один из сыновей свекрови, ни муж ее, ни другие невестки не могли ничего подобного сделать для своей больной матери — потому что совершенно не имели денег, и однажды дело дошло даже до абсурда. На семейном совете было решено — и первой за это проголосовала сама же свекровь, упрямо лежа в постели и приготавливаясь скорее к смерти, чем к «позору», — что семейных реликвий — антикварную мебель, оставшуюся от предков, ноты-раритеты, картины русских мастеров девятнадцатого века — продавать «не будем ни за что!». Это несмотря на то, что в начале 90-х подобные семьи с традициями и сохранившие реликвии сталинских лет спускали свои достояния по дешевке — как тогда говорилось, «за обед».

А Таня стояла на рынке. С 6 утра до 11 вечера. Это была даже не работа, а чистой воды рабство, каторга. И оправданий ему не было никаких. Кроме одного — рабство имело цену. Таня стояла на рынке за реальные, в кармане хрустящие рубли. Причем ежедневно выплачиваемые. День отстояла — получи. Не потом, а

сейчас — и это было главным. Таня всегда возвращалась домой с деньгами. Хоть и с опухшими ногами, еле их переставляя, и с такими же отеками огромными руками-«крабами», не способная даже помыться и привести себя хоть в какой-то человеческий вид. Но! Почти счастливая!..

— Не поверишь, конечно, но я была счастлива, что больше ни от кого не зависела. Ни от директора института, который ничего не платит, ни от Андрея, который ничего не дает, ни от свекрови с ее семейными реликвиями и традициями. Я зависела только от себя самой, — так рассказывала мне Таня, уже красивая и богатая, о себе, тогдашней, десятилетней давности. — Свекровь? Да я просто послала ее в один прекрасный момент — иди, мол, туда-то... И что бы ты думала? Впервые она не прочитала мне нотацию. Для меня это стало открытием. На моих глазах происходила революция — неподкупная вроде бы эта старинная московская интеллигенция ломалась. Ломалась на деньгах, которые я стала давать свекрови. Свекровь перестала меня учить, потому что я стала ее кормить. Я — вечно «плохая»... И постепенно все они — вся их семейка, которая меня столько лет презирала за то, что я не из старинного рода, и корни мои крестьянские, и что я, как они всегда говорили, женила на себе Андрея ради переезда в Москву, — вся эта толпа «родственников» научилась мне улыбаться и даже смотреть мне в рот. Только потому, что я стала их всех кормить с этого самого рынка. И я торжествовала. И готова была не приходить с рынка ради одного — только чтобы зарабатывать все больше и больше, и дальше, и больше... И еще болезненнее для них утереть им носы.

...Возвращаясь домой к полуночи, Таня падала на кровать. Она больше не замечала сыновей. Не проверяла их уроки. Падала — и тут же вырубалась. И рано утром все начиналось снова.

Свекровь, однако, взяла на себя элементарные заботы о Таниных детях — впервые, надо сказать, в их жизни под одной крышей. И Таня этому тоже удивилась.

...В середине 90-х у нас был такой расцвет наркомании среди 15-18-летних, что мы по утрам выходили из квартир и шли по ступеням по ковру из шприцев. Это были дети — ринувшихся на рынки матерей, стремящихся заработать, дети, оставшиеся без какого-либо серьезного присмотра, без школ (школы почти не работали), заброшенные всеми ради свободных денег... Сегодня, в начале века, много 40-50-летних осиротевших матерей, у которых дети умерли. Считается, что почти 50 процентов мальчиков и девочек 1978-1982 годов рождения умерли в середине 90-х от передозировок...

...Но вернемся. На рынке Таня попала под начало некоего оборотистого молодого парня, который был «челноком», как тогда говорили. Дело Никиты, «челнока», состояло в том, что он возил из Турции — дешевые тряпки, из Узбекистана — дешевые арбузы, из Грузии — дешевые мандарины, все дешевое — отовсюду, и Таня вместе с другими женщинами, числясь «за Никитой», торговала всем этим. Не было никаких налогов, никаких государственных платежей. На рынке царили нравы тюремной зоны, споры решались ножиком, процветали рэкет, мордобой. Женщины-продавщицы, Танины товарки, в основном такие же, как она, одинокие, с брошенными дома детьми, бывшие представительницы научно-технической интеллигенции из закрывшихся институтов, издательств и редакций, были почти что на положении наложниц-проституток у своих хозяев.

Вскоре и Таня переспала с Никитой, он ее отметил среди других, несмотря на разницу в возрасте, и потом взял с собой в Турцию, чтобы вместе закупать товар. Взял один раз, другой, третий — и через два месяца Таня, женщина с коммерческой жилкой, сама стала «челноком», поняв, что невелика тут наука.

Никиту к тому же убили — застрелили неизвестно кто и когда — просто как-то утром нашли его тело на рынке с пулевым отверстием в голове, и все. Никитины продавщицы перешли к Тане и были этим счастливы. Таня оказалась куда более деловой, чем Никита, — и дело стало процветать.

Прошло еще полгода, и Таня перестала ездить в Турцию — не потому, что устала, — ведь хлеб «челнока» несладок, и товар «челноки» возили тогда прямо на себе, в огромных тюках, которые таскали по аэропортам и вокзалам, экономя на всем, даже на платных тележках. А просто потому, что Таня явно нашла себя в торговом деле: у нее оказалось специальное торговое чутье, она закупала именно то, что быстро расхищалось на рынке, не залеживаясь.

Таня процветала и вскоре развернулась настолько, что наняла сначала пятерых, потом и еще пятерых «челноков», превратившись в хозяйку большого по рыночным меркам дела. «Челноки» ездили, продавщицы торговали — Таня ими управляла. Она уже приделась, как у нас тогда говорили, «не в турецкое» — это означало в европейское. Она уже не вылезала из ресторанов — она там и ела, и кутила, и швыряла деньгами, расслабляясь после рынка... И все равно — и ей, и семье, и ее подчиненным хватало. Заработки в те годы были шальные. И любовники у нее тоже были под стать заработкам и годам — лихие. Таня меняла их, когда хотела. Андрей, если уж строго подходить к этому вопросу, любовник-то был неважный, и Таня часто плакала в те, до новой жизни, годы, потому что... В общем, понятно, почему — не дети.

Через годик Таня задумала сделать в квартире ремонт, предварительно сделав квартиру своей. Она купила маленькие квартирki — Андрею, свекру, братьям Андрея, и все они с этим согласились. А вот свекровь Таня оставила жить с собой — шевельнулось что-то человеческое в Таниной душе, пожалела она одинокую старуху, от которой давно ушел ее муж-профессор, Танин бывший свекор. Да и за сыновьями кто-то должен был присматривать, старший, Игорь, был в переходном возрасте, с ним было не все ладно, младший часто болел.

Однако ремонт Таня учинила тоже как реванш.

— Я так хотела ИМ показать, кто же в доме теперь хозяин!

Она выбросила из квартиры все. Абсолютно все. Распродала все семейные реликвии и выпотрошила всю пыль дворянского их прошлого из закоулков.

И Тане никто не препятствовал. Свекровь уехала на дачу и носа не показывала.

Получилась европейская квартира, оборудованная по последнему слову бытовой техники. После ремонта Таня решилась на новый шаг — из «челночного» бизнеса она ушла в торговый, купив несколько магазинов в Москве.

— Как? Неужели? Эти магазины — твои? — Я не верю своим ушам. Таня — хозяйка двух хороших супермаркетов, куда я заезжаю после работы. — Поздравляю. Но цены же у тебя...

— Так страна же богатая, — парирует Таня жестко, но смеясь.

— Не очень богатая. Это ты просто стала акулой империализма. Жестковата...

— Конечно. Времена Ельцина ушли — с ними шальные деньги и романтика. Теперь у нас у власти ненасытные прагматики — я их так называю. И я — одна из них. Ты — против Путина, а я — за него. Мне кажется, что он мне почти родня — такой же ненасытный прагматик, сильно обиженный в прошлой нашей жизни и теперь берущий реванш...

— Что ты имеешь в виду под «ненасытностью»?

— Взятки. Бесконечные взятки, которые надо давать всем. Чтобы не лишиться магазинов, я плачу... Кому только не плачу. И чиновникам префектуры, и пожарным, и санитарным врачам, и московскому правительству... И бандитам, на территории которых находятся мои магазины. Да я, собственно, у бандитов их и купила...

— Не боишься с ними иметь дело?

— Нет. У меня есть цель — я хочу быть богатой. А это значит в наших сегодняшних реалиях, что я должна им платить — без этого «налога» меня тут же отстрелят и поменяют на кого-то другого.

— Ты не преувеличиваешь?

— Я преуменьшаю.

— А чиновники?

— Части чиновников плачу сама. Другой — уже сами бандиты. То есть я отдаю деньги бандитам, а бандиты уже урегулируют все с другими бандитами, я имею в виду наших чиновников. Так что мне это даже удобно.

— А Андрей?

— Он умер. Не выдержал все-таки, что я выплыла, а он ест мою красную икру. Просился обратно, но я не пустила. Сказала: ищи следующую студентку. Да и не хочу я жить с некрасивым. Я полюбила красоту: хожу на мужской стриптиз, там выбираю себе партнеров, многие соглашаются.

— Ну, даешь! Не тоскуешь по семейной жизни? По очагу?

— Нет. Точно — нет. Я только жить начала. Пусть с издержками, пусть тебе это покажется грязным... Но разве раньше я жила чисто?

— Как дети?

— Игорь, к сожалению, слабым оказался, в Андрея — наркоманит, сейчас в клинику его положила, уже в пятый раз. Надеюсь... Стасика в Лондоне обучаю.

Очень довольна. Очень! Он там — первый во всем. Свекровь с ним вместе, квартиру ей снимаю, Стасик неделю в общежитии живет, а на выходные — в этой квартирке у свекрови. Ей я операцию сделала — заплатила за все. Новый тазобедренный сустав вставили в Швейцарии — она и отжилась, бегает, как молодая, и меня обожает. И, знаешь, мне даже кажется, что искренне обожает... Деньги — великое дело.

В комнату впархивает Давид. С подносом.

— Время пить чай, девчонки... — тянет в нос. — Втроем. Можно, Танечка?

Таня согласно кивает и говорит, что сейчас вернется — хочет переодеться к чаю. Давид источает порочность и праздность. Обстановка достаточно противная. Но через пару минут возвращается Таня. Она вся в бриллиантах. Уши «горят», декольте «переливается», даже в волосах «мерцание»...

Конечно, это специально для меня. И я оцениваю. Почему бы не сделать человеку приятное? И Тане, действительно, очень приятно, и она вся светится, как ее бриллианты, от удовольствия самопрезентации себя, новой, перед старой подругой.

Дальше мы быстро выпиваем чай — мы обе спешим — и расстаемся.

— Давай только не на десять лет? — предлагает на прощание Таня.

— Постараемся, — отвечаю и думаю, спускаясь по лестнице, что в путинское время все, действительно, стали встречаться чаще. Имею в виду — старые друзья. У нас был период, в «позднем Ельцине», когда все были страшно заняты самовыживанием и зарабатыванием денег, когда не звонили друг другу годами, стесняясь кто бедности, кто богатства, когда многие навсегда уезжали за границу, когда многие пускали себе пулю в лоб от не востребованности, когда нюхали кокаин от гадости совершенных поступков... И вот теперь вроде бы все, кто

выжил, собираются вместе. Чаше, чем раньше. Общество заметно структурировалось, и появилось свободное время...

Через неделю я должна была быть на пресс-конференции по случаю выборов куда-то. По-моему, в городскую Думу — на освободившееся место. И там я встретила Таню — совершенно неожиданно для себя. Хозяйки супермаркетов в нашем уже достаточно структурированном, опять клановом, как при советском строе, обществе на политические пресс-конференции не ходят.

Таня явилась миру журналистов, строго выдержав стиль, — в классическом черном деловом костюме и без единого бриллианта. Был и Давид. И он тоже был высшего качества — безукоризненно исполнял роль Таниного делового секретаря, скромного и не взыскательного. Никаких «девчонок» в помине.

Я сидела там, где журналисты. Таня оказалась по другую сторону баррикад. И ей даже дали микрофон — последней из выступающих. Таня оказалась кандидатом в депутаты городской Думы. Она рассказала журналистам, мне в том числе, как она понимает проблемы бездомных в Москве, и пообещала бороться за их права, если избиратели окажут ей честь и выберут депутатом Законодательного собрания.

— Господи, зачем тебе это? Ты и так богатая? — спросила я Таню после пресс-конференции.

— Я же тебе уже объясняла — хочу быть еще богаче. Тут же все очень просто: не хочу платить взятки нашему депутату.

— И в этом вся причина?

— А это немало, между прочим. И это примитивный менеджмент. Ты просто не понимаешь, какой теперь уровень коррупции. Бандитам времен Ельцина и не снилось. Стану депутатом — «минус» один «налог». Поверь, он не такой уж маленький.

— А почему ты взяла тему защиты именно бездомных? — Мы перекочевали в дорогое французское кафе по соседству — кафе выбрала Таня, я в такие не хожу, дорого.

— По-моему, выгодно смотрюсь на таком фоне. К тому же я действительно могу им помочь выкарабкаться — я же знаю, как выкарабкиваться.

— А зачем на пресс-конференции, в конце, говорила о Путине? Как его любишь, уважаешь, веришь в него? Это тебя твои имиджмейкеры надоумили. Дурной же тон...

— Нет, не дурной. Так теперь положено. Я и сама знаю, без имиджмейкеров. — Таня запнулась на этом сложном английском слове, перекочевавшем в наш язык вместе с новой жизнью. — Если не скажу про Путина, завтра ко мне в магазин придет наш районный фээсбэшник и скажет, что я не сказала то, что все говорят... Так мы, бизнес, теперь живем.

— Ну придет, ну скажет... И что с того?

— Ничего. И потребует взятку.

— За что?!

— За то, что «забудет» то, что я не сказала.

— Слушай, а тебе все это не надоело?

— Нет. Если надо будет поцеловать Путина в задницу, чтобы получить еще пару магазинов — я поцелую.

— А что значит — «получить»? Ты же их покупаешь? Платишь — и все?

— Нет, теперь по-другому. «Получить» — значит заработать у чиновников право купить магазин за свои же деньги. Русский капитализм называется. Мне лично нравится. Когда разонравится, куплю себе какое-нибудь гражданство — и пока...

Мы расстались. Таня, конечно, стала депутатом. Говорят, неплохим, душевным, ратующим за московских бедных, организовала еще одну столовую для бездомных и беженцев. Купила еще три супермаркета. И часто выступает по телевидению с речами, прославляющими нынешние времена. Недавно звонила, попросила написать о ней статью, я и написала — вот эту, которую вы сейчас читаете. Таня попросила почитать до публикации, ужаснулась и сказала: «Все правильно» — но запретила публиковать в России до ее смерти. Я пообещала.

— А за границей?

— Ради Бога. Пусть знают, чем наши деньги пахнут.

Вот я и публикую.

Миша

Миша был мужем Лены, моей давней подруги, лет с семи, со школы. Лена вышла за него, когда они учились в институте. И это было очень давно, в конце 70-х. Миша был тогда очень умный и талантливый парень — переводчик с немецкого, синхронист уже в Институте иностранных языков, перспективный в высшей степени, после института его рвали на части, предлагая прекрасные места работы, что тогда встречалось редко.

Так Миша попал в Министерство иностранных дел. И это было очень престижно — в советские времена, особенно в их поздний период, редко какой мальчик без связей попадал в такую закрытую корпорацию, как наш МИД. А Миша был без связей — его воспитывала бабушка, простая уборщица. Мишина

мама очень рано и скоропостижно умерла от рака мозга, когда мальчику было только четырнадцать лет, а папа тут же покинул осиротевшую семью ради другой женщины.

И вот Миша — в МИДе. Мы очень дружим. Мы вместе ездим на пикники. Поедаем в лесу шашлыки, приготовленные на костре, и счастливы. С Леной мы и так близкие люди, но очень хочет дружить и Миша.

Основа наших отношений необычная — у меня двое маленьких детей, когда Миша приезжает, он может просто подолгу смотреть на них или с явным восторгом наблюдать за ними, какими бы глупостями те ни занимались, разговаривать с ними и часами играть с ними.

Все друзья знают: Миша очень хочет детей, он на этом помешен. Но моя подруга Лена — талантливый лингвист пишет кандидатскую диссертацию, и рождение ребенка все откладывает и откладывает на потом, когда получит степень кандидата филологических наук.

Миша от этого сильно нервничает, и то, что у них нет детей, потихоньку становится его комплексом — Миша начинает страдать и мучить всех вокруг, но прежде всего Лену, однако Лена — женщина с крепким характером, и если что решила, ни за что не уступит. Решила сначала защититься и получить степень кандидата наук, а уж потом забеременеть — значит, так тому и быть.

Лена-то решила — а Миша запил... Держался-держался — и слетел с катушек. Сначала он пил понемногу, — и все лишь посмеивались и подтрунивали над ним. Потом возлияния стали занимать по несколько дней, с уходами в неизвестном направлении и ночевками Бог знает где. Еще позже — по неделям. Лена сдавалась — уже и готова была поступиться принципами, недописав диссертацию... Но как можно рожать от постоянно пьющего мужчины?..

А тут уже и новые времена наступили: Горбачев, Ельцин, и Мишу только потому не увольняли за хронические запои (при коммунистах бы — моментально), что нечем было заменить, — все кадры, владеющие языками и имеющие опыт работы «по ту сторону» железного занавеса, в стране стали вдруг на вес золота и разбегались из МИДа от безденежья — по вновь возникающим коммерческим фирмам и представительствам иностранных компаний. Мишу туда, конечно, уже не звали, хотя немцы были первыми, кто ринулся на российский рынок, и переводчики с немецкого стали персонами номер один.

Впрочем, работа в МИДе для Миши тоже уже шла на дни — его увольняли. Как-то очень поздним вечером самого конца 96-го года, в декабре, когда мороз был под тридцать, в дверь позвонили — это была Лена в ночной рубашке на голое тело. В Москве так не ходят, уверяю... И тем более Лена — всегда очень ухоженная, уравновешенная, воспитанная и интеллигентная дама. Одна Ленина нога была босая, как у какой-то последней бездомной; на другой — наполовину расстегнутый сапог, голенище которого болталось, как флаг. Мою подругу трясло, будто она провалилась под лед и ее только что достали из полузамерзшей воды. Лена была насмерть чем-то напугана, и шок не давал ей понятно изъясняться.

— Миша... Миша... — повторяла она, как робот, говорящий одно слово, и продолжала рыдать в голос — совсем на себя не похоже, не останавливаясь и не замечая окружающие ее обстоятельства и людей.

Вот уже и дети проснулись, тихонько выйдя из своей комнаты на странный шум. Они встали кружком рядом с Леной, замороженные непонятым им горем... И, в конце концов, Лена очнулась — дети стали тем единственным, на что она отреагировала. Приняла стакан с успокоительным и стала рассказывать.

Миша отсутствовал дома уже третью ночь подряд. Лена и не слишком его ждала — привыкла и к запоям, и к загулам, и поэтому легла спать — ей рано утром в институт. Но вскоре после этой полуночи Миша вдруг заявился — это было неожиданно, если уж он запивал, то возвращался всегда по утрам.

На сей раз, прямо с порога, как был — в пальто и грязных ботинках, весь вонючий и невымытый — он прошел в спальню и молча встал над Леной, рассматривая ее в полутьме и не включая света. Миша казался совершенно пьяным и безумным. Его черные глаза сияли, как в цирковом фокусе с применением серы — неестественно и с серебристым отсветом на щеки. Еще недавно красивое лицо перекосила судорожная гримаса — и не отпускала мышцы. Лена поглубже окунулась в одеяло и молчала, наученная горьким опытом жизни с начинающим алкоголиком, — что-либо говорить все равно, что не говорить ничего, имеющий уши все равно не услышит. Надо дотерпеть, пока не заснет, — вот и весь рецепт.

Но Миша подобрался к кровати и сказал:

— Ну все... Ты во всем виновата... Что я пью... И сейчас я тебя буду убивать.

В Мишином голосе Лена услышала ту тихую решимость, которая не оставляла надежд. Она вскочила и заметалась по комнате. Сначала Миша загнал ее на балкон, и ей показалось, что шансов почти нет. Но пьяный человек неуклюж, и Лена смогла вывернуться боком через дверь, схватить что-то у порога и убежать по снегу, куда поближе. В дом ко мне.

Потом был развод, и каждый по отдельности, Лена и Миша, совершенно не плаксивые люди, плакали на моей кухне, рассказывая, как любят друг друга, но жить вместе уже не смогут...

Еще некоторое время потом мы с Мишей встречались, хотя все реже и реже, но он еще пока заходил в гости. В основном, конечно, просил денег, потому что продолжал пить и нуждался — его уволили, и он перебивался лишь случайными переводами, которые, впрочем, еще были.

В свои редкие и трезвые визиты Миша рассказывал, что старается начать новую жизнь, бросает пить, — вот увлекся православием, читает религиозные книги, окрестился, нашел духовника по себе, ходит на исповеди, причащается,

успокаивается от этого и вообще вполне серьезно к этому относится — уверен, спасение возможно. Внешне, впрочем, Миша был не похож на шагающего ко спасению — он порядком опустился, волосы имел всклокоченные, сальные, был очень неухоженным. О таком у нас говорят: «живет без женщины» — ходил он в черном затрапезном пальто явно с чужого плеча, которое ему было очень коротко, а на вопросы: «Где ты живешь?» отвечал сумбурно, в том смысле, что никто его не понимает, и как трудно где-то жить, когда никто не понимает...

При Ельцине это не было странным и из ряда вон выходящим явлением — по улицам бродило много нищих, потерявших работу, спившихся бывших интеллигентных и добропорядочных граждан, не нашедших себя в новой действительности. Именно на этой почве повсеместной неудовлетворенности, незанятости и ненужности многих профессионалов советского периода православие вошло в большую моду, и каждый неудачник — кто терял работу, жену, мужа, судьбу бежал в церковь, хотя и веровал далеко не всегда.

Поэтому Мишу — воспринимали как одного из многих идущих одним и тем же путем. Как-то он зашел трезвый и, тем не менее, радостный, попросил поздравить: оказывается, вчера у него родился сын. Мы бросились поздравлять — сбилось ведь, но Миша почему-то не был на том седьмом небе от счастья, которое мы могли бы себе представить, зная о его предыдущей страсти. Мальчика назвали Никитой — Миша и тогда, при Лене, много раз говорил, мечтая, если родится сын, то обязательно дать ему имя Никита.

— А кто мама Никиты? — спросила я осторожно.

— Молодая девчонка.

— Ты у нее живешь? Вы женаты? Или собираетесь?

— Нет, ее родители против меня.

— Так снимите квартиру, и живите вместе с сыном — это так важно.

— Денег нет.

— Начни зарабатывать.

— Не хочу и не могу. Потому что все равно не заработаю — поезд ушел.

И обрубил все разговоры по душам.

Прошло больше года, Ельцин уже отрекся от власти, назначил преемником Путина, началась вторая чеченская война, Путина постоянно показывали по телевизору — то он военным самолетом управляет, то в Чечне указания раздает. Приближались его выборы в президенты. Как-то поздно вечером позвонила Лена.

— Знаешь, — сказала она не своим, совершенно охрипшим голосом, какие бывают у певиц после концерта, — мне только что позвонили: Миша убил женщину, с которой жил. У нее остался четырнадцатилетний сын от первого брака. Мальчик в этот момент был в квартире. Миша напился — эта женщина, говорят, была его старше, жалела его очень, а, жалея, выпивала с ним, только чтобы ему не было одиноко и пусто. Вот так они выпили вчера, Миша взял нож и сказал то, что уже слышала: «Я тебя буду убивать».

Лена заплакала.

— А ведь это могла быть я, — произнесла она. — Помнишь? А вы все уговаривали меня не разводиться, говорили: он выправится, надо его лечить... А он бы просто меня убил.

Суд не был суров к Мише. Особенно после того, как там была рассказана вся его история, с момента скорострительной смерти горячо им любимой матери, когда сам он был в возрасте подростка. Суд дал Мише четыре с половиной года — так

мало за убийство, признав, впрочем, его полностью психически полноценным и вменяемым, даже на фоне алкоголических проблем.

Мишу отправили в зону, в Мордовию, в глухие леса. Через полгода к Лене, в ее московскую квартиру, где она жила уже с новым мужем и у нее, наконец, родился сын — приехал начальник той колонии, где Миша отбывал наказание. Начальник был не самый умный, но, видимо, добрый человек. Решение навестить Лену было его собственным — Миша, как выяснилось, его об этом не просил. Начальник посчитал своим долгом, будучи в столице в служебной командировке, найти Лену, несмотря на то, что она бывшая жена, и рассказать, что «ее Михаил» (начальник так и говорил, к ужасу нового мужа) — лучший из заключенных, кого он когда-либо встречал и с кем работал. Миша — самый грамотный и трудолюбивый в колонии. Начальник, в котором чувствовался педагогический талант, назначил Мишу следить за библиотекой для заключенных, и Миша навел там полный порядок, сам много читает и работает с преступниками, как настоящий психолог. Миша собственноручно сколотил деревянную церковь за колючей проволокой и собирается в монахи. Списался с монастырем, просит наставить его на избранный путь. Начальник также поведал Лене, что он очень поддерживает Мишины монастырские начинания, поскольку видит от них только пользу для своего контингента убийц, насильников и рецидивистов, и что из Москвы он, по Мишиной просьбе, должен привезти в мордовскую колонию специальную церковную утварь, купив ее в магазине Московской Патриархии.

Тюремщик завершил свою речь обещанием, что он будет непременно ходатайствовать о Мишином досрочном освобождении за примерное поведение в местах лишения свободы.

— Лена, вы не рады? — спросил он бывшую жену, заметив, что она чуть не плачет.

— Я боюсь. — ответила Лена.

— Не надо. — парировал Мишин начальник. — Он теперь другой — смирный. И не пьет. И никого уже не убьет, как мне кажется.

Начальник пригладил волосы, отхлебнул чаю и добавил с чувством сопричастности к перевоспитанию преступников, быстро потирая ладони резким движением друг о друга, будто собирался кожей своих ладоней высечь огонь:

— Честно говоря, мне немного жаль, что он скоро уйдет. Лучший... Ну, просто лучший мой кадр.

С этого момента мы стали готовиться, вдруг, вот-вот Миша объявится в Москве. Но он появился только в 2001 году — его освободили, сняв судимость. Несколько недель Миша поболтался по столичной жизни — опять бесквартирный, никому не нужный, немецкий язык забывший, совсем уже не умеющий приспособиться к жизни, которая наступила.

Я уже давно знала, что он в Москве. Но встретились мы совершенно случайно на Тверском бульваре — просто шли навстречу друг другу и с трудом узнали знакомые когда-то черты. Присели на скамейку — и проговорили часа три кряду. Про моих детей он не спрашивал — а я про его Никиту. Мише просто нужен был собеседник — «уши», которые его выслушают.

Все время он говорил о монашестве и правильном выборе монастыря — я наблюдала, кто же передо мной. От прежнего — от юности — в нем почти ничего не осталось. Он выглядел седым, старым и обрюзгшим. Никакого таланта, особой одаренности, какие в нем ощущались когда-то. Только обида на судьбу. И много тюремного жаргона. Еще Миша твердил какую-то банальную ерунду — о смысле жизни, как об этом пишут в примитивных книжках для людей, почти не учившихся. И я поняла, какая библиотека была в мордовском лагере.

— Ты устроился на работу?

— А куда? Всюду мало платят и много требуют.

— Да все мы так сейчас... Надо уметь терпеть... — начала я. Но Миша перебил:

— А я не хочу, как все.

Вот уж чего у него было навалом, так это «не быть, как все».

— Как у тебя с монастырем?

— Пока не берут. Там тоже очередь и блат. Связи нужны. Мне мешает, что я сидел.

— Наверное, ты понимаешь, что это естественно... Ты же, действительно, из тюрьмы недавно.

— Я не понимаю, — Миша стал агрессивен.

— И что ты намерен делать?

— Пойду в ту маленькую церквушку, — Миша махнул рукой за свою спину. И там, действительно, стоял вросший от времени один из самых старых храмов Москвы, — наймусь сторожем. Для монастыря нужен профильный стаж, как мне сказали.

И тут мы оба засмеялись. Только человек, рожденный в СССР и проживший там некоторую сознательную часть своей жизни, знает, что такое разговоры про «профильный стаж» — типичный советский подход к приему на работу и в хороший институт, если не по знакомству. Хотя говорим мы о монастыре, религии, вере, конфессиональных правилах... И нет ничего более антиподного реалиям советского образа жизни, чем они. Мы продолжали хохотать.

— Смешно, — говорил Миша. — При нашей нынешней действительности православные правила и советская действительность вдруг сомкнулись.

Из-под нависших болезненных век то ли почечника, то ли сердечника вдруг глянул на меня прежний Миша — веселый, заводной, игривый, куражный.

— Конечно, сомкнулись. Ты просто давно тут не был. Ты не боишься, что церковь, куда ты так стремишься, стала тем же райкомом комсомола, от чего ты так когда-то убегал? Просто все подретушировалось под новые веяния? И ты потом, уже попав в монастырь, жестоко разочаруешься? И...

Я поймала себя на полуслове. И не найдя нужного выражения, осеклась.

— Ты хотела сказать, что я опять кого-то убью, взвалив вину на него за собственные проблемы?

— Ну, не совсем... — Я стала заикаться, хотя именно это я и хотела, сказать — мы с Мишей, похоже, опять отлично понимали друг друга.

— Совсем, совсем... Не подбирай слов... Отвечу тебе так: боюсь, конечно. Но мне некуда деваться. Если я останусь — обязательно сяду опять. Мне в тюрьме лучше — в закрытом пространстве. А монастырь — зона. Только другие охранники. Мне надо жить под охраной. Я сам с собой не справляюсь, видя, какая жизнь вокруг.

— А какая она?

— Циничная. А я цинизма не выношу. Оттого и пил.

— А свою женщину зачем убил? Она была циничная?

— Нет, она была очень хорошая. Но я не помню, как ее убил. Пьян был.

— Так ты в миру все равно не останешься?

— Ни в коем случае. Не выдержу.

Больше мы с ним не виделись. Но я знаю, что в монастырь Миша не успел. Оформление тянулось очень долго: православная бюрократия у нас, как государственное чиновничество, — равнодушное ко всему, что не его личные нужды. Миша долго ходил в Патриархию, носил какие-то справки, работая церковным сторожем и живя прямо при храме. Постепенно стал попивать снова. Пару раз появлялся у Лены — опять просил денег... Один раз она ему дала сто рублей. Во второй отказала и правильно сделала: не для него она и муж ее работают, чтобы Миша имел возможность выпить, когда хочется... Правильно, конечно.

А Миша пошел и бросился в метро под поезд. О чем мы узнали много позже, и случайно. Пытались что-то выяснить, и оказалось, что Мишу — одного из самых талантливых людей нашей страны, которых я знала, — похоронили как бездомного и «невостребованного» (никто из родственников не обратился). Вернее, похоронили прах его — таких у нас кремируют. Могила Миши неизвестна.

Ринат

...Можно ходить прямо, а можно в обход. Расположение специального разведывательного полка Министерства обороны России — самого элитного его подразделения — конечно, не место для прогулок гражданских лиц, как я. Но иногда это очень требуется. Меня привел сюда Ринат. Он — один из офицеров этого полка, его звание — майор. Родом Ринат неизвестно откуда — круглый сирота, воспитывавшийся в детском доме с первых месяцев жизни. У него восточное лицо, раскосые глаза, и говорит Ринат на нескольких редких языках народов Средней Азии. Военная специальность офицера — разведчик, за эту службу у него много орденов и медалей. Ринат прошел афганскую войну, годами, нелегалом, сидел потом в таджикских бандах в горах и на афгано-таджикской

границе и брал с поличным бандитов-наркоторговцев. Еще, тоже нелегалом, от имени российского правительства помогал приводить к власти некоторых нынешних президентов бывших советских республик. Естественно, много бывал в Чечне. И на первой чеченской войне, и на второй. Вся грудь Рината в орденах.

Мы ищем с Ринатом дырку в секретном полковом заборе. Он хочет показать, как он, увешенный орденами, живет в офицерской казарме, а счастье в виде дома в военном городке, куда он хотел вселиться, обошло его стороной. И хотя этот полк очень знаменитый, вышколенный и элитный, — дырку мы обнаруживаем, и весьма внушительную, целый танк пройдет. Не то, что мы вдвоем.

Пять минут ходьбы, и вот он — жилой городок разведчиков. Утро. Вокруг хмурые лица офицеров, свободных сегодня от службы. Погода, впрочем, тоже невеселая, размытая глина под нашими ногами — не идем, а плывем, смотря себе под ноги, чтобы не упасть.

Поднимаю глаза, и — о, чудо! — передо мной, как мираж посреди унылых пятиэтажек, красивый салатово-серый многоэтажный новый дом.

— Все началось именно с него, — говорит Ринат. — Конечно, я хотел квартиру в нем. Ну, сколько можно уже скитаться?.. Сын подрастает. И я — все по войнам.

Майор смолкает на полуфразе и уходит в какой-то не ясный мне маневр. Он вдруг прячет лицо, пригибается — будто обстрел и надо искать окоп, чтобы спастись. Ринат тихо шепчет, что лучше бы сделать вид, что мы не знакомы и только что встретились, а еще просит не смотреть вперед, не размахивать руками и не привлекать внимания... Странности?

— Да что же случилось?! — спрашиваю. — Засада, что ли?

Глупость, конечно: ну какая может быть засада в охраняемой зоне постоянной дислокации военного подразделения...

— Его нельзя злить... — так же тихо произносит Ринат, продолжая отвлекающий маневр, и мы, действительно, как разведчики, быстро, ловко, но без суеты, чтобы неожиданной резкостью не обратить на себя внимания окружающих, меняем курс.

— Кого нельзя злить? — допытываюсь, когда Ринат поднимает голову и облегченно вздыхает в знак того, что опасность миновала.

— Заместителя командира нашего полка — Петрова.

Оказывается, мы только потому так сейчас маневрировали на местности, что Петров собственной персоной как раз ехал нам навстречу. Его автомобиль подрулил к красивому дому — потому что Петров в нем живет. И лишь когда он скрылся в подъезде, Ринат успокоился. И мы продолжили прогулку по военному городку — туда-сюда, вперед-назад. Как ни старались, а все получалось, что вокруг красивого дома... И Ринат смотрел на него с тоской и завистью.

Честно говоря, я в замешательстве. Немного знаю боевую биографию Рината, его бесстрашие и мужество, удивлена: а чего он, собственно, боится больше всего? Он, разведчик с огромным стажем, участием в войнах и боях? Смерти?

— Нет, к смерти притерпелся. Я не рисуюсь.

— Плена?

— Да, боюсь, конечно, — потому что понимаю, будут пытаться. Сам видел. В бандах. Но и плена не так уж сильно боюсь.

— Тогда чего же?

— Наверное, мира. Мирной жизни. Я ничего в ней не понимаю. Я к ней не готов.

Ринату — 37 лет. Он только и делал в жизни, что бегал по войнам. Весь изранен. У него язва желудка и двенадцатиперстной кишки, еще — расстройство нервной системы, его не отпускают мучительные боли в суставах и фантомные мозговые спазмы после нескольких ранений в голову.

Недавно майор решил осесть — вернуться со всех своих войн в обычный наш мир, и тут-то оказалось, что в нем он ровным счетом ничего не понимает. Например, а кто ему даст дом? Ведь ему же полагается квартира за все то, через что он прошел, защищая интересы государства? Или — деньги?..

Как только он стал задавать Петрову, заместителю командира полка, эти вопросы, тут и выяснилось, что ему не полагается ничего. И Ринат сделал вывод: пока, выполняя особые задания своего правительства, он бегал по горам, странам и континентам, он был нужен своему государству, и оно давало ему ордена и медали. Как только здоровье майора вышло в тираж, он решил остановиться и попытаться осесть, оказалось, что нет ему тут никакого места, не приготовлено, и военное начальство попросту вышвыривает Рината на улицу. Даже из убогого угла в офицерской казарме, где он сейчас спит. Вместе с ребенком.

У Рината есть сын Эдик. Ринат — отец-одиночка, мама мальчика погибла несколько лет назад, и долгое время Эдик жил в офицерской казарме совершенно один, ожидая отца в этом самом углу, из которого их сейчас выгоняют — с его многочисленных войн и ответственных боевых заданий...

— Я знаю, как убить врага так, чтобы он не издал ни единого звука, — объясняет Ринат. — Я умею бесшумно и быстро влезть на гору и обезвредить тех, кто сидит на этой горе. Я — отличный скалолаз и альпинист. Я «читаю» горы — по веточкам и кустам, кто там и где притаился... Я чувствую горы — говорят, это дар

от природы. Но я не умею добиться квартиры. Я вообще ничего не могу добиться в гражданской жизни.

Передо мной — беспомощный профессиональный убийца, подготовленный государством. И у нас сейчас таких много. Государство посылает людей на какую по счету войну, эти люди годами существуют в условиях войн, возвращаются и не понимают, из чего состоит мирная жизнь, какие в ней законы и порядки, — и спиваются, и уходят в банды, и становятся наемными киллерами, и новые хозяева платят им большие деньги, говоря, что они уничтожают, кого требуется уничтожить ради интересов государства...

А государство? Ему плевать. При Путине оно фактически перестало заботиться об офицерах, прошедших войны. И, кажется, будто оно заинтересовано в том, чтобы стало больше высокопрофессиональных киллеров в составе криминальных банд.

— Вы, Ринат, о том же думаете для себя?

— Нет, я не хочу. Но если мы с Эдиком окажемся на улице... Не исключаю. Я умею только то, что умею.

...Мы с Ринатом, наконец, подползаем по грязи и слякоти к унылой развалюхе. Ее тут называют «трехэтажка». Это и есть офицерская казарма. Мы поднимаемся на третий этаж, и за облезлой дверью — убогая казенная комната...

У майора никогда в жизни не было дома и своего угла. Вообще. Сначала — детский дом на Урале, в городе Нижний Тагил. Потом — казармы военного училища, в которое он поступил из детского дома. Еще позже — гарнизонные общежития вперемежку с палатками полевых лагерей. За плечами — уже шестнадцать лет в строю. Перекати-поле по присяге. А последние одиннадцать лет Ринат только и делал, что кочевал из одной боевой командировки на другую. От такой жизни у него так и не появилось вещей.

— И я был счастлив, — говорит майор, — я и не хотел уходить из войны... Думал, так навсегда...

Все, что нажил Ринат, умещается сейчас в одной парашютной сумке. Майор открывает казенный шкаф с инвентарным номером на жалком обшарпанном боку и показывает эту сумку.

— На плечо — и в командировку, — коротко объясняет, каковы его жизненные ценности и убеждения.

На диване сидит мальчик и как-то скорбно смотрит на нас. Это и есть Эдик. И я перебиваю майора:

— Но ведь вы были женаты? Значит, у вас было какое-то хозяйство?

— Нет, не было. Не успели.

Пока Ринат воевал в Таджикистане, помогая нынешнему президенту Рахмонову брать власть, в Киргизии у него появилась жена. С ней они встретились во время предыдущей боевой командировки Рината — в городе Оше, где она жила и куда однажды прибыл Ринат, потому что в Оше началась резня на национальной почве.

Они поженились прямо на фоне этой резни — по пылкой и страстной любви, вспыхнувшей среди крови и боли. Ринат тогда привел свою юную жену к своему командиру и сказал: «Все, мы женаты». Командир развел руками и только и попросил, что оставить жену в Оше, любимая женщина для разведчика — ахиллесова пята. И он оставил и отправился обратно в Таджикистан, в банду на границу.

Потом командир ему сказал, что жена родила мальчика и назвала Эдиком. А еще позже, в июне 1995 года, его юную жену, студентку местной консерватории,

выследив, убили те, кто был недоволен деятельностью Рината в Таджикистане... Жене только что исполнился 21 год, и в тот день она шла сдавать экзамен за третий курс...

Поначалу Эдик жил у бабушки в Киргизии — мальчик был слишком маленьким, чтобы выдержать жизнь по офицерским общежитиям, да и Ринат очень редко ночевал в неудобных, неметеных комнатах, куда его определяло государство, — он продолжал бегать по спецоперациям и горам нашей страны, получил два тяжелых ранения, отлеживался по госпиталям...

— И все равно я не хотел другой жизни, — говорит Ринат. — Но Эдик стал подрастать.

Наконец, пришел момент, и он решил взять сына к себе, и с тех пор Эдик ездит к бабушке, лишь когда у Рината полугодовые боевые командировки, на такое время мальчика не оставишь под присмотром соседей.

...Мы сидим в их комнатухе — тут холодно и неудобно. Эдик — молчаливый мальчик с ясными, все понимающими и очень взрослыми глазами. Говорит он, только когда отец выходит из комнаты и когда его спрашивают — сын разведчика, одним словом. Он понимает, что отцу очень тяжело сейчас, и поэтому в следующем учебном году он хочет отправить Эдика в кадетский корпус, но мальчику эта идея не нравится.

— Я хочу жить дома, — говорит он спокойно и очень по-мужски, без надрыва, но, тем не менее, повторяет несколько раз. — Я хочу жить дома. Дома...

— А это — твой дом? Ты чувствуешь себя здесь, как дома?

Эдик — честный парень. Он знает: когда нельзя ответить правду, то лучше промолчать. И именно так он и поступает.

Действительно, кто возьмется назвать этот загон для боевых офицеров с пьяными воплями контрактников за тонкой стеной, с инвентарной казенной мебелью — домом?.. Но Эдик знает, что отца гонят и отсюда. Значит, пусть это будет дом.

Отношения командования полка и майора стали портиться, когда Ринат пошел просить квартиру в новом красивом доме — том самом, прогуливаясь рядом с которым мы прятались от глаз заместителя командира полка Петрова. Майор полагал, идя с просьбой, что он прав, ведь уже много лет, как Ринат — первый в очереди на жилье.

— Когда я попросил, Петров возмутился: «Ты мало сделал для полка», — рассказывает Ринат. — Представьте, именно такую фразу и произнес. Я удивился и ответил: «Я воевал. Все время. Да я снял летчиков с горы, с которой их никто не мог снять... Я нужен государству».

Действительно, была такая история, за которую майор был представлен к высшему званию — Герой России. В июне 2001 года, в чеченских горах, в районе села Итум-Кале, разбился военный истребитель. Несколько поисково-спасательных групп ходили тогда в горы — искать экипаж, но все было впустую. Командование вспомнило о Ринате, прежде всего о его уникальном боевом опыте и о том, что он «чувствует горы» и умеет «читать» их, ориентируясь по веточкам, палочкам, листочкам.

Майор действительно нашел тогда погибших летчиков всего за сутки. Одно тело было уже заминировано боевиками — и Ринат его разминировал, и семьи теперь имеют могилы.

Боевые офицеры говорят обычно так: командиры, которые теряются в бою и горах, очень хороши именно на гражданке. Ринат тогда так прямо и сказал Петрову: «Знаю я, каким «героем» ты был в Чечне, все по штабам прятался». И замполит ответил ему, ударив по самому больному: «Ну, вот ты и попал, майор...

За разговорчики свои... Будешь бомжевать у меня, майор... Уволю без квартиры... С ребенком на улицу пойдешь».

И стал претворять обещанное в жизнь. По полному списку. Сначала он унизил майора, офицера с уникальным боевым опытом, тем, что перевели его в... оформители плаца. Еще — в заведующие клубом. Заведовать показом кино для солдат.

Потом Петров приказал рисовать Ринату плакаты для плаца (Ринат — отличный художник), которые по должности полагалось рисовать жене Петрова, — и та просто перестала появляться на службе, и все офицеры полка знали, что Ринат работает за жену Петрова, а та отдыхает, в том новом красивом доме...

Тут еще Эдик тяжело заболел, попал в больницу, и врачи велели Ринату сидеть у его постели. Ринат стал постоянно отпрашиваться, а Петров — задним числом и невзирая на официальный больничный лист, выданный врачами принялся ставить ему прогулы... Потом собрал суд офицерской чести, там подтасовали протокол, и на основании этого протокола вышвырнул майора из квартирной очереди и теперь ходатайствует об увольнении Рината из армии без всяких льгот. Короче, коса на камень.

— За что? — опускает голову майор, уже понявший, что тут не война и его обязательно переиграют.

Войны, которые ведет наша страна и в которых участвует, продолжаются везде, где находятся люди, через них прошедшие. Прежде всего, в подразделениях, куда они возвращаются из боевых командировок. Штабные офицеры там насмерть воюют с «боевиками», боевыми офицерами. За неповиновение, невзирая на заслуги, их увольняют, с унижениями и оскорблениями вслед, Ринат — не единственный. Офицеры в армии теперь делятся на две неравные категории. Первые — действительно, участники боевых операций, рисковавшие жизнью, ползавшие по горам, зарывавшиеся в снег и землю на долгие сутки, многие

израненные вдоль и поперек. Жалко их до смерти — им сложно пристроиться к нашей обычной, а для них дикой мирной жизни, где надо лавировать, а не хвататься за автомат, и они не находят общего языка со штабными, часто тоже побывавшими в Чечне, — и бунтуют, пьют, маются, и эти штабные, как правило, их переигрывают по всем статьям: наговорят гадости о них, где нужно, к начальству сбегают, понаушничают, поинтригуют... Глядишь, и подвели строптивых под увольнение. За что? За себя, конечно. Только за то, что одним своим присутствием в частях боевые офицеры ежедневно напоминают им, кто есть кто на этом свете.

А сами? А сами — вперед, вверх по чинам со скоростью летящего метеорита. Штабные отлично обустривают свою бытовую жизнь, получают квартиры, дачи...

В конце концов, Ринат сдался. Он бросил армию, которую так любил, и ушел с Эдиком в никуда. Бездомный нищий боевой офицер. Я боюсь за него — потому что я догадываюсь, куда он подался.

Но я боюсь не только за него, но и за всех нас.